

А. А. Кизеветтеръ.

ИСТОРІЯ РОССІИ

ВЪ XIX ВѢКѢ.

Курсъ лекцій, читанный на М. В. Ж. К. въ 1915-16 году.

Изданный по запискамъ слушательницъ безъ просмотра авторомъ.

Часть I.

МОСКВА—1916.

А. А. Кизеветтеръ.

ИСТОРІЯ РОССІИ

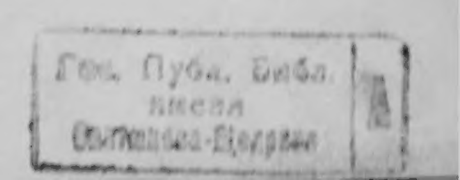
ВЪ XIX ВѢКѢ.

Курсъ лекцій, читанный на М. В. Ж. К. въ 1915-16 году.

Изданный по запискамъ слушательницъ безъ просмотра авторомъ.

Типографія В. И. Воронова, преемн. Ѳ. Л. Гавриленко.
Москва, Моховая, д. кн. Гагарина.

Исторія Россіи въ XIX в.

Списокъ книгъ, съ которыми полезно познакомиться слушательницамъ параллельно со слушаніемъ этихъ лекцій.

Въ качествѣ руководящаго пособія при изученіи сознательныхъ преобразовательныхъ попытокъ въ теченіе 1-й четверти 19 ст. можно указать на книги Пыпина: „Общественныя движенія при Александрѣ I“, книга эта вышла давно и нуждается въ нѣкоторомъ освѣженіи содержанія въ виду открытыхъ матеріаловъ. Корниловъ—„Исторія Россіи въ XIX вѣкѣ“.

Книга Семевскаго—„Политическія и Общественныя идеи декабристовъ“.

Для изученія реформъ государственныхъ учрежденій, осуществленныхъ при Александрѣ I, можетъ служить книга Щеглова—„Государственный Совѣтъ въ Россіи“, очень важная по богатому фактическому матеріалу и

Книга Покровскаго—„Министерская власть въ Россіи“.

Наконецъ, т. к. эти вопросы соприкасаются съ основами государственнаго устройства Россіи, было бы полезно проштудировать курсъ русскаго государственнаго права напр. Коркунова—„Русское Государственное право“, которое особенно цѣнно тѣмъ, что наряду съ систематическимъ анализомъ высшихъ государственныхъ учрежденій Россіи, даетъ и очеркъ развитія этихъ учрежденій.

Можно воспользоваться и „Курсомъ русскаго государственнаго права“—Ивановскаго. Это книги для перваго отдѣла нашего курса.

Шильдеръ—„Александръ I“. 4 тома.

В. К. Николай Михайловичъ—„Графъ Строгановъ и его время“—очень цѣнная книга благодаря своимъ приложеніямъ.

В. К. Николай Михайловичъ—Александръ I.

Введеніе.

Предметомъ нашего курса въ нынѣшнемъ году послужитъ исторія Россіи въ 19 в., но прежде чѣмъ останавливаться на ней, надо остановиться выяснить сущность русскаго историческаго процесса, на который существуетъ нѣсколько взглядовъ. Русскій историч. процессъ—совокупность тѣхъ же основныхъ явленій, которыя встрѣчаются и въ Зап. Европѣ, но это не значитъ, что у насъ онъ выражается въ тождественной формѣ. Съ самаго зарожденія нашей исторіографіи идетъ споръ—своеобразенъ или нѣтъ рус. историч. процессъ? Издавна встрѣчаются 2 противоположныхъ теченія: 1) нельзя мѣрить русское прошлое запад.-европейскимъ аршиномъ—эта точка зрѣнія 40-хъ годовъ—славянофиловъ, основывающихся на гегеліанской философіи, сущность которой сводилась къ тому, что исторія есть осуществленіе опредѣленнаго плана Мірового Разума, который разсматривается въ жизни отдѣльныхъ народовъ частями, заранѣе опредѣленными. Что ни особый народъ, то особая цѣль. Каждый народъ въ извѣстное время играетъ первую скрипку на міровой аренѣ, затѣмъ выступаетъ другой, и такъ продолжается все время эта смѣна, пока не выступитъ народъ, цѣль котораго воплотить въ себѣ основную сущность Мірового Разума. До сихъ поръ славянофилы шли съ Гегелемъ въ этомъ же направленіи, но съ этого пункта они расходились съ нимъ. Гегель утверждалъ, что таковъ народъ нѣмецкій, а славянофилы,—что основное существо Мірового Разума воплотится въ русс. народѣ. Итакъ славянофилы взяли Гегеля его основной взглядъ; что историческій процессъ цѣлесообразенъ; у Россіи есть *своя* задача, слѣдовательно, онъ же и своеобразенъ. Такова теорія свое-

образія, какъ она выразилась въ 40-хъ г.г. Но прошелъ рядъ десятилѣтій и изслѣдователи исторіи, покинувъ эту точку зрѣнія, стали разсматривать исторію съ точки зрѣнія причинности, но это измѣненіе собственно не погребло теоріи своеобразія нашей исторіи, только историч. процессъ одѣлся теперь въ другую одежду. Образовавшееся въ 70-хъ годахъ народническое движеніе, отправляется совершенно отъ другой точки мышленія,—оно совершенно иначе признаетъ своеобразіе. Вотъ ихъ отправная точка. Конечнымъ положеніемъ будетъ замѣна современнаго буржуазнаго строя—соціальнымъ. При чемъ своеобразіе русс. историч. процесса представляется въ слѣдующемъ видѣ: З. Европа идетъ отъ первобытной стадіи къ капиталистической. Теперь она переживаетъ капитализмъ. Ей нужно перевариться въ фабричномъ котлѣ, чтобы она пошла по соціальному пути. Россія же минуетъ капитализмъ и прямо попадетъ въ блаженное царство соціализма. Благодаря своимъ особеннымъ условіямъ въ ней невозможно созданіе капитализма. Эта точка зрѣнія отпадаетъ, такъ какъ нельзя утверждать, что въ Россіи нѣтъ капитализма. Проявленіе его—уже одинъ аргументъ въ защиту выступающей противоположной теоріи, что, слѣдовательно, русс. историч. процессъ вовсе не своеобразенъ. Борьба за свои точки зрѣнія сводилась къ тому, что одни историки утверждали, что Россія не знала феодализма, другіе же подобрали такъ матерьялъ, что возможно было возсозданіе въ нашей исторіи полнѣйшаго тождества съ Зап. Европой. Какъ та, такъ и другая точка зрѣнія слишкомъ крайни въ своихъ началахъ, которыя онѣ принимаютъ за основанія; ни та, ни другая не укладываются на Прокрустовомъ ложѣ—истина остается посерединѣ—такова точка зрѣнія русск. историковъ-реалистовъ. Русск. историч. жизнь имѣетъ свои отличительныя особенности, которыя больше количественнаго характера, а не качественнаго, какъ полагали славянофилы. Русская исторія—совокупность тѣхъ же основныхъ процессовъ, но надо имѣть въ виду, что у насъ они, во-первыхъ, развились болѣе медленнымъ темпомъ и, во-вторыхъ, получили менѣе заостренную форму. Какъ въ 19 вѣкѣ, такъ и на всемъ протяженіи нашей исторіи все полу-

чаетъ расплывчатую форму. Вотъ таковъ же былъ и основной процессъ нашей исторіи въ 19 вѣкѣ—т.-е. сходный съ Западноевропейскимъ—это растянувшійся процессъ переработки такъ называемаго „Стараго порядка" въ новый политическій и общественный строй.

Старый порядокъ—чисто техническое выраженіе—означаетъ такой общественно-политическій строй, который представляетъ собой совмѣщеніе политическаго абсолютизма съ общественнымъ феодализмомъ. Выражался онъ въ томъ, что политически неограниченный государь, которому принадлежала высшая власть (суверенитетъ), опирался на высшій классъ земельной аристократіи—феодаловъ, утерявшихъ политическія права, но удержавшихъ права соціальныя, державшихъ въ экономической зависимости все земледѣльческое населеніе страны, и бывшихъ командующимъ классомъ въ странѣ. Но наряду съ этимъ могущественнымъ классомъ растетъ въ концѣ 18 вѣка новая сила—буржуазія, не владѣющая землей, но владѣющая талантами и умственными рессурсами. Опираясь на нихъ, она и себѣ требовала право активнаго участія въ политической жизни страны. Произошло рѣзкое столкновеніе новой могучей силы со старымъ порядкомъ. Это столкноненіе называется Великой Французской Революціей. Съ этого момента началась переработка стараго порядка въ Зап. Европѣ. Русскій старый порядокъ вылился въ опредѣленныя формы къ концу 18 вѣка.

До 18 вѣка въ Россіи абсолютная монархія не имѣла въ своемъ распоряженіи технически-изощренныхъ орудій управленія: регулярной арміи, правильно организованной податной системы и развитыхъ административныхъ учрежденій. Въ силу этого она должна была прибѣгать къ содѣйствію общественныхъ силъ, выражавшихся въ формѣ земскихъ соборовъ и подачѣ челобитныхъ. Только со временъ Петра Великаго неограниченная монархія пріобрѣла не только юридически, но и фактически вліяніе на всѣ стороны народной жизни. Но, подчиняя себѣ всѣ сферы жизни общественной и государственной, абсолютная власть въ 18 вѣкѣ въ сущности сама подчиняется экономическимъ условіямъ страны,

порожденнымъ господствомъ натуральнаго хозяйства, и сосредоточиваетъ земли въ рукахъ дворянства. Въ Московской Руси служилые люди были обязаны государству пожизненной ратной службой; сохранились такъ называемые, „десятки"—списки лицъ военно-служилаго сословія, въ кото рыхъ говорится про военнаго человѣка безъ руки, безъ ноги, но который долженъ былъ продолжать службу. Слово „отставка" не было извѣстно: если служилый человѣкъ переставалъ служить, то долженъ былъ найти другого за себя. Но это сословіе заботилось о закрѣпленіи за собою владѣльческаго права на крестьянъ и на землю, т.-е. заботилось о своихъ привилегіяхъ. Однако этому противодѣйствовала военная обстановка того времени, когда Московское государство должно было отстаивать свою національную независимость на востокѣ—отъ татаръ, на западѣ отражать нападенія Литвы, шведовъ и нѣмцевъ. Эта-то военная борьба налагала на всѣ классы общества обязательныя военно-хозяйственныя повинности и тѣмъ самымъ препятствовала расширенію и углубленію экономическихъ привилегій дворянскаго класса. Но когда военная обстановка исчезла послѣ Великой Сѣверной войны, поставившей Россію въ рядъ великихъ европейскихъ державъ, дворянство, опираясь на свои привилегіи, стало усиливаться. Натуральное хозяйство остается, мобилизація,—сила, противодѣйствующая захвату соціально-экономическихъ привилегій, отпадаетъ—въ результатѣ растетъ Старый порядокъ. Особенно ярко выразилось стремленіе дворянъ къ привилегіямъ во время вступленія на престолъ Анны Іоанновны. Русское дворянство стремилось къ захвату политической власти, какъ къ средству достигнуть соціально-экономическихъ привилегій. Оно проектировало создать конституціонную монархію, опирающуюся на привилегированное дворянство. Въ эту эпоху появляются ловкіе „государственныхъ дѣлъ" мастера. Такимъ былъ баронъ Остерманъ. Въ самый критическій моментъ политической жизни онъ назывался больнымъ, но это значило, что онъ готовитъ какую-нибудь новую интригу; у изголовья его смертнаго одра сходились нити тончайшихъ политическихъ интригъ. Въ то время какъ дворянство волновалось, требовало

конституціи. Остерманъ послалъ ловкихъ и надежныхъ людей которые втерлись между московскихъ дворянъ и незамѣтно, тонкими струйками вливали ядъ остермановскихъ идей. Остерманъ отлично понялъ всю подоплеку этой дворянской конституціи и совѣтовалъ дворянству, отказавшись отъ политическихъ притязаній на самодержавную власть, потребовать соціально-экономическихъ привилегій. Дворянство пошло на это. Анна Іоанновна разорвала уже подписанную конституцію и вступила на престолъ неограниченной монархиней, а на дворянство съ высоты самодержавнаго престола посыпались „великія и богатыя милости“—въ жизнь стали воплощаться основныя черты стараго порядка.

Во-1-хъ сокращается срокъ военной службы дворянъ на 25 л.

2) Устанавливается свободное дворянское землевладѣніе.

3) Издается указъ о вольности дворянства при Петрѣ III.

4) Жалованная грамота Россійскому дворянству при Екатеринѣ II. Результатомъ этихъ дѣйствій правительства является тайный отказъ дворянства отъ политическихъ притязаній.

Особенно ярко это сказывается при сравненіи проектовъ, составленныхъ дворянствомъ въ 1730 г. съ требованіемъ законодательной власти, съ наказами, привезенными представителями дворянства въ комиссію 1767 г., которые блестятъ полнѣйшимъ отсутствіемъ политическихъ притязаній. Къ этому времени относится сильный отливъ дворянъ изъ центра въ свои помѣстья.

Параллельно происходитъ и процессъ закрѣпощенія крестьянъ въ рабство.

Источникомъ дворянскихъ привилегій и рабства крестьянъ являлось господство натурально-хозяйственныхъ отношеній, слабое производство сельско-хозяйственныхъ продуктовъ для сбыта, низкій уровень торгово-промышленной жизни. Такимъ образомъ, къ концу 18 в. въ Россіи устанавливается въ политическомъ отношеніи абсолютная монархія, въ экономическомъ—натуральное хозяйство, въ соціальномъ—господство землевладѣльческаго дворянства. Государство рисуется въ видѣ пирамиды, на вершинѣ которой абсолютный

монархъ, опирающійся на основаніе — соціально-экономическій феодализмъ—землевладѣльческую и рабовладѣльческую аристократію.

Буржуазія еще только зарождалась и не могла оказать противодѣйствія наростающему порядку. Но къ концу 18 столѣтія и началу 19-го вдругъ заколебался старый порядокъ и заколебался самъ въ себѣ—среди дворянства. Два зловѣщихъ вихря пронеслись надъ русскою жизнью и заколебали существующій строй сверху и снизу: Пугачевъ и Павелъ I. Дворяне поняли, что надежды на прочность стараго порядка плохи, и что не такъ-то сладко спать на рабовладѣльческой постели, что подъ ними вулканическая почва, а съ другой стороны поняли, что всѣ ихъ привилегіи зависятъ отъ личности государя. Павелъ I однимъ росчеркомъ пера отмѣнилъ всѣ законы Екатерины II—дворянской царицы въ полномъ смыслѣ этого слова, и жалованная грамота—дворянству улыбнулась. „Дворянинъ только тотъ, кто со мной говоритъ и только до тѣхъ поръ, пока я съ нимъ говорю", говаривалъ Павелъ. Отправляясь на плацъ, офицеры брали съ собой полушубки и съѣстные припасы, потому что прямо оттуда, иногда, Павелъ отправлялъ за Уральскій Хребетъ. Подобные примѣры убѣждали дворянъ, на какой зыбкой почвѣ построили они свое благополучіе и это убѣжденіе толкнуло ихъ на новый путь.

Преобразовательные опыты въ царствованіе Александра I.

19 в. русской исторіи—время переработки стараго порядка, той совокупности соціально-политическихъ и экономическихъ условій, которыя установились къ концу 18 в. и началу 19-го. Переработка эта совершалась подъ вліяніемъ 2-хъ импульсовъ, 2-хъ факторовъ:

1) съ одной стороны—сознательныя усилія правительства и общественной мысли;

2) съ другой стороны—экономическая эволюція народнаго хозяйства. Разсмотрѣніе политическаго движенія въ прави-

тельственныхъ и общетсвенныхъ кругахъ и экономической эволюціи разграничиваютъ нашъ курсъ на 2 соотвѣтствующія части. Первая четверть 19 в., царствованіе Александра I—обсужденіе и подготовленіе этой переработки. Но это были первые неувѣренные дебюты политической мысли, и правительство, и общество шло ощупью, колеблясь, не чувствуя подъ собой твердой почвы, разъ навсегда принятаго рѣшенія. Передъ ними встали 3 вопроса:

1) Послѣдовательность реформъ—политическая или соціальная реформа должна быть произведена раньше.

2) содержаніе каждой изъ нихъ.

3) способъ проведенія ихъ—должна ли быть она проведена съ верха государственной пирамиды или нужно привлеченіе и общественныхъ силъ?

Эти назрѣвшіе вопросы требовали разрѣшенія, и отвѣтъ на нихъ въ первую половину царствованія Александръ (царствованіе его распадается на двѣ части: до и послѣ Отечественной войны) старается дать. Дѣйствуя вмѣстѣ со своимъ неофиціальнымъ комитетомъ друзей, Александръ выступаетъ съ робкими, осторожными проектами, въ которыхъ старается сохранить самодержавіе и въ то же время дать начало правомѣрной политической свободы, которая должна была покоиться подъ сѣнью неограниченнаго самодержавія. Такое сочетаніе являлось политической квадратурой круга,—неразрѣшимой задачей. Война 1805 г. въ союзѣ съ Австріей и Пруссіей и связанное съ нею пораженіе при Аустерлицѣ и Прейсишъ-Эйлау вызвали къ работѣ общественную мысль и заставили правительство приступить къ разрѣшенію забытыхъ было вопросовъ. Въ это время восходитъ звѣзда Сперанскаго, объявившаго невозможность существованія политической свободы при неограниченномъ самодержавіи, выступившаго съ проектомъ конституціонной монархіи, настаивавшаго на необходимости Государственной Думы. На первомъ планѣ, какъ увидимъ, у него стояла политическая реформа, социальную онъ отодвигалъ на задній планъ, почему и программа его носила сословный, дворянскій характеръ.

Проектъ Спер—го былъ осуществленъ только отчасти: было введенно министерство, Государственный Совѣтъ,

все это не повело къ конституціонной монархіи. Скоро вліяніе Спер-го пало. Правительство обратилось въ другую сторону, измѣняется направленіе государственной политики. Послѣ Отечественной войны наблюдается обратное взаимоотношеніе правительства и общества въ дѣлѣ разработки очередныхъ преобразованій. Правительство вступаетъ на путь реакціи: начинается аракчеевщина, устанавливается господство полицейскаго террора. Но разбуженная общественная мысль продолжала хотя тайно работать; возникаетъ цѣлая сѣть конспиративныхъ обществъ, ведущихъ подпольную работу. Но эта работа захватила только часть русскаго общества—молодое офицерство, совершенно не затронувъ ни городское мѣщанство, ни деревенское крестьянство; она не просочилась вглубь народныхъ нѣдръ, разлилась только на поверхности тонкой пленки передового военнаго дворянства. Тѣмъ и объясняется ея крахъ—крахъ выступленія 14 декабря на Сенатской площади, когда однимъ взмахомъ была развѣяна маленькая группа стоявшихъ во главѣ возстанія.

Только съ воцареніемъ Николая I вопросъ о реформѣ политической опредѣленно и рѣзко былъ снятъ съ очереди, и правительство сосредоточило свои усилія на разработкѣ реформы соціальной. Работа эта ведется наверху, въ секретныхъ комитетахъ, которые ставятъ себѣ задачей освобожденіе крестьянъ, но безъ ущерба матерьяльному благосостоянію дворянства. Создается новая квадратура круга, предлагается къ разрѣшенію новая неразрѣшимая задача—получается бѣгъ на мѣстѣ—люди усиленно работаютъ, но не сдвигаются съ мѣста.

Такъ идетъ дѣло до 1848 г., когда бурная волна революціоннаго движенія прокатилась по Зап. Европѣ, заливъ Францію, Бельгію, Германію. Русское правительство охватываетъ страхъ передъ происходящими событіями; вся его сила направляется на сохраненіе существующаго порядка—рѣзко обрывается и эта соціально-экономическая работа. Наступаетъ штиль въ русской жизни, преслѣдуется всякое проявленіе общественнаго интереса, строго карается все, что кажется подозрительнымъ правительству,—казалось Россія погружена въ тяжелый летаргическій сонъ, будто замерла она... Но

историческая жизнь народа замереть не можетъ, и въ то время, какъ на поверхности русской жизни, на открытой передней аренѣ царилъ мертвый сонъ, тамъ, на другомъ полѣ, въ крѣпостной деревнѣ, въ самыхъ нѣдрахъ русскаго народнаго хозяйства совершались перемѣны, повлекшія за собой реформы 60-хъ г.г.

Разсмотрѣвъ эволюцію экономическаго строя Россіи, обративъ вниманіе на то, какіе результаты она должна была имѣть и какіе имѣла, мы перейдемъ къ реформѣ политической. Вотъ тѣ рамки, въ которыхъ будетъ происходить изученіе исторіи 19 в. Россіи.

Характеристика и значеніе личности Александра I.

Колеблющаяся внутренняя дѣятельность правительства въ царствованіе Александра I находитъ себѣ объясненіе по мнѣнію многихъ историковъ въ свойствахъ души самого Александра I, мягкой, гибкой какъ глина, что они наблюдали и выводили изъ его уступчивости. Но надо сказать, что существуютъ другія болѣе глубокія причины такого характера правительственной дѣятельности, да и личность самого Алекс. I, какъ показываютъ документальныя данныя, далеко не была таковой, какъ рисовалась она въ воображеніи нѣкоторыхъ историковъ.

Александръ—вѣтвь, колеблемая вѣтромъ, это оптическій обманъ, которому въ значительной степени способствовалъ самъ Алекс. I. Онъ умѣлъ итти къ намѣченной цѣли, приводить въ исполненіе принятое рѣшеніе, только путь, которымъ онъ шелъ—путь мистификаціи, дѣланной уступчивости, подъ которой скрывалось твердое рѣшеніе, и всегда оказывалось, что человѣкъ, которому Алекс. больше всего уступалъ, былъ на самомъ дѣлѣ орудіемъ его воли.

Для его характеристики у насъ имѣется превосходный матеріалъ: во-первыхъ, письма Екатерины II, а во-вторыхъ, записки и дневники его раннихъ воспитателей—Массона и Протасова. Письма Екатерины II проникнуты чувствомъ влю-

бленности старой бабушки въ своего любимца-внука. Это—сплошное восхваленіе Алекс.: по ея словамъ, это—геніальный ребенокъ, привлекательный, съ быстро развивающимися способностями. Однако, внимательный взглядъ безъ труда различитъ здѣсь одну черточку, которая вноситъ извѣстную поправку въ одностороннее освѣщеніе Екатерины. Она не разъ отмѣчаетъ, что Александръ никогда ничѣмъ не безпокоитъ своихъ воспитателей и никогда не капризничаетъ. „Дамъ ему“, пишетъ Екатерина въ этомъ письмѣ, „мячъ—онъ предастся всецѣло этой игрѣ, вдругъ отниму мячъ и дамъ книгу, онъ—весь въ чтеніи“. Это—мягкій воскъ, изъ котораго можно вылѣпить что угодно. Такое полное отсутствіе капризовъ—качество очень удобное для воспитателя, но свидѣтельствуетъ объ извѣстныхъ недостаткахъ натуры. Записки воспитателя говорятъ нѣчто отличное отъ писемъ влюбленной въ своего внука бабушки. Воспитатель отмѣчаетъ въ Великомъ Князѣ самолюбіе и упрямство въ своихъ мнѣніяхъ, умѣніе переубѣждать другихъ, соединенное съ стремленіемъ быть всегда правымъ, а при такихъ условіяхъ нельзя обойтись безъ хитрости и подлоговъ. Мягкій, какъ воскъ, при бабушкѣ, Алекс. за ея спиной проявляетъ другія черты своего характера. Объясненіе такого характера поведенія можетъ быть двоякимъ: или Александръ покорялся бабушкѣ изъ хитрости, или былъ глубоко равнодушенъ ко всему, что она ни предлагала ему. Повидимому имѣетъ мѣсто и то и другое объясненіе.

Въ замѣткахъ другого воспитателя Александръ рисуется живымъ, пріятнымъ, способнымъ ребенкомъ, но неглубокимъ, быстро схватывающимъ на-лету разнообразныя впечатлѣнія, но не умѣющимъ сосредоточиться на какомъ-либо изъ нихъ быстро утомляющимся настойчивой работой надъ однимъ и тѣмъ же предметомъ, ребенкомъ, котораго, повидимому, все привлекаетъ, но ничто особенно не интересуетъ. Таковъ былъ психологическій фундаментъ, на которомъ пришлось производить свои педагогическіе опыты главному воспитателю Ал—дра, умному и благородному швейцарцу—женевцу Лагарпу, которому Екатерина поручила завѣдываніе воспитаніемъ своего внука. Многіе его современники иполѣдую-

щіе писатели нерѣдко упрекали его въ томъ, что онъ придалъ дѣлу воспитанія своего царственнаго ученика слишкомъ одностороннее направленіе, начинилъ его голову отвлеченными идеями, далекими отъ русской дѣйствительности, и обрекъ его дальнѣйшую политическую дѣятельность на безплодіе. Но эту тему написана и одна изъ басенъ Крылова—„Воспитаніе льва". Но такіе упреки не совсѣмъ основательны. Самъ Лагарпъ не былъ кабинетнымъ ученымъ, отвлеченнымъ мечтателемъ,—наоборотъ, на своей родинѣ онъ былъ виднымъ образованнымъ общественнымъ дѣятелемъ, на практикѣ испытавшемъ, что значитъ искусство управленія. Лагарпъ сознавалъ громадную отвѣтственность, которую онъ беретъ на себя, становясь воспитателемъ будущаго повелителя многомилліоннаго народа, и поставилъ себѣ цѣлью сдѣлать изъ Ал—дра хорошаго, просвѣщеннаго руководителя страны. Вся внѣшняя обстановка придворной жизни мѣшала Лагарпу выполнить свой учебный планъ. Условія были крайне неблагопріятны, систематическое обученіе Александра очень быстро оборвалось. Частью по педагогическимъ, частью по династическимъ соображеніямъ Екатерина очень рано женила своего внука: шестнадцати-лѣтнимъ юношей онъ уже былъ супругомъ четырнадцати-лѣтней баденской принцессы, впослѣдствіи императрицы Елизаветы Алексѣевны. Но и раньше, когда ученіе стояло на первомъ планѣ, оно то и дѣло прерывалось какой-нибудь придворной церемоніей, парадомъ и т. п. Наконецъ, Ал—дръ все время находился въ ложномъ положеніи между Екатериной II и отцомъ, между ихъ противоположными вліяніями. Все это рѣзко нарушало распорядокъ его класснаго обученія. Лагарпу приходилось по кускамъ воровать время, и ясно, что при подобныхъ условіяхъ, онъ не могъ выполнить послѣдовательно своего плана, который ему пришлось поневолѣ скомкать. Первоначально Лагарпъ предполагалъ познакомить Ал—дра: 1) съ исторіей возникновенія человѣческихъ обществъ; 2) прочитать курсъ практической морали и указать историческіе примѣры, которые могли благотворно повліять на воспитаніе души, а затѣмъ уже 3) перейти къ систематическимъ научнымъ курсамъ. Конечной цѣлью этого воспитанія была

выработка міросозерцанія, въ основу котораго были бы положены здоровые и возвышенные принципы. Таковъ былъ первоначальный замыселъ Лагарпа. Однако, это кратковременное и безсистемное воспитаніе дало болѣе отрицательные, чѣмъ положительные результаты. Лагарпъ, въ виду несчастливо сложившихся для занятій обстоятельствъ, рѣшилъ пожертвовать второй частью своего плана, потому что считалъ первую часть необходимой для политика государя. По его убѣжденію, наиболѣе важнымъ было пробудить въ своемъ ученикѣ человѣка, насадить въ его душѣ сѣмена благородныхъ чувствъ, которыя могли бы на будущихъ путяхъ его правленія помочь ему облагодѣтельствовать своихъ подданныхъ. Вотъ почему, отбросивъ первоначальный систематическій планъ образованія, Лагарпъ спѣшилъ воспользоваться каждымъ часомъ, чтобы хотя въ общихъ чертахъ, наскоро, ввести своего воспитанника въ возвышенный міръ своихъ идеаловъ. Конечно, Ал—дръ I, усваивая нѣкоторыя элементарныя основы тогдашняго либерализма, общія идеи о свободѣ, народномъ благѣ, равенствѣ, справедливости и т. п., воспринималъ все это, не перерабатывая ихъ сознаніемъ. Поэтому онъ не сроднился съ этими идеями органически, онъ привыкъ любоваться внѣшней красотой этихъ началъ, но любоваться пассивно и холодно. Изъ Ал—дра выработался политикъ-эстетъ, котораго интересовало не фактическое улучшеніе положенія подданныхъ, а его собственная роль въ дѣятельности, направленной къ этому улучшенію. Ал—дръ, готовясь вступить на престолъ, желалъ по возможности облагодѣтельствовать Россію, давши ей конституцію, но еще болѣе привлекала его мечта совсѣмъ пройти мимо бремени власти и провести жизнь гдѣ-нибудь въ глуши на берегу Рейна, въ какой-нибудь живописной виллѣ. Но это были только мечты, которыя были умственнымъ и душевнымъ моціономъ; онъ любовался ими холодно, какъ пассивный эстетъ, для котораго привести мечту въ исполненіе значитъ сдунуть полетъ поэтическаго, дорогого для него; чѣмъ отдаленнѣе мечта, тѣмъ дороже она пассивному эстету, почему и проектъ Сперанскаго, представлявшій, собственно счетъ, предъявленный Ал—дру къ уплатѣ, оскорбилъ его.

Холодный эстетъ, онъ вовсе не былъ простачкомъ въ политической прозѣ: онъ жилъ, какъ бы на 2 политическихъ фронта, любя помечтать о возвышенномъ, посмотрѣть на бурныя волны общественнной жизни, онъ умѣлъ великолѣпно разбираться въ мелочахъ прозы, умѣя, какъ искусный шахматистъ разставлять людей въ выгодныхъ, желательныхъ для себя клѣточкахъ шахматной доски. Довѣрчивый и откровенный съ виду, со своими ангелоподобными глазами и ласковой улыбкой, онъ умѣлъ привлекать къ себѣ людей и затѣмъ играть на клавишахъ ихъ души. Способность къ хитрости, поразительной извилистости его души способствовало дѣтство, отрочество и юность Ал—дра, прошедшія между Петербургомъ и Гатчинымъ. Судьба рано возложила на плечи Ал—дра сложную житейскую задачу, поставивъ его между Екатериной и Павломъ, которые смертельно враждовали другъ съ другомъ. Ал—дръ не былъ въ состояніи произвести въ этомъ отношеніи категорическій выборъ. Онъ началъ прибѣгать къ тому орудію, которымъ владѣлъ потомъ въ совершенствѣ—къ хитрости. Уже въ раннемъ дѣтствѣ Ал—дръ отличался необыкновенной эластичностью характера. Чувствуется это въ его дѣтскихъ письмахъ къ Екатеринѣ II. Сопоставимъ ихъ съ письмами его брата Константина къ ней же. Послѣдній всегда заканчиваетъ просто: „остаюсь вашъ любящій внукъ Константинъ“. Ал—дръ же всегда приписываетъ: „цѣлую ваши ручки, ножки и маленькій на ногѣ пальчикъ“. Съ годами эта черта сдѣлалась для него сознательнымъ орудіемъ самосохраненія.

Еще до воцаренія Ал—дръ встрѣчался на своемъ жизненномъ пути съ трудными задачами, при разрѣшеніи которыхъ это свойство проявлялось особенно ярко. Екатерина, считавшая Павла неспособнымъ къ царствованію, составила планъ устраненія его отъ престола, при чемъ наслѣдникомъ намѣтила Ал—дра, но не рѣшалась заговорить съ сыномъ объ устраненіи отца. Послѣ долгаго раздумья Ек—на II попробовала прибѣгнуть къ содѣйствію Лагарпа. Пригласивъ его, она объяснила ему свой планъ. Тотъ отвѣтилъ отрицательно, сказавъ, что никогда не рѣшится встать между сыномъ и отцомъ. Когда же онъ вскорѣ покинулъ Россію, Ек—нѣ

пришлось обратиться къ самому Ал—дру и подробно изложить ему планъ устраненія Павла отъ престола. Какъ отнесся Александръ къ этому предположенію? На слѣдующее утро имъ было написано Екатеринѣ слѣдующее письмо: „Ваше Императорское Величество, я никогда не буду въ состояніи достаточно выразить свою благодарность за то довѣріе, которымъ Ваше Величество соизволили почтить меня. Я надѣюсь, что Ваше Величество, судя по усердію, которымъ я заслужилъ неоцѣненное благоволеніе Ваше, убѣдитесь, что я вполнѣ чувствую все значеніе оказанной мнѣ милости. Даже своею кровью я не въ состояніи заплатить за то, что Вы соблаговолили уже, и теперь еще желаете для меня сдѣлать. Эти бумаги съ полной очевидностью подтверждаютъ всѣ соображенія, которыя Вашему Императорскому Величеству благоугодно было сообщить мнѣ, и которыя какъ нельзя болѣе справедливы. Еще разъ, повергая къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества чувства благодарности и преданности Вашему Импер. Величеству, остаюсь всенижайшій всепокорнѣйшій подданный и внукъ Александръ“. Въ тотъ же день онъ отправилъ письмо въ Гатчино, въ которомъ, не дожидаясь воцаренія Павла, заранѣе называетъ его „Ваше Императорское Величество“. Онъ рано привыкъ жить заразъ на два различныхъ душевныхъ обихода. Въ Петербургѣ онъ изучалъ съ Екатериной 1-ую французскую „Энциклопедію“, поднимаясь на высоты тогдашняго отвлеченнаго политическаго мышленія, а являясь въ Гатчино, онъ удивлялъ отца своими плацпарадными успѣхами, которыми онъ самъ любилъ хвастаться, приговаривая: „Вотъ это по-нашему, по-Гатчински“. Въ Петербургѣ онъ восхищалъ Лагарпа порывами нѣжной чувствительности, а являясь въ Гатчино, братался съ Аракчеевымъ. Извѣстно, что еще до воцаренія Александра Павелъ познакомилъ его съ Аракчеевымъ и благословилъ ихъ тѣсный союзъ, сказавъ: „все дѣлите другъ съ другомъ, какъ братья“. Нужно было имѣть необыкновенную эластичность души, чтобы въ одно и то же время быть любимымъ ученикомъ Лагарпа и закадычнымъ другомъ Аракчеева.

Такимъ образомъ передъ нами вырисовывается опредѣ-

ленная личность, но далеко не изъ мягкой глины и новыя свидѣтельства подтверждаютъ сдѣланную характеристику. Такой характеръ носятъ свидѣтельства барона Корфа—шведскаго посла—видѣвшаго Ал—дра въ Берлинѣ. Онъ говорилъ, что Ал—дръ въ политикѣ тонокъ, какъ булавка, остеръ, какъ бритва и фальшивъ, какъ пѣна морская; а Наполеонъ, уже на островѣ св. Елены, говорилъ, что Ал—дръ—великій россійскій Тальманъ и что при всемъ умѣ и образованіи въ высшей степени неискренній человѣкъ, ни одному слову котораго нельзя вѣрить. А самъ Ал-дръ, послѣ свиданія въ Тильзитѣ, на которомъ онъ разыгрывалъ роль влюбленнаго въ Наполеона, въ тотъ же вечеръ писалъ матери, что онъ ненавидитъ Наполеона, но что пока это надо скрыть въ глубинѣ души, чтобы потомъ чувствительнѣй нанести ударъ. Сердце его стало черство-сухимъ, онъ никому не вѣрилъ, вѣря въ одно:—всѣ люди—мерзавцы. Онъ былъ далекъ отъ энтузіазма и оставался совершенно равнодушнымъ при самомъ непосредственномъ проявленіи его. Онъ не любилъ даже разговаривать про Бородинскую битву, гдѣ на первомъ планѣ стоялъ народный энтузіазмъ, охотно слушая о походахъ 13, 14 г.г, въ которыхъ онъ былъ центромъ. Ярко сказалась эта черта въ поведеніи Ал—дра въ Парижѣ, куда онъ вступилъ побѣдителемъ послѣ низложенія Наполеона. Сами французы относились тогда къ русскимъ войскамъ съ глубокимъ уваженіемъ, какъ къ какимъ-то сказочнымъ героямъ, которые только что одержали блистательную побѣду. Ал—дръ какъ будто нарочно подчеркивалъ, что онъ можетъ третировать этихъ героевъ: каждый день, устраивая парады, за ничтожную оплошность распекалъ ихъ передъ лицомъ иностранцевъ. Особенно взволновалъ русскую армію одинъ случай, когда за какой-то незначительный проступокъ имъ былъ отправленъ одинъ русскій офицеръ не на русскую, а на англійскую гауптвахту.

„Мягкій душой“ Алек—дръ сумѣлъ выдержать неудовольствіе, возникшее при дворѣ и въ обществѣ послѣ свиданія Ал—дра съ Наполеономъ въ Тильзитѣ, сумѣлъ настоять на своемъ и, когда объятое страхомъ общество, въ 12 г., требовало заключенія мира, онъ сказалъ, что не заключитъ

его, пока хотя одинъ французъ будетъ на русской территоріи.

И мысль о военныхъ поселеніяхъ—мысль Ал—дра, только приведенная въ исполненіе рабски послушнымъ ему Аракчеевымъ, который былъ даже противъ ихъ введенія. А когда разгорѣлся кровавый бунтъ, Александръ сказалъ, что поселенія все-таки будутъ хотя бы пришлось установить висѣлицами дорогу отъ Петербурга до Новгорода.

Онъ добивался намѣченной цѣли, идя къ ней путемъ мистификаціи, и реакція, наступившая послѣ Отечественной войны, была результатомъ его равнодушія къ затронутымъ раньше вопросамъ: онъ холодно отвернулся отъ прежнихъ идеаловъ и угрюмымъ туманомъ заволоклись розовыя мечты его юности. Такъ холодный эстетъ всегда начинаетъ съ Лагарпа и кончаетъ Аракчеевымъ.

Первыя преобразовательныя попытки правительства.

1-й отдѣлъ нашего курса — обозрѣніе сознательныхъ преобразовательныхъ попытокъ правительства и общества за первую четверть 19 в. Разсмотримъ первые шаги правленія Алек. I на поприщѣ подготовки преобразованій съ цѣлью измѣненія основъ государственной жизни. Эти попытки имѣли мѣсто до начала коалиціи съ Пруссіей и Австріей. Наиболѣе ближайшимъ толчкомъ, который заставилъ задуматься общество—является терроръ, развитый въ царствованіе Павла I. Судорожныя мѣры, носившія печать необоснованнаго каприза своевольнаго лица, пробудили какъ бы общество. Подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ того, что было пережито, явилась потребность выработать иныя мѣры, которыя поставили бы вмѣсто каприза одного лица — твердые устои государственнаго порядка, которые предотвратили бы на будущее время такое своеволіе. Первая четверть царствованія Ал—дра I ушла на постройку такихъ устоевъ. Но не только общественные круги царствованія Павла I переживали потребность внесенія въ государственную жизнь твердыхъ осно-

ваній—эту потребность переживалъ и самъ наслѣдникъ, которому приходилось переживать всѣ неудобства, приходилось дрожать за свое существованіе. Вліяніе Лагарпа еще острѣе заставляло переживать весь кошмаръ царствованія своего отца. Интересно одно письмо Ал—дра I къ Лагарпу, оно вводитъ въ міръ интимныхъ отношеній, написано оно, какъ видно, въ тяжелую минуту: „Письмо это Вамъ передастъ Новосильцевъ: онъ ѣдетъ исключительно затѣмъ, чтобы повидать Васъ и узнать Ваше мнѣніе объ обезпеченіи блага Россіи при условіи введенія въ ней свободной конституціи. Положеніе моей бѣдной родины въ настоящее время ужасное: военные все свое время теряютъ на парады, въ управленіи нѣтъ никакого опредѣленнаго плана: сегодня приказывается то, что черезъ мѣсяцъ будетъ отмѣнено. Благосостояніе государства не играетъ роли, въ управленіи дѣлами существуетъ только неограниченная власть, которая все творитъ шиворотъ-на-выворотъ; выборы исполнительной основаны на фаворитизмѣ, заслуги тутъ не при чемъ. Однимъ словомъ, мое отечество находится въ положеніи, не поддающемся описанію. Хлѣбопашецъ обиженъ, торговля стѣснена, личное благосостояніе уничтожено—вотъ картина современной Россіи. И судите по ней, насколько должно страдать мое сердце. Вамъ извѣстны мои мысли, клонившіяся къ тому, чтобы покинуть родину. Въ настоящее время я не вижу ни малѣйшей возможности привести ихъ въ исполненіе. Мнѣ думается, если я буду когда-либо царствовать, я дамъ странѣ свободу. Тогда нужно будетъ постараться образовать народное представительство, которое, должнымъ образомъ руководимое, составило бы свободную конституцію, послѣ чего моя власть совершенно прекратится и я, если Провидѣніе благословитъ нашу работу, удалился бы въ какой-нибудь уголокъ и жилъ бы тамъ счастливый и довольный, видя процвѣтаніе своего отечества и наслаждаясь этимъ“

Послѣ кончины Павла I, которая послѣдовала, какъ результатъ дворцоваго заговора, въ которомъ участвовалъ самъ наслѣдникъ, Ал—ръ I издаетъ манифестъ, въ которомъ обязуется царствовать по духу и по сердцу своей бабки. Это счастливое обѣщаніе ударило по сердцамъ всего общества,

такъ какъ это давало обѣщаніе порвать съ крутымъ правленіемъ. Павла. Послѣдовалъ взрывъ общественнаго энтузіазма, такъ какъ никто не помышлялъ о возможности такого поворота. Наступилъ какъ бы медовый мѣсяцъ взаимной гармоніи между народомъ и государемъ. Незнакомые прохожіе цѣловались при встрѣчѣ—настолько было поднято настроеніе общества. Съ перваго же дня воцаренія Ал—дра посыпался на страну цѣлый рядъ разныхъ освободительныхъ мѣръ, при чемъ каждая изъ нихъ непремѣнно заметала какой-нибудь тяжелый слѣдъ предшествующаго царствованія. Чтобы реальнѣе представить себѣ впечатлѣніе, получавшееся отъ этого потока указовъ, перечислимъ въ порядкѣ ихъ появленія нѣкоторые изъ нихъ: 14-го марта—указъ о снятіи запрещенія на вывозъ различныхъ товаровъ и продуктовъ изъ Россіи; на слѣдующій день, 15-го—указъ объ освобожденіи заключенныхъ по дѣламъ, производившимся въ тайной канцеляріи; въ тотъ же день указъ объ амнистіи эмигрантамъ; 16-го—объ отмѣнѣ запрещенія на привозъ въ Россію продуктовъ и товаровъ изъ за границы; 19-го—указъ о томъ, чтобы полицейскіе чиновники не дерзали никому причинять обидъ и притѣсненій; 22-го—о свободномъ пропускѣ ѣдущихъ въ Россію иностранцевъ и русскихъ, отъѣзжающихъ за-границу; 24-го—отмѣна запрещенія на вывозъ за границу хлѣба и вина; 31-го—отмѣна запрещенія ввоза изъ-за границы книгъ и музыкальныхъ нотъ и повелѣніе открыть частныя типографіи, 'закрытыя указомъ 5-го іюня 1800 г.; 2-го апрѣля—объ уничтоженіи тайной экспедиціи; 8-го—объ уничтоженіи висѣлицъ, поставленныхъ въ городахъ, въ публичныхъ мѣстахъ, дла прибитія къ нимъ именъ преступниковъ; 9-го—указъ о позволеніи солдатамъ обрѣзать букли и о введеніи новой формы, болѣе свободной, чѣмъ при Павлѣ; 22-го мая—освобожденіе священниковъ, впавшихъ въ уголовное преступленіе, отъ тѣлеснаго наказанія; затѣмъ были возстановлены: жалованная грамота дворянству, учрежденіе о губерніяхъ и жалованная грамота городамъ; 28-го—указъ президенту Академіи наукъ о непринимапіи для напечатанія въ вѣдомостяхъ объявленій о продажѣ людей безъ земли; 5-го іюня—указъ сенату о представленіи имъ особаго доклада

о его правахъ и обязанностяхъ; въ тотъ же день былъ данъ указъ и объ учрежденіи комиссіи составленія законовъ, организовать которую поручено графу Завадовскому. Итакъ всѣ законы отмѣняли что-нибудь изъ того, что было запрещено при Павлѣ. Вслѣдъ за задачей освобожденія отъ наложенныхъ снѣснительныхъ мѣръ Павла, которая является только частью задачи, поставленной Ал—дромъ самому себѣ, должна была слѣдовать другая задача—о созданіи формъ государственной жизни, по которымъ въ будущемъ должна течь жизнь государства и которыя поставили бы эту жизнь въ нормальныя рамки. По этому вопросу въ обществѣ, охваченномъ единодушнымъ восторгомъ, обозначались разнообразныя теченія, оказалось, что всѣ единодушны постольку, поскольку это касалось того, что теперь миновало—царствованіе Павла I; но какъ только нужно было пойти дальше, какъ только нужно было рѣшить, какое же государственное учрежденіе должно составлять идеалъ дальнѣйшаго, то въ этомъ единодушіи обозначились трещины—разныя программы. Ограничась общимъ наблюденіемъ, можно сказать, что вскорѣ обозначились 2 главныхъ направленія. Во главѣ одного направленія стояли дѣятели Екатерины II— Екатерининскіе сановники, масса дворянъ; они понимали отмѣну мѣръ Павла I, какъ возвратъ къ тому, что было при Екатеринѣ II и мечтали о возстановленіи въ цѣломъ екатерининской Россіи—грозной для сосѣдей, славной своими побѣдами, а въ области внутренней Россіи опять установленіе екатерининскаго режима, который представлялъ санкціонированіе дворянскихъ привилегій. Ростъ дворянскихъ привилегій — вотъ идеалъ Екатерининскаго вѣка, который носился предъ умственнымъ взоромъ той части, которая смотрѣла на настоящее съ точки зрѣнія только окончанія царствованія Павла.

Другая группа предполагала, что будущее время должно быть обезпечено отъ того, что было пережито за царствованіе Павла, и для этого нужно не назадъ итти, а впередъ, дальше, въ смыслѣ установленія государственнаго строя на твердыхъ началахъ политической свободы и общественной справедливости. Итакъ—одни мечтали о возвратѣ къ екатерининскому времени и ничего больше; другіе, воспитанные

горькимъ урокомъ, полагали, что оградить общество и государство отъ возможности повторенія его, отъ возможности такихъ неожиданныхъ потрясеній можно только путемъ преобразованій государственнаго строя, которыя поставили бы его на началахъ правомѣрной законности и правомѣрной свободы. Вотъ въ этой атмосферѣ скрещивающихся противоположныхъ теченій пришлось Ал—ру начать попытку преобразовательной работы.

Приступъ къ преобразовательнымъ попыткамъ Ал—дръ выразилъ въ томъ, что издалъ указъ 5 іюня Сенату съ предписаніемъ заняться составленіемъ доклада о своихъ правахъ и обязанностяхъ. Этимъ учрежденію давалось порученіе приступить къ выработкѣ перемѣнъ въ государственномъ строѣ, которыя оно сочло бы возможнымъ. Сенатъ въ то время представлялъ собраніе сановниковъ Екатерининскаго времени, извѣстныхъ дѣятелей Ек—ны II, выдвинувшихся тогда на первый планъ, хорошо усвоившихъ общія условія политики Екатерины II. И вотъ ихъ-то Ал—ръ и призвалъ къ выработкѣ преобразованій.

Одновременно организуется другое учрежденіе, которое было независимымъ отъ Сената, и одновременно съ Сенатомъ занималось выработкой реформъ. Это учрежденіе состояло изъ друзей юности Ал—дра, которые при Павлѣ подъ предлогами порученій были разосланы. При воцареніи Ал—дра, извѣщенные имъ, они возвратились въ Петербургъ,—то были: Новосильцевъ, графъ Строгановъ, Кочубей, Адамъ Чарторійскій. Изъ нихъ составилось при особѣ Ал—дра не какое-нибудь формальное учрежденіе, а неофиціальный комитетъ, который не былъ утвержденъ актомъ, но представлялъ какъ бы непрерывный политическій журфиксъ, кругъ лицъ, связанныхъ взаимнымъ довѣріемъ.

Такимъ образомъ, сознательная попытка преобразовательной дѣятельности пошла 2-мя параллельными направленіями— съ одной стороны—Сенатъ, работа екатерининскихъ дѣльцовъ; съ другой стороны—вмѣстѣ съ императоромъ, работалъ кружокъ молодыхъ дѣятелей. Какое же имѣлось взаимоотношеніе при преобразовательной работѣ Сената и Неофиціальнаго Комитета? Въ предшествовавшей исторической ли-

тературѣ, у Пыпина напримѣръ, можно найти такое схематическое изображеніе—Сенатъ, такъ какъ это работа старыхъ екатерининскихъ дѣльцовъ, то тамъ шло глухое противодѣйствіе новаторскимъ начинаніямъ, которыя шли изъ Неофиціальнаго Комитета, члены этого послѣдняго рисовались тѣмъ же историкомъ какими-то горячими головами, которыя хотѣли преобразовать Россію на совершенно новыхъ началахъ; какими-то недостаточно опытными юношами, увлеченными либеральными идеалами, желающими примѣнить ихъ къ преобразовательной дѣятельности. Ал—дръ примкнулъ къ этому кружку. Слѣдовательно образовалось 2 враждебныхъ лагеря. Въ настоящее время, благодаря вновь обнародованнымъ историческимъ матерьяламъ, приходится видоизмѣнить картину. Особенное значеніе въ этомъ отношеніи пріобрѣтаетъ протоколъ Неофиц. Комитета, который велъ для себя Строгановъ. Изъ бумагъ Строганова совершенно опредѣленно выясняется, что самая мысль о возникновеніи Неофиціальнаго комитета принадлежала вовсе не Александру, а графу Строганову, съ цѣлью захватить государя въ сѣти своего вліянія, насколько это было возможно. По нему можно наблюдать политическое настроеніе Неофиц. Комитета; этотъ матерьялъ вноситъ существенную поправку въ историческую оцѣнку взаимоотношеній Сената и Неофиц. Комитета при преобразовательной работѣ. Послѣ каждаго засѣданія Строгановъ записывалъ на французскомъ языкѣ все, о чемъ говорилось тамъ. Читая эти протоколы, мы можемъ изо дня въ день знакомиться съ тѣмъ, что тамъ дѣлалось, какіе планы развертывались, что говорилъ каждый изъ участниковъ засѣданія. Не остается никакихъ сомнѣній, что члены кружка не были рьяными политическими радикалами, наоборотъ—это осторожные политики, боявшіеся вводить смѣлыя перемѣны, оглядываясь при этомъ, не вызоветъ ли ихъ работа опасныхъ настроеній и возмущеній общества. Въ конечныхъ политическихъ идеалахъ они рѣзко отличались отъ Сената тѣмъ, что хотѣли ввести въ государственную жизнь новые политическіе элементы. Но на основаніи документовъ видно, что между ними не было той незаполненной пропасти, которую можно было бы предположить, судя по ихъ программамъ. Изъ документовъ видно,

что на самомъ дѣлѣ ихъ преобразовательная программа не отличалась отъ программы старыхъ сенаторовъ принципіально, здѣсь просто были несходства въ техническихъ подробностяхъ.

Въ этихъ документахъ можно найти другія поправки прежнимъ представленіямъ историковъ, напримѣръ, относительно роли Ал—дра въ работѣ. Если члены Комитета были робки, неотважны на крутыя перемѣны, то Ал—дръ былъ наиболѣе остороженъ, иногда пугливъ даже, наиболѣе склоненъ придерживаться духа Екатерининскаго времени. Ал—дръ всегда имѣлъ передъ собой свои собственныя опредѣленныя цѣли и задачи, въ преслѣдованіи которыхъ былъ настойчивъ и упрямъ. Въ протоколахъ засѣданій Комитета мы встрѣчаемъ не разъ такіе случаи, когда между членами его и Ал—дромъ происходили разногласія, при чемъ послѣдній не соглашался итти въ преобразовательныхъ попыткахъ такъ далеко, какъ предлагали его друзья, вовсе не отожествляя своей политической дѣятельности съ ихъ планами. Какъ раньше въ вопросѣ объ отношеніяхъ между Павломъ и Екатериной, избралъ онъ себѣ промежуточную позицію, такъ и теперь началъ искусно балансировать между Комитетомъ и старыми сенаторами. Если онъ подталкивалъ Неоф. Комитетъ, то еще больше онъ придерживалъ его, вносилъ охлажденіе даже въ скромныя его попытки.

Программа преобразованій въ Неофиціальномъ Комитетѣ.

Перейдемъ къ теченію преобразовательной работы въ Неофиц. Комитетѣ и потомъ въ Сенатѣ, чтобы представить конкретное положеніе вещей. Въ Неофиц. Комитетѣ подвергались подробному разсмотрѣнію, какъ политическія, такъ и соціальныя реформы. Что касается политическихъ реформъ самого государственнаго строя, то въ работѣ Неофиц. Комитета надо различать 2 программы—1) максимальную, представлявшую конечные политическіе идеалы Комитета и 2) минимальную, являющуюся совокупностью тѣхъ мѣропріятій, ко-

торыя Комитетъ считалъ необходимимъ осуществить немедленно, Если въ первой программѣ Комитетъ рѣзко отличался отъ Сената, то во второй онъ близко подходилъ къ нему. Насколько члены Комитета были осторожными политиками видно изъ того, какъ въ Неофиц. Комитетѣ рѣшено было вести разработку программы. Члены предполагали начать съ публичнаго оглашенія основныхъ началъ преобразовательной программы. Это предлагалось сдѣлать въ видѣ изданія особой Высочайшей Грамоты русскому народу, которую предполагалось издать во время коронаціи Ал—дра, и былъ разработанъ уже ея текстъ. Она должна была начинаться слѣдующимъ вступленіемъ: „Правиломъ себѣ поставляю, что не народы сдѣланы для государей, а сами государи промысломъ Божіимъ поставлены для счастія и благополучія народовъ. А поэтому узаконяю и обѣщаю императорскимъ нашимъ словомъ за насъ и преемниковъ нашихъ, яко кореннымъ закономъ, слѣдующія статьи". Затѣмъ слѣдовало 26 статей, въ которыхъ излагались основы политической свободы. Главнѣйшія изъ постановленій были слѣдующія: 1) задержанные полиціей въ теченіе трехъ дней должны быть представлены къ суду для допроса, т.-е. вводилось нѣчто вродѣ англійскаго „Habeas Corpus'а"; 2) наказаніе за оскорбленіе Величества должно быть прилагаемо только къ дѣйствіямъ, но не къ словамъ и не къ сочиненіямъ; 3) подати и налоги могутъ быть вводимы только именнымъ указомъ, опубликованнымъ черезъ Сенатъ; затѣмъ слѣдовали постановленія о свободѣ вѣры, слова, мысли, печати „поскольку", говорилось въ проектѣ, „сіи свободы законамъ государственнымъ не противны". Если бы эта Высочайшая грамота осуществилась то она представляла бы первый крупный шагъ къ установленію первыхъ положеній свободы, гражданскихъ и политическихъ правъ. Но скоро въ Комитетѣ мысль объ обнародованіи грамоты оставляется. Пересилила противоположная мысль, что программа политическихъ преобразованій должна подготовляться тайно, подъ предлогомъ, что русскій народъ привыкъ получать преобразованія сверху, что Россія привыкла считать монарха наиболѣе мощнымъ, наиболѣе умѣющимъ, и потому, что будетъ получено сверху, то получитъ скорѣйшее признаніе.

Это былъ одинъ доводъ. Второй доводъ въ пользу этого выразился въ признанiи членами Комитета, что всѣ преобразованiя должны совершаться въ строгой тайнѣ отъ общества и безъ его участiя, потому что реформаторъ долженъ знать общество въ его нормальномъ состоянiи, публичное же обсужденiе подготовляющихся реформъ возбуждаетъ народъ, повышаетъ его требованiя, способствуетъ созданiю въ немъ химеръ, тѣмъ самымъ мѣшая преобразователямъ ознакомиться съ его истинными нуждами и стремленiями, и только, когда проекты реформъ будутъ готовы, тогда можно обнародовать ихъ. Такимъ образомъ путь гласной разработки преобразованiй, предположенный раньше, смѣняется келейнымъ способомъ: преобладаетъ чувство недовѣрiя къ населенiю, увѣренность въ томъ, что сверху, по почину правительства, скорѣе можетъ быть достигнуто народное благо, чѣмъ снизу, при участiи общественныхъ силъ.

Разберемъ сущность сначала политическихъ, потомъ соцiальныхъ преобразованiй, которыя считалъ возможными Неоф. Комитетъ, и обратимъ вниманiе, какъ далеко были члены его отъ политической реакцiи. Если Сенатъ полагалъ, что государственный порядокъ при Павлѣ вышелъ изъ своихъ береговъ и долженъ былъ теперь быть возвращенъ къ прежнему состоянiю, то Неоф. Комитетъ въ своей максимальной программѣ стоялъ за измѣненiе основъ государственнаго порядка на началахъ политической свободы; вызказывался за то, что на будущее время государственный строй долженъ быть основанъ на началахъ раздѣленiя властей. Это понятiе чуждо предшествующему государственному порядку. Это было проведенiе просвѣтительной литературы Зап. Европы; это было ученiе государственнаго права Монтескье „Духъ законовъ". Начало раздѣленiя властей, какъ основа, было воспринято членами Неофиц. Комитета. Поэтому нужно отдать отчетъ, что представляетъ раздѣленiе властей и почему раздѣленiе властей представляетъ необходимую предпосылку политической свободы. Подъ ученiемъ о раздѣленiи властей разумѣется 2 положенiя: 1) для правильнаго отправленiя государственныхъ функцiй необходимо, чтобы каждая сторона государ-

ственной жизни находилась подъ завѣдываніемъ особаго государственнаго учрежденія. Государственная жизнь слагается изъ власти: 1) законодательной, которая установляетъ законы, 2) исполнительной, которая примѣняетъ законы къ конкретнымъ случаямъ и 3) судебной, которая охраняетъ отъ произвола. Раздѣленіе властей гласитъ, что законодательная, исполнительная и судебная власти, сообразно своимъ задачамъ должны быть ввѣрены особымъ учрежденіямъ, чтобы каждая получила особый органъ съ особымъ сообразнымъ устройствомъ, ибо вредно для интересовъ жизни гссударства сосредоточеніе въ однѣхъ рукахъ и законодательной, и исполнительной, и судебной власти. Исполнительная власть для удовлетворенія потребностей должна выполнять все быстро, поэтому она должна основываться на единоличномъ началѣ и необходимо ей быть отвѣтственной. Законодательная власть имѣетъ своей задачей установленіе законовъ на долгое время— здѣсь необходимо тщательное обсужденіе мѣръ, участіе при обсужденіи разнообразныхъ элементовъ населенія страны,— слѣдовательно, законодательная власть должна быть учреждена на коллегіальныхъ началахъ, т. е. должна находиться въ рукахъ собранія.

Вотъ первая основа теоріи раздѣленія властей. Но этимъ не ограничивается содержаніе этой теоріи. Надо обратить особое вниманіе на то, что кромѣ конструкціи каждаго органа, сообразно своему назначенію, другимъ важнымъ основаніемъ теоріи является требованіе для обезпеченія полной свободы въ странѣ требованіе необходимости дарованія каждой изъ 3-хъ властей самостоятельности и независимости отъ 2-хъ другихъ властей: чтобы судебная власть была независимой отъ исполнительной и законодательной властей.

Члены Неоф. Комитета сначала хотѣли провести преобразованія на началахъ раздѣленія властей въ истинномъ смыслѣ,—т.-е. ввести такое устройство, при которомъ власть законодательная независима отъ исполнительной и судебной, и исполнительная зависима отъ законодательной и судебной власти, но имѣетъ свой кругъ управленія, компетенціи.

Проведеніе такого порядка немедленно ведетъ къ требо-

ванію установленія народнаго представительства съ законодательной властью, т.-е. конституціоннаго строя, потому что только тогда законодательная власть независима отъ исполнительной и принадлежитъ лицамъ изъ населенія. Значитъ теорія раздѣленія властей требуетъ замѣны абсолютной монархіи конституціонной съ участіемъ народнаго представительства въ осуществленіи законодательной власти. Въ первой программѣ члены Комитета развиваютъ ту мысль, что самъ монархъ долженъ замѣнить абсолютную монархію конституціонной, что самъ монархъ при такомъ строѣ будетъ исполнительной властью. (При чемъ при выполненіи конструкціи исполнительной власти Неоф. Комитетъ предполагалъ учредить кабинетъ министровъ, работающихъ вмѣстѣ съ монархомъ. Министерство — такой органъ администраціи, во главѣ котораго стоятъ единоличные начальники, которые единолично распоряжаются, но должны нести отвѣтъ передъ законодательной палатой). Законoнодательная — въ рукахъ народныхъ представителей, отъ исполнительной независима. Въ такую же независимость поставлена и судебная власть. (Высшее руководительство судебной властью Неоф. Комитетъ ввѣряетъ Сенату, и ограничиваетъ его только судебной компетенціей, тогда какъ съ Петра Вел. онъ вѣдалъ дѣла и законодательной и исполнительной власти). Но, выставляя свою программу, члены Неофиц. Комитета пришли къ тому, что эта максимальная программа лишь путеводная звѣзда для будущаго, а въ настоящее время Россія еще не подготовлена къ воспріятію такой конституціи, что народные представители не могутъ еще взять на себя работу законодательной власти и потому это нужно оставить для будущаго времени.

Выступаетъ минимальная программа Неоф. Комитета и она уже въ значительной мѣрѣ сближаетъ его съ сенаторами, которые мечтали о возвращеніи государственнаго порядка екатерининскаго времени Въ минимальной программѣ члены Неоф. Комитета, задавшись утопической мечтой, хотѣли упорядочить русскій государственный строй, ввести нѣкоторые элементы правового порядка подъ покровомъ неограниченнаго самодержавія, не трогая самодержавія, не производя широкой коренной реформы. Они думали о технической ре-

формѣ, при которой болѣе правильно были бы распредѣлены обязанности между отдѣльными органами власти, но при которой каждый органъ власти не получалъ независимости, какъ это требовалось по теоріи раздѣленія властей. Каждый органъ долженъ былъ чувствовать свою зависимость отъ самодержавной власти, которая все объединяетъ, которая можетъ пресѣчь всѣ порядки. Члены Неоф. Комитета предполагали отдать судебную власть Сенату, который будетъ только высшей судебной инстанціей. Исполнительная и законодательная власть остается въ рукахъ самодержавнаго монарха. Въ качествѣ совѣщательнаго органа прибавлялся еще Государственный Совѣтъ. Вотъ какъ осторожна и никакъ не радикальна была работа членовъ Неоф. Комитета, которая воплощалась въ минимальной программѣ. Познакомимся съ сущностью ея, поставивъ вопросъ, въ чемъ отличалась она отъ тѣхъ преобразованій, которыя считались возможными старыми сенаторами, которые въ то же время по предписанію Ал—дра должны были заниматься разработкой своихъ полномочій.

До нашего времени дошли преобразовательные проекты, на основаніи которыхъ сенаторы составляли доклады о своихъ обязанностяхъ. Всѣ сенаторскіе проекты, отличаясь деталями, вообще сводятся къ одному основному положенію. Сенаторы, въ противоположность Неоф. Комитету считали необходимымъ построить русскій государственный строй на основаніи сосредоточенія всего высшаго руководительства всѣми органами въ рукахъ Сената—вернуть ему то положеніе, которое онъ занималъ при Петрѣ Вел., когда Сенатъ имѣлъ право участвовать въ составленіи законовъ, въ черновой законодательной работѣ, это не законосовѣщательное право, а законосоставительное. Такимъ образомъ, въ рукахъ Сената должна быть и судебная, и административная и законосоставительная власти. Разница между Сенатомъ и Неоф. Комитетомъ такова: члены Неоф. Комитета предполагали раздѣлить отдѣльныя функціи между различными органами — Сенатомъ, министерствами и верховной властью. А сенаторы преполагали соединить все въ одномъ Сенатѣ. Итакъ разница техническая, а не политическая, потому что тѣ и другіе исхо-

дили изъ того положенія, что нужно оставить неприкосновеннымъ прежній строй и впредь Россія должна остаться самодержавной монархіей.

Итакъ минимальная программа членовъ Неоф. Комитета была только техническимъ прогрессомъ; таковы были вѣянія, таковы были направленія въ рѣшеніи вопроса о политическихъ реформахъ, когда мысль правящихъ круговъ сосредоточивалась на утопической мысли—ввести нѣкоторые зародыши правового строя, не трогая самодержавія.

Крестьянскій вопросъ въ Неоф. Комитетѣ.

Разсмотримъ теперь, какъ ставился въ Неоф. Комитетѣ вопросъ о соціальной реформѣ, т. е. взаимномъ отношеніи отдѣльныхъ сословій и классовъ. Тогда онъ сводился къ тому, какъ быть съ крѣпостнымъ правомъ. Въ вопросѣ о крѣпостномъ правѣ члены Неоф. Комитета не представляли пылкихъ преобразователей, готовыхъ итти на рискованныя мѣры. Въ соціальномъ вопросѣ члены Неоф. Комитета оказались еще болѣе консервативно настроенными. Въ Неоф. Комитетѣ при Ал—дрѣ I ни разу не возникалъ вопросъ объ отмѣнѣ крѣпостного права. Были обсуждаемы вопросы о частичныхъ нововведеніяхъ, а цѣликомъ—объ этомъ не было и рѣчи. По вопросу о положеніи крестьянъ были обсуждаемы 2 проекта: 1) не надлежитъ ли запретить на будущее время продавать крестьянъ безъ земли. А тогда крѣпостныхъ крестьянъ семьями или въ одиночку снимали съ земли и продавали другимъ помѣщикамъ. Этимъ какъ бы подчеркивалось, что крестьянинъ крѣпокъ не къ землѣ, а къ личности помѣщика. Вопросъ о томъ, допускать или нѣтъ продажу крестьянъ безъ земли былъ вопросомъ принципіальнымъ, какъ понимать сущность крѣпостного права, есть ли это порабощеніе личности крестьянина личностью помѣщика или нѣтъ. Сама по себѣ продажа не запрещалась, если одновременно продавался и участокъ, на которомъ крестьянинъ былъ посаженъ. И такое скромное предложеніе, которое касалось только одной стороны крѣпостного права, вызвало оживленныя пренія. Новосильцевъ высказался, что такая мѣра очень опасна,

она чревата государственными потрясеніями. Новосильцевъ, какъ многіе либералы того времени, будучи либераломъ въ вопросѣ о государственномъ строѣ, о правовомъ порядкѣ, былъ консерваторомъ въ соціальномъ вопросѣ, отстаивалъ привилегированное положеніе землевладѣльческаго класса. Въ своей рѣчи онъ предупреждалъ объ опасности такой мѣры, потому что она грозитъ катастрофой, сильнымъ броженіемъ среди дворянъ, а это не безопасно для престола, потому что это повлечетъ ссору дворянъ съ короной, а только на преданности дворянъ престолу основано политическое спокойствіе въ Россіи. Противъ Новосильцева выступаетъ гр. Строгановъ съ рѣчью, освѣщающей любопытный взглядъ на положеніе классовъ въ Россіи, по пунктамъ опровергающей мысль Новосильцева. Въ пространной рѣчи онъ указывалъ, что нѣтъ основаній опасаться оппозиціи правительственнымъ начинаніямъ со стороны дворянства, которое въ Россіи всегда было служилымъ классомъ, привыкшимъ жить милостями верховной власти. „Допустимъ", говорилъ онъ, „дворяне будутъ недовольны той или иной мѣрой, но ихъ ропотъ никогда не проявится открыто, въ видѣ оппозиціи правительственной политикѣ. Наоборотъ, гораздо опаснѣе держать въ рабской зависимости крестьянскую массу, которая недавно показала, что она совершенно не хочетъ мириться со своимъ тяжелымъ положеніемъ, поэтому нужно постепенно ослаблять узелъ крѣпостной неволи, чтобы не столкнуться съ новымъ грознымъ крестьянскимъ движеніемъ". Такъ, пугая другъ друга неизбѣжностью внутреннихъ государственныхъ потрясеній, члены Неоф. Комитета и остановились въ нерѣшительности передъ частичными улучшеніями участи крѣпостныхъ: указъ о запрещеніи продавать крестьянъ безъ земли такъ и не былъ изданъ при Ал—дрѣ I.

Былъ еще вопросъ, касающійся того, кто долженъ имѣть право владѣть населенными землями. Въ 18 в. это право распространялось только на дворянъ. Въ Неоф. Комитетѣ возникъ вопросъ,—не расширить ли это право на мѣщанъ, купцовъ. Очень важно отмѣтить какія соображенія руководили Ал—дромъ поддерживать это предложеніе. Эти доводы бросаютъ свѣтъ на очень важную сторону крестьянскаго во-

проса въ первую половину 19 ст.—на его правовое положеніе. Ал—дръ указывалъ, что расширеніе права владѣнія населенными землями выгодно, какъ средство для подготовки ослабленія крѣпостного права. Нужно приступить къ ослабленію его, но сдѣлать это на землѣ, принадлежащей дворянамъ—нежелательно, потому что это вызоветъ оппозицію по отношенію къ правительственному курсу, поэтому предоставимъ право пріобрѣтать населенныя земли и недворянамъ, но съ тѣмъ, чтобы недворяне не получали бы полной власти надъ крестьянами, живущими на этихъ земляхъ. Это создастъ типъ смягченнаго крѣпостного права, что можетъ оказать вліяніе на дворянъ-рабовладѣльцевъ. Ал — дръ все время старался провести, подготовить ослабленіе, которое въ свою очередь подготовитъ къ мысли объ отмѣнѣ крѣпостного права, потому что оно становилось опаснымъ для самой верховной власти. Но, ставя себѣ такую задачу,—подготовить ослабленіе крѣпостного права, правительство чувствовало себя подъ страхомъ,—оно не желало ссориться съ дворянами и искало способовъ, при которыхъ можно было бы приступить къ ослабленію, не вступая въ конфликтъ съ дворянами. И далѣе при подготовленіи и при осуществленіи крестьянской реформы 19 февраля—правительство все время вело себя такъ, что казалось, будто отмѣны крѣпостного права требуетъ само дворянство, что правительство не хочетъ конфликта. Въ царствованіе Ал—дра I эта смягчающая мѣра не была осуществлена—право было распространено на мѣщанъ и купцовъ, но вопросъ объ ослабленіи ихъ рабовладѣльческаго права рѣшенъ не былъ.

Въ царствованіе Ал—дра въ концѣ концовъ была проведена по крестьянскому вопросу только единственная мѣра общаго характера, касавшаяся улучшенія участи крестьянъ: былъ изданъ указъ о свободныхъ хлѣбопашцахъ 20 февр. 1803 г. Намъ нужно разсмотрѣть его тщательнѣе. Мысль о немъ принадлежала графу Сергѣю Румянцеву, который, владѣя имѣніемъ на Югѣ Россіи, по личнымъ обстоятельствамъ рѣшилъ отпустить крестьянъ на волю. Тѣ условія, на которыхъ онъ далъ волю своимъ крестьянамъ, Румянцевъ и предложилъ Ал-дру разработать въ общую законодательную программу, которую

Ал—дръ отдалъ на обсужденіе Совѣта, и, несмотря на противодѣйствіе его членовъ, указъ о свободныхъ хлѣбопашцахъ былъ проведенъ. Главныя положенія его слѣдующія: если помѣщикъ пожелаетъ отпустить на волю крестьянъ цѣлымъ селеніемъ или по одиночкѣ и предоставитъ имъ въ собственность извѣстный надѣлъ земли за опредѣленное вознагражденіе, установленное добровольнымъ соглашеніемъ между помѣщикомъ и крестьянами, то освобожденный на этихъ условіяхъ крестьянинъ входитъ въ составъ особаго общественнаго класса—свободныхъ хлѣбопашцевъ. При этомъ онъ владѣетъ землею, пріобрѣтенною въ частную собственность, и подлежитъ общегосударственнымъ законамъ.

Новость закона заключалась не въ этомъ. И раньше помѣщикъ могъ отпускать на волю своихъ крестьянъ или цѣлыя селенія и давать имъ землю за извѣстное вознагражденіе, что являлось частнымъ дѣломъ помѣщика. Но въ прежнее время крестьяне, отпущенные на волю, непремѣнно должны были тотчасъ же, выражаясь догдашнимъ юридическимъ терминомъ, „избрать себѣ родъ жизни“, т.-е. непремѣнно приписаться къ обществу мѣщанскому, волостному казенныхъ крестьянъ или снова поступить въ крѣпостную зависимость. Указъ о свободныхъ хлѣбопашцахъ эту обязанность снималъ, и крестьянинъ могъ оставаться свободнымъ человѣкомъ на своей собственной землѣ. Въ этомъ и заключался новый шагъ. Изданіе указа произвело вначалѣ сильное волненіе въ дворянской средѣ. „Не первая ли это брешь въ твердынѣ крѣпостного права“, разсуждало большинство дворянъ землевладѣльцевъ. Вмѣшательство правительства въ ихъ отношенія къ крестьянамъ было необычнымъ, хотя императоромъ Павломъ и былъ изданъ указъ о трехдневной барщинѣ, по которому помѣщикъ не могъ требовать отъ крестьянъ барщинной работы болѣе трехъ дней въ недѣлю. Но онъ мало примѣнялся, а вообще государственная власть не заботилась объ урегулированіи взаимныхъ отношеній между помѣщиками и ихъ крѣпостными. Имя Румянцева, по почину котораго былъ изданъ, взволновавшій дворянъ, законъ, сдѣлалось самымъ ненавистнымъ въ средѣ тогдашняго дворянскаго общества. Одинъ москвичъ того времени въ письмѣ

къ своему провинціальному другу писалъ: „Въ Москвѣ только то и дѣлаютъ, что ругаютъ Румянцева“. Вскорѣ для всѣхъ стало очевиднымъ, что, такъ сказать, соль закона о свободныхъ хлѣбопашцахъ заключалась въ начальныхъ словахъ его: „если помѣщикъ пожелаетъ“ Значитъ указъ не имѣлъ обще-принудительной силы, а характерную черту закона и составляетъ именно его принудительность. Онъ скорѣе давалъ благожелательный совѣтъ дворянамъ со стороны государственной власти. Въ очень рѣдкихъ случаяхъ душевладѣльцы соглашались отпускать своихъ крестьянъ на началахъ этого указа, масса же помѣщиковъ спокойно оставалась при прежнемъ положеніи вещей.

Практическіе результаты преобразованій политическихъ и соціальныхъ въ первые годы царствованія Ал—дра I получились болѣе чѣмъ скромные. Всѣ перемѣны ограничивались преобразованіемъ при Монархѣ Непремѣннаго Совѣта изъ сановниковъ, учрежденнаго еще въ первые дни царствованія Ал—дра, съ которымъ онъ обсуждалъ нѣкоторые вопросы, учрежденіемъ министерствъ. Непремѣнный Совѣтъ былъ не законодательнымъ учрежденіемъ, а законосовѣщательнымъ. Члены его не были выбираемы, а назначаемы государемъ. Этотъ совѣтъ не былъ нововведеніемъ, т.-е. новостью, то же встрѣчается въ 18 ст.: Верховный Тайный Совѣтъ при Аннѣ Іоанновнѣ, при Екатеринѣ I.

Министерства по положенію 1802 г.

Въ 1802—3 г.г. введено было высшее государственное учрежденіе—Министерство, мысль о которомъ возникла въ Неоф. Комитетѣ. Одинъ изъ членовъ,--Адамъ Чарторійскій—выработалъ проектъ, который потомъ легъ въ основаніе учрежденія министерства. Это былъ новый шагъ по пути развитія государственныхъ учрежденій. Въ 18 в. министерства не существовали. Въ какой же мѣрѣ введеніе министерства представляетъ освѣженіе прежнихъ государственныхъ учрежденій? Въ 18 в. въ царствованіе Петра В. во главѣ завѣдыванія отдѣльными отраслями администраціи стояли коллегіи, въ которыхъ дѣла рѣшались голосованіемъ по большинству голосовъ, а президіумъ котораго состоялъ только изъ предсѣ-

дателя, имѣющаго 2 голоса; окончательное рѣшеніе выносилось всѣмъ собраніемъ. Власть предсѣдателя часто превышала свои рамки, но силою закона учрежденіе было не единоличное, а коллегіальное. При Екатеринѣ II коллегіи почти исчезаютъ. При Ал—дрѣ I во главѣ отдѣльной отрасли ставится министръ, являющійся единоличнымъ начальникомъ, а не предсѣдателемъ только; при немъ имѣется совѣтъ, но всѣ члены его съ совѣщательнымъ голосомъ—все рѣшается министромъ. Это—первое отличіе. Второе—министерство лишь исполнительный органъ; задача министерства—приводить въ исполненіе существующіе законы, своими распоряженіями министръ не имѣетъ права измѣнять законовъ, всѣ распоряженія—циркуляры министровъ—носятъ лишь разъяснительный характеръ относительно примѣненія законовъ. Иногда, конечно, циркуляры являются замаскированными законами, но это нарушеніе закона, по идеѣ же онъ долженъ быть направленъ только на истолкованіе существующаго закона. 3-я особенность министерскаго органа въ томъ, что власть министра распространяется по всему государству, но только въ области его вѣдомства.

Введеніе въ Россіи министерства являлось составною частью максимальной программы, но это связано съ требованіемъ, чтобы эти единичныя власти несли бы отвѣтственность передъ органомъ законодательной власти, этимъ органомъ по максимальной программѣ должны быть народные представители, но получилось потомъ—верховною властью остался монархъ, такъ какъ программа не была выполнена, слѣдовательно, оказалось, что министерство отвѣтственно передъ монархомъ. А это значитъ, что введеніе министерства не вноситъ въ государственный строй никакихъ новыхъ политическихъ принциповъ, все это въ сравненіи съ коллегіями вносило только больше техническихъ удобствъ, такъ какъ отдѣльныя отрасли были распредѣлены, затѣмъ, единоличное рѣшеніе быстрѣе, чѣмъ коллегіальное. Наконецъ и форма техническихъ усовершенствованій, что по существу и представляли министерства, въ сущности представляютъ завершеніе процесса, постепенно подготовлявшагося со времени Екатерины II. Она уничтожила коллегіи (оставлены были только

наиболѣе важныя изъ нихъ) безъ замѣны ихъ другими учрежденіями. Вмѣсто коллегій въ этой области стала примѣняться система личныхъ порученій: тѣ или другія дѣла центральнаго управленія вручались тому или другому опредѣленному вельможѣ, которому императрица въ данный моментъ довѣряла. Скоро сама жизнь стала вносить нѣкоторый порядокъ и единообразіе въ этотъ хаосъ случайныхъ порученій, и силою вещей стали намѣчаться опредѣленныя очертанія нѣкоторыхъ вѣдомствъ прикрѣпленныхъ къ извѣстному лицу, даннымъ кругомъ дѣлъ распоряжавшемуся. Итакъ вотъ три признака, которыми характеризуются эти учрежденія: 1) это высшій органъ исполнительной власти, 2) органъ, распространяющій свою компетенцію на все государство, но примѣнительно къ опредѣленному кругу дѣлъ и 3) единоличный, а не коллегіальный.

ПРАВО „РЕМОНСТРАЦІИ". Въ отношеніи Сената въ то же время была введена новая черта, въ которой можно уловить просвѣтъ самостоятельности, — право „ремонстраціи". Сенатъ имѣлъ право дѣлать монарху „представленія" на счетъ законовъ, прежде ихъ внесенія въ реестръ, но монархъ могъ однако и не обратить вниманія на эти „представленія" и настоять на осуществленіи закона. Реализовать это „право ремонстраціи" Сенату не удалось, такъ какъ первая же его попытка кончилась неудачей: оказалось, что Ал—дръ былъ далекъ на дѣлѣ отъ выполненія своихъ возвышенныхъ и либеральныхъ теоретическихъ взглядовъ и на представленіе сенаторовъ отвѣтилъ, что это право они имѣютъ только по отношенію къ законамъ, изданнымъ до указа о „ремонстраціи". Вотъ этимъ и ограничились практическіе результаты преобразовательныхъ попытокъ въ вопросахъ о реформѣ высшихъ государственныхъ учрежденій въ первые годы царствованія Ал—дра I.

Наступили событія, благодаря которымъ пришлось прервать и тѣ незначительныя преобразовательныя попытки, предполагавшіяся въ Неоф. Комитетѣ; пришлось перемѣстить центръ вниманія отъ вопросовъ внутренняго строительства къ вопросамъ международныхъ отношеній. Россія выступила противъ Наполеона сначала въ союзѣ съ Австріей, потерпѣла пораженіе при Аустерлицѣ; затѣмъ въ коалиціи съ Пруссіей—

это опять закончилось пораженіемъ при Фридландѣ. Въ Тильзитѣ Ал-дръ заключилъ миръ — формальное согласіе. Этотъ промежутокъ времени оттѣснилъ на задній планъ заботы, касавшіяся внутреннихъ преобразованій. Эти событія изъ области внѣшней политики не только не прошли безслѣдно для эволюціи внутренней политики, но наложили на нее рѣзкія черты. Россіи пришлось пережить глубокія потрясенія, которыя не могли не измѣнить политическихъ настроеній. Тяжелыя неудачи на ратныхъ поляхъ больно ударили по нервамъ разныхъ слоевъ населенія, явившись ударомъ для чувствъ національной гордости. Въ царствованіе Екатерины II съ громкими внѣшними побѣдами пріучились считать, что русская военная мощь непобѣдима. Когда Россія выступила съ Австріей, потомъ съ Пруссіей, то всѣ ожидали, что это начало новыхъ побѣдъ. Сила впечатлѣній неудачъ вызвала взрывъ патріотическаго неудовольствія; тяжелыя тревоги за близкое будущее достигли силы, подобной той, какую испытывали мы въ японскую войну. Начался взрывъ неудовольствія тѣми, кто стоитъ у кормила власти. Среди общества стало распространяться недовольство правительствомъ, которое не приняло всѣхъ мѣръ, чтобы предотвратить неудачи. Вслѣдъ за этимъ Александръ заключилъ не только миръ, но и союзъ съ Наполеономъ, что еще болѣе возбудило оппозиціонное настроеніе въ обществѣ. Недовольство проявилось тѣмъ болѣе, что передъ этимъ, когда Россія готовилась выступить въ союзѣ съ Пруссіей, Синодъ разослалъ окружное посланіе, въ которомъ называлъ Наполеона исчадіемъ ада, антихристомъ и призывалъ на борьбу съ нимъ. Религіозное сознаніе того времени было больно затронуто, когда стало извѣстно о Тильзитскомъ мирѣ. Къ религіозному чувству присоединялись чисто-матеріальныя, экономическія условія, которыя также увеличивали неудовольствіе заключеніемъ союза. Надо обратить вниманіе на то, что союзъ съ Наполеономъ означалъ принятіе обязательства участвовать въ континентальной системѣ. Вся борьба Европы съ Наполеономъ, съ его господствомъ, имѣла подкладкой экономическое соперничество между Франціей и Англіей. Войны Наполеона, объясняющіяся широкимъ размахомъ личнаго честолюбія,

представляли частичный эпизодъ грандіозной борьбы Франціи и Англіи. Война Франціи и Англіи началась раньше, чѣмъ появился Наполеонъ. Еще революціонная Франція начала завоевательные походы въ Италію, Египетъ и т. д. Сначала Франція выступала въ качествѣ оборонительной стороны, потому что Европа предпринимала враждебные шаги противъ нея; но очень скоро Франція переходитъ отъ оборонительной къ завоевательной политикѣ. Самъ Наполеонъ выдвигается въ качествѣ полководца революціонной Франціи. Въ основѣ же этихъ событій лежитъ борьба за экономическое первенство между Англіей и Франціей, какъ и теперь—экономическое соперничество Англіи и Германіи породило современную войну. Наполеонъ хотѣлъ поразить экономическую мощь Англіи, организовавъ во всѣхъ частяхъ Европы, находящихся подъ его властью, континентальную систему, которая изолировала бы Европу отъ сношеній съ Англіей. Онъ хотѣлъ запереть Англію на островѣ, перерѣзать связь ея съ континентомъ, прекратить доставку въ Англію сырья.

Войдя въ союзъ съ Наполеономъ въ Тильзитѣ, Александръ долженъ былъ примкнуть къ континентальной системѣ. Опытъ показалъ, что континентальная система хоть и создала неудобства, но была безсильна сокрушить экономическую мощь Англіи, зато и европейскія континентальныя страны, которыя приняли участіе въ ней, не мало пострадали отъ участія въ бойкотѣ Англіи. Континентальная система оказалась палкой о 2-хъ концахъ—однимъ концомъ она ударила и Европу, для которой разрывъ съ Англіей являлся экономическимъ самоубійствомъ, въ частности и для Россіи, вѣрнѣе для того общественнаго класса, который занималъ руководящее мѣсто въ Россіи. Въ это время Россія начинаетъ дѣятельно фигурировать на англійскомъ рынкѣ. Русскіе помѣщики начинаютъ превращаться въ предпринимателей, въ поставщиковъ въ Англію сырья, хлѣба, пеньки, сала. Континентальная система разрывала завязывающіяся экономическія сношенія и ставила русскихъ предпринимателей въ тяжелое положеніе. Союзъ съ Франціей, означавшій участіе въ континентальной системѣ вызвалъ неудовольствіе дворянъ, купцовъ. На миръ смотрѣли, какъ на вовлеченіе Россіи въ невыгодную сдѣлку. Та-

кимъ образомъ самыя разнообразныя побужденія, интересы, возбужденные въ разныхъ слояхъ общества—большія неудачи—отчасти чувство оскорбленнаго патріотизма, отчасти религіозное чувство, отчасти чисто-экономическіе интересы, — все сплеталось въ клубокъ горькихъ неудовольствій по адресу правительства и самого императора, который пошелъ на опасный экспериментъ, не боясь риска. На основаніи писемъ мы видимъ, что Александръ смотрѣлъ на миръ, какъ на отсрочку борьбы съ Наполеономъ, какъ на время, въ которое можно подготовиться къ новымъ ударамъ; онъ сознавалъ, что борьба предстоитъ еще, но для нея не настало время— нельзя же итти на Наполеона съ голыми руками. Но относительно тайныхъ думъ Александра общество ничего не знало, вотъ почему сталъ скопляться взрывъ неудовольствія надъ головой Александра; стали носиться неблагопріятные для Александра слухи, стало похоже на назрѣваніе дворцоваго заговора. Это неудовольствіе общественное и отчасти обостреніе дворцовыхъ отношеній заставило правительство Александра I вновь подумать о дальнѣйшихъ реформахъ въ государственномъ устройствѣ Россіи, при чемъ, при непосредственномъ давленіи неудовольствія, въ умѣ Александра возникла мысль, что нельзя ограничиваться робкими преобразованіями, о которыхъ шла рѣчь въ Неофиціальномъ Комитетѣ, необходимы такія, при которыхъ правительство могло значительную долю отвѣтственности за происходящее переложить со своихъ плечъ на плечи общественныя. Отсюда явилась мысль о необходимости народнаго представительства, превращенія абсолютной монархіи въ конституціонную. Вотъ таковы обстоятельства, обусловившія новый приступъ къ преобразовательной работѣ, задача которой—коренныя политическія реформы на основѣ народнаго представительства. Помощникомъ Александра I въ разрѣшеніи новыхъ преобразованій, правой рукой при новомъ этапѣ, явился М. М. Сперанскій, одинъ изъ выдающихся государственныхъ дѣятелей XIX в.

Жизнь и дѣятельность Сперанскаго.

Сперанскій поднялся на вершину государственной пирамиды изъ самой толщи населенія и выдвинулся на авансцену

исторіи, благодаря личнымъ дарованіямъ. Изъ захолустнаго родного села Сперанскій передвигается во Владимирскую семинарію, потомъ въ Петербургскую духовную академію. По окончаніи курса академіи Сперанскій сдѣлался тамъ профессоромъ философіи, но, проработавъ нѣсколько лѣтъ, онъ оставляетъ это,—его манило широкое поле государственной дѣятельности. Сперанскій представляетъ очень крупную умственную силу. Онъ стоитъ цѣлой головой выше другихъ государственныхъ дѣятелей, окружавшихъ русскій престолъ въ теченіи первой половины 19 го ст. Выдаваясь своимъ широкимъ образованіемъ, своей начитанностью, онъ былъ полнымъ хозяиномъ въ обширной философской и политической литературѣ своего времени. Это была прекрасно построенная голова, человѣкъ, необыкновенно способный къ систематическому мышленію, умѣвшій сжимать въ стройныя, ясныя, законченныя опредѣленія самыя сложныя и отвлеченныя идеи. Вмѣстѣ съ этимъ у него былъ необычайный даръ яснаго, оформленнаго точнаго изложенія, онъ является однимъ изъ замѣчательныхъ русскихъ стилистовъ 19 го ст. Читая его трактаты, записки, невольно удивляешься умѣнью автора въ нѣсколькихъ строкахъ изложить формулу, которая выражаетъ иногда очень сложныя и отвлеченныя понятія, кратко и ясно резюмировать разнообразныя общественныя настроенія, не находящія только словеснаго выраженія. Эти необычайныя дарованія выдвинули Сперанскаго помимо протекцій, лишь только онъ началъ работать по подготовительной реформѣ. Сначала Сперанскій пріобщается къ этому въ качествѣ секретаря вельможъ. Но вскорѣ почувствовали какая сила заключается въ перѣ этого человѣка, который не участвовалъ въ Неофиціальномъ Комитетѣ, который оставался еще за кулисами, но давалъ себя знать черезъ Кочубея. Сперанскій приблизился къ Кочубею, докладныя записки послѣдняго были писаны Сперанскимъ. Затѣмъ вскорѣ пришлось Сперанскому лично дѣлать докладъ государю. Александръ во время докладовъ успѣлъ разглядѣть Сперанскаго. Когда Александръ почувствовалъ необходимость новаго сотрудника, онъ приблизилъ Сперанскаго. Александръ не былъ способенъ на послѣдовательныя углубленія, подробныя разработки преобразовательныхъ плановъ. Ему свой-

ственны были туманныя политическія грезы, ему нужно поэтому человѣка, который подхватывалъ бы его мечты и воплощалъ бы ихъ въ опредѣленныя формы. Сперанскій какъ разъ подходилъ,—онъ могъ всякой идеѣ дать реальныя очертанія, подвести крупную аргументацію. Александру нужна была рабочая сила, а Сперанскій могъ работать 24 часа въ сутки. Вотъ почему Сперанскій сопутствовалъ Александру въ поѣдкѣ въ Эрфуртъ. Александръ тамъ уже началъ со Сперанскимъ разговоръ объ необходимости реформъ.

Въ нашей литературѣ и обществѣ долгое время на Сперанскаго смотрѣли, какъ на человѣка одареннаго, выдающагося своей крупной умственной силой, но совершенно неспособнаго къ какимъ-нибудь сильнымъ душевнымъ движеніямъ. Такому взгляду содѣйствовалъ, между прочимъ, и Толстой въ „Войнѣ и мирѣ". Вспомните извѣстное описаніе интимнаго обѣда у Сперанскаго, на который былъ приглашенъ кн. Волконскій. Вспомните, какъ нарисованъ Сперанскій: крупное бѣлое лицо, крупныя бѣлыя пухлыя руки, какъ у архіерея, неулыбающіеся глаза въ то время, когда все лицо улыбается, и, въ особенности, его смѣхъ,—нѣсколько визгливый, тонкій, деревянный, звучашій на одной и той же нотѣ безъ всякаго выраженія, — смѣхъ, въ которомъ ни одно ухо не могло уловить трепета настоящаго веселья. Но такой взглядъ не соотвѣтствуетъ фактическимъ даннымъ, имѣющимся въ нашемъ распоряженіи. Въ его жизни были минуты, какихъ не бываетъ въ жизни сухого, черстваго человѣка, моменты, въ которые онъ рисуется намъ въ совершенно иномъ освѣщеніи. Когда умерла его жена,—а онъ былъ женатъ на бѣдной дѣвушкѣ-иностранкѣ—Сперанскій исчезъ изъ дома. Пропадалъ цѣлый день и явился внезапно черезъ сутки въ свой домъ въ ужасномъ состояніи, растрепанный, съ блуждающими глазами, не владѣющій собой, въ состояніи нравственной подавленности. Онъ подошелъ къ гробу, положилъ три земныхъ поклона и исчезъ снова на цѣлыя сутки, явившись только къ погребенію. Оказалось, что все это время онъ пропадалъ на невскихъ островахъ безъ пищи, безъ сна, не зная, что съ собой дѣлать. Такъ не принимаютъ душевныхъ катастрофъ люди, которые не живутъ настоящей жизнью

сердца. Много прошло времени, пока его душевная жизнь вошла въ обычныя рамки. Избранницѣ своего сердца, такъ какъ бракъ былъ заключенъ по сердечному влеченію, онъ остался вѣренъ всю жизнь. Будучи на вершинѣ своего вліянія, ставши правой рукой государя, когда высшая знать Петербурга наперерывъ заискивала у него, онъ остался холоденъ ко всѣмъ ея исканіямъ, и не соглашался ни на какую родственную аристократическую связь, хотя она была чрезвычайно важна для него въ смыслѣ служебной карьеры, и, вѣроятно, предотвратила бы его, вскорѣ послѣдовавшее, паденіе. Представители именитой аристократіи, вѣдь, не простили ему этой обиды. Но нельзя и идеализировать личность Сперанскаго: въ его натурѣ обозначались и большіе недостатки. Когда онъ изъ перваго государственнаго сановника превратился въ опальнаго, когда рушилось все зданіе его личнаго благополучія и политическаго вліянія, онъ не вышелъ изъ него побѣдителемъ. Въ немъ тогда начинаетъ проявляться наклонность заискивать у сильныхъ міра; онъ пишетъ для Аракчеева записку о военныхъ поселеніяхъ, которымъ онъ раньше не сочувствовалъ, становится по возвращенію изъ ссылки въ первыхъ рядахъ государственныхъ дѣятелей Николая I. Но, закрывая глаза на недостатки его нравственной личности, мы все-таки видимъ, что эта личность была гораздо сложнѣе, глубже, богаче, чѣмъ представляютъ люди, рисующіе его типомъ обычнаго сухого чиновника.

Политическіе трактаты Сперанскаго.

Только въ недавнее время были найдены и появились въ печати цѣликомъ политическіе трактаты Сперанскаго, которые совершенно не были извѣстны раньше. Такъ, напримѣръ, его главный политическій „проектъ государственнаго преобразованія Россіи“, написанный имъ по порученію Александра въ 1809 году, только очень недавно былъ напечатанъ. О его содержаніи мы могли судить по случайнымъ выдержкамъ, которыя были въ свое время приведены изъ разныхъ мѣстъ трактата Н. И. Тургеневымъ въ его книгѣ „La Russie et les russes“. Теперь мы имѣемъ передъ собою: 1)

полный текстъ трактата 1809 г., который былъ напечатанъ въ журналѣ „Историческое Обозрѣніе", издающемся при Петербургскомъ Историческомъ Обществѣ; 2) другіе трактаты Сперанскаго, относящіеся къ разнымъ моментамъ его политической дѣятельности. Всѣ они собраны въ отдѣльномъ изданіи: „Планъ государственныхъ преобразованій графа Сперанскаго", изданномъ журналомъ „Русская Мысль" подъ редакціей привата-доцента Яковлева, и даютъ намъ возможность ознакомиться въ цѣломъ съ его политико литературнымъ наслѣдствомъ: 1) съ сущностью его политическихъ идей и 2) послѣдовательнымъ ходомъ развитія его политическихъ воззрѣній. Его мысль имѣетъ свою исторію. Для освѣщенія этой послѣдовательной эволюціи любопытно сопоставить три его политическихъ проекта: 1) вышедшіе въ 1802 г. „Мемуары о законодательствѣ", 2) появившаяся въ 1803 г. „Записка объ устройствѣ правительственныхъ и судебныхъ мѣстъ въ русской имперіи" и 3) наконецъ, самый основной трудъ, въ которомъ нашли завершеніе его политическія идеи—„Проектъ государственнаго преобразованія Россіи", написанный въ 1809 году. Сравнивая ихъ, мы и можемъ опредѣлить: 1) въ какомъ направленіи развивался и видоизмѣнялся политическій идеалъ Сперанскаго и 2) какого рода общія идеи владѣли Сперанскимъ въ теченіе всей его литературной дѣятельности.

Сравнивая трактаты 1802, 1803 и 1809 годовъ мы замѣчаемъ основную руководящую идею, проходящую красною нитью, которая представляетъ какъ бы основной капиталъ, и потомъ замѣчаемъ, что Сперанскій не стоялъ на одномъ мѣстѣ — измѣнялись нѣкоторыя подробности въ проектахъ. Остановимся на устойчивыхъ чертахъ и потомъ скажемъ, въ какомъ направленіи онъ постепенно эволюціонировалъ. При всѣхъ различіяхъ въ запискахъ 1802, 3 и 9 годовъ неизмѣнно проводится одно положеніе, что не писанная коституція, а реальное соотношеніе общественныхъ силъ является главнымъ двигателемъ политическаго развитія. Вотъ что онъ пишетъ въ „Мемуарахъ о законодательствѣ" 1802 года: „Какіе бы законы народъ не издавалъ, если власть исполнительная не разсудитъ приводить ихъ въ дѣйствіе, они будутъ пусты-

ми теоріями. Если законодатели не будутъ имѣть средствъ заставить власть исполнительную приводить волю ихъ въ дѣйствіе, мало-по-малу они станутъ всѣ подъ ея вліяніе, и государство на самомъ дѣлѣ будетъ водимо единой волей правительства. Тщетно писать общее государственное положеніе или конституцію, не основывая ее на дѣйствительной государственной силѣ. Она можетъ быть превосходна, но никогда не можетъ быть самостоятельна". Здѣсь онъ называваетъ дѣйствительное положеніе вещей „внутреннимъ образомъ правленія", а писанную конституцію—„внѣшнимъ образомъ правленія".

Возьмемъ теперь трактатъ 1803 года. Тамъ читаемъ слѣдующее: „То, что называется государственнымъ закономъ или конституціей, не есть законъ писаный, но законъ вещественный не на бумагѣ, но въ дѣйствіи самомъ существующій. Онъ состоитъ не столько въ государственныхъ установленіяхъ, сколько въ вещественномъ раздѣленіи силы его на состоянія, онъ поддерживается не столько видимыми учрежденіями, сколько навыкомъ и духомъ народнымъ. Это есть физическое сложеніе, темпераментъ политическаго тѣла". По этому основному вопросу взглядъ Сперанскаго здѣсь совершенно тотъ же, какой онъ высказываетъ и въ 1809 году, въ трактатѣ, въ которомъ наиболѣе полно выразились его политическія воззрѣнія, и который во многомъ разнился отъ его первыхъ двухъ записокъ. Эта мысль находитъ здѣсь слѣдующее выраженіе: „Время есть первое начало и источникъ всѣхъ политическихъ обновленій. Никакое правительство, съ духомъ времени несообразное, противъ всемощнаго его дѣйствія устоять не можетъ. Посмотримъ на первый вопросъ, который въ самомъ преддверіи всѣхъ политическихъ перемѣнъ разрѣшенъ быть долженъ, вопросъ о благовременности ихъ начинанія". И Сперанскій цитируетъ Бэкона: „Le plus grand novateur est le temps". (Самый великій нововводитель есть время). Совокупность цитатъ, взятыхъ изъ разновременныхъ трактатовъ приводитъ насъ къ заключенію, что Сперанскій вовсе не былъ фанатикомъ бумажной конституціи, а, наоборотъ, считалъ что лучшій реформаторъ — время. Лишь тогда реформы войдутъ въ плоть и кровь народа, когда онѣ

будутъ назрѣвшими въ самой народной жизни. Задача законодателя—подслушать біеніе пульса этой жизни и въ своей работѣ выразить насущныя потребности ея. Такимъ образомъ ясно, что Сперанскій считаетъ ту писанную конституцію жизненной, которая, какъ въ зеркалѣ, отражаетъ дѣйствительное политическое положеніе страны.

Вотъ первая идея, которая объединяетъ всѣ политическіе трактаты Сперанскаго, относящіеся къ разнымъ моментамъ его дѣятельности.

Вторая его мысль, неизмѣнно проходящая въ проектахъ—мысль о необходимости ясно, точно и категорически отличать понятіе самодержавной монархіи отъ понятія о такомъ государственномъ устройствѣ, которое обезпечиваетъ въ странѣ введеніе политической свободы. Сперанскій никогда не раздѣлялъ заблужденій членовъ Неофиціальнаго Комитета, которые считали возможнымъ въ рамкахъ самодержавной монархіи ожидать развитія политической свободы. Будучи тонкимъ мыслителемъ, онъ всегда отличалъ самодержавіе отъ ограниченной монархіи, для него это были двѣ различныя политическія формы, которыя исключали другъ друга. Въ одномъ изъ своихъ раннихъ трактатовъ, именно 1803-го года, когда Сперанскій самъ еще не находилъ возможнымъ вводить въ Россіи конституціонною монархію — онъ пишетъ: „Въ настоящемъ порядкѣ вещей мы не находимъ самыхъ первыхъ элементовъ, необходимыхъ для составленія монархическаго образа правленія“ (подъ словомъ „монархическій“ онъ всегда разумѣетъ ограниченную монархію, подъ неограниченной монархіей онъ разумѣетъ деспотизмъ), т.-е. конституціи“. „И въ самомъ дѣлѣ, какимъ образомъ можно основать монархическое правленіе въ странѣ, гдѣ половина населенія находится въ совершенномъ рабствѣ, связанномъ со всѣми частями политическаго устройства и съ воинской системой, какимъ образомъ можно основать монархическое управленіе безъ государственныхъ законовъ и уложенія. Какимъ образомъ можно постановить государственный законъ и уложеніе безъ отдѣленія власти законодательной отъ исполнительной? Какимъ образомъ отдѣлить власть законодательную безъ сословія независимаго, ее составляющаго, и безъ

общаго мнѣнія, ее поддерживающаго? Какимъ образомъ составить сословіе независимое (подъ словомъ „сословіе" Сперанскій понимаетъ законодательную палату) безъ опаснаго превращенія всего существующаго порядка—съ рабствомъ и безъ просвѣщенія? Какимъ образомъ установить общее мнѣніе, сотворить духъ народный безъ свободы тисненія (т.-е. свободы печати)? Какимъ образомъ ввести свободу тисненія безъ всеобщаго образованія? Какимъ образомъ установить истинную министерскую отвѣтственность тамъ, гдѣ отвѣчать некому и гдѣ отвѣтствующій и вопрошающій составляютъ одно лицо и одну сторону? Какимъ образомъ безъ отвѣтственности охрана законовъ можетъ быть приведена въ исполненіе, какимъ образомъ можетъ быть обезпечено самое исполненіе безъ просвѣщенія и обилія въ исполнителяхъ? Всѣ сіи вопросы разрѣшить нужно прежде, чѣмъ намъ можно съ нѣкоторою основательностью предположить, возможное превращеніе настоящаго вещей порядка въ порядокъ монархическій". Въ этой запискѣ 1803 г. Сперанскій ясно и отчетливо формулируетъ то, что отличаетъ деспотію отъ конституціонной монархіи: независимость законодательныхъ учрежденій, отдѣленіе законодательной власти отъ исполнительной, независимое общественное мнѣніе, свобода печати, отвѣтственность исполнительной власти передъ законодательной палатой. Сперанскій понималъ, что, провозглашая нѣкоторыя начала свободы и оставляя попрежнему самодержавную власть монарху, безъ формальнаго ея ограниченія — это не значитъ ввести законность и правовой порядокъ въ странѣ, и въ этомъ глубокая разница между Сперанскимъ и членами Неофиціальнаго Комитета. Рекомендуя ограничиться наружными формами правового порядка, Сперанскій не заблуждался, не понималъ это, какъ установленіе политической свободы, (какъ понимали члены Неофиціальнаго Комитета), а только, какъ наружное подобіе, намекъ на нее. Сперанскій всегда стоялъ на той точкѣ зрѣнія, что для введенія настоящей политической свободы необходимо вполнѣ уничтожить самодержавіе.

Итакъ—первая идея сводилась къ тому, что писаная конституція не можетъ перестроить жизнь, она зеркало, въ которомъ отражаются дѣйствительныя перемѣны жизни. Вторая

идея—настоящая политическая свобода не совмѣстима съ наличностью самодержавія.

Но посмотримъ 1) въ какихъ частяхъ его политическія идеи видоизмѣнялись и 2) каковъ былъ ихъ послѣдовательный ростъ. Въ двухъ направленіяхъ послѣдовательно видоизмѣнялся политическій идеалъ Сперанскаго: 1) онъ постепенно перешелъ отъ проекта только подготовить Россію къ введенію конституціонной монархіи къ мысли о необходимости немедленной политической реформы, т.-е. замѣны неограниченнаго самодержавія конституціонной монархіей; 2) отъ идеи аристократической конституціи онъ перешелъ къ болѣе демократической. Было время, когда онъ, подобно членамъ Неофиціальнаго Комитета былъ увѣренъ, что Россія къ введенію народнаго представительства и конституціонной монархіи еще недостаточно подготовлена. Онъ полагалъ, что предварительно требуется не внутреннее принципіальное измѣненіе, а лишь наружное подновленіе политическаго строя, хотя и не считалъ это установленіемъ настоящей свободы, а только внѣшней политической декораціей, которая мало-по-малу подготовитъ страну къ дальнѣйшей коренной реформѣ. По его мнѣнію, нельзя еще приступать къ введенію въ Россіи конституціонной монархіи, однако абсолютную монархію необходимо окружить внѣшними учрежденіями, которыя, не затрагивая ея принципа, видоизмѣняли бы ея внѣшнія очертанія, что пріучило бы и власть, и населеніе къ существованію нѣкоторыхъ посредствующихъ звеньевъ между монархомъ и населеніемъ. Сперанскій пишетъ: „Вопросъ объ усовершенствованіи настоящаго управленія въ Россіи не въ томъ состоитъ, какимъ образомъ можно превратить его въ истинное управленіе монархическое, но въ томъ, какимъ образомъ составить образъ управленія, который бы соединялъ въ себѣ слѣдующія свойства: 1) онъ долженъ быть весь расположенъ по настоящей самодержавной конституціи государства, безъ всякаго раздѣла власти законодательной отъ власти исполнительной; 2) онъ долженъ сохранить и усилить народное мнѣніе, власть сію ограничивающее не въ существѣ ея, но въ формѣ ея дѣйствія; 3) онъ долженъ сколь можно быть приближенъ къ образцу монархическаго управ-

ленія, выше изображеннаго, и 4) онъ долженъ содержать въ себѣ разныя установленія, которыя бы, постепенно раскрываясь, приготовляли истинное монархическое управленіе и приспособляли бы къ нему духъ народный.“ Въ другомъ мѣстѣ онъ предлагаетъ установить сенатъ правительственный и сенатъ судебный, какъ два учрежденія коллегіальныя, но являющіяся двумя отдѣлами государева кабинета. „Этотъ порядокъ,“ говоритъ Сперанскій, „будетъ основанъ на недѣлимости власти самодержавной. Ни сенатъ законадательный, ни сенатъ исполнительный не могутъ сдѣлать никакого движенія безъ воли государя; въ существѣ своемъ они суть непосредственныя только его орудія и собственной силы не имѣютъ. Между тѣмъ наружною важностью своею и составомъ они утверждаютъ народное мнѣніе, возводятъ его ближе къ идеямъ монархическимъ и ставятъ Россію на одной средѣ съ прочими государствами европейскими, не отнимая ничего отъ силы ея необходимаго самодержавія. Государь благонамѣренный не найдетъ, конечно, въ сихъ установленіяхъ никакихъ препятствій къ совершенію своихъ предположеній, но самодержавецъ, который бы захотѣлъ употребить во зло неограниченную свою волю, встрѣтилъ бы твердую преграду своимъ насиліямъ, если не въ самыхъ сихъ установленіяхъ, то въ мнѣніи, въ увѣренности, въ привычкахъ народныхъ, особливо, когда привычки сіи долголѣтнимъ продолженіемъ добраго царства въ сердцахъ укрѣпятся. Сіе укрѣпленіе всегда было признаваемо важнѣйшемъ оплотомъ политической свободы и можетъ быть лучшею гарантіею закона.“ Вотъ точка зрѣнія Сперанскаго въ 1803 г., какъ разъ въ эпоху дѣятельности Неофиціальнаго Комитета, когда онъ самъ еще былъ скромнымъ секретаремъ у различныхъ вельможъ и только вырабатывалъ свои политическія воззрѣнія. Но въ 1809 году Сперанскій стоитъ на необходимости дѣйствительно ограничить монарха народнымъ представительствомъ съ законной властью. Это не была перемѣна основного міросозерцанія, эта перемѣна объясняется тѣмъ, что въ 1809 г. Сперанскій замѣтилъ въ жизни нѣкоторыя новыя явленія, которыхъ не замѣчалъ раньше—это ростъ оппозиціоннаго настроенія противъ власти. И тамъ, и здѣсь Сперанскій вѣ-

рилъ, что реформа должна итти нога въ ногу съ дѣйствительной жизнью, но въ 1809 г. сама жизнь немного измѣнилась, поэтому онъ сталъ радикальнѣй; въ жизни замѣчается стремленіе, котораго раньше не было, стремленіе самого общества къ сознательному участію въ политической жизни и въ 1809 г. явился исполнителемъ предположеній Александра о введеніи конституціонной монархіи не только по формѣ, но и по существу. Онъ составилъ по порученію императора свой „Проектъ государственнаго преобразованія Россіи", въ которомъ уже опредѣленно имѣетъ въ виду ограниченіе воли монарха законодательными правами народныхъ представителей. Во введеніи къ проекту онъ развиваетъ подробно его мотивы, попрежнему настаивая на томъ, что конституція должна соотвѣтствовать дѣйствительному настроенію общества. Онъ указываетъ на то, что въ данный моментъ произошелъ рядъ явленій въ жизни народа, который какъ разъ и вызвалъ вопросъ о коренномъ преобразованіи не сверху, а снизу, изнутри самого общества, политическаго строя Россіи. Во введеніи онъ набрасываетъ любопытный обще-историческій, можно сказать, историко-философскій очеркъ, который служитъ для него теоретическимъ обоснованіемъ предполагаемыхъ имъ практическихъ преобразованій. Въ политической исторіи, онъ пишетъ, всѣхъ европейскихъ странъ мы наблюдаемъ постепенный переходъ отъ политическаго феодализма къ политическому абсолютизму, а затѣмъ къ установленію народнаго самоуправленія—къ политической свободѣ. Въ Западной Европѣ среднихъ вѣковъ царствовалъ феодальный строй: въ странѣ господствовалъ абсолютизмъ, но только былъ не одинъ самодержавный монархъ, а цѣлый рядъ феодальнихъ бароновъ, которые въ предѣлахъ своихъ бароній были полновластными государями. Затѣмъ этотъ порядокъ въ Западной Европѣ постепенно замѣняется ростомъ абсолютизма. Этому процессу содѣйствовали крестовые походы, которые отвлекли многихъ сильныхъ бароновъ отъ домашнихъ, внутреннихъ, дѣлъ на дальній востокъ, установили военоначальниковъ, которые превратились въ монарховъ. Послѣ объединенія раздробленныхъ частей страны подъ властью самодержавнаго монарха, начался новый процессъ— за-

мѣна его народнымъ самоуправленіемъ и политической свободой подъ вліяніемъ роста народнаго сознанія. Затѣмъ Сперанскій проводитъ параллель между Западной Европой и Россіей, и находитъ, что у насъ политическая жизнь тоже началась съ господства феодализма, разумѣя подъ нимъ удѣльную систему. Какъ крестовые походы на Западѣ содѣйствовали росту абсолютизма, такъ въ Россіи эту роль сыграло татарское иго, которое отвлекло удѣльныхъ князей отъ ихъ внутреннихъ дѣлъ и помогло Москвѣ превратить удѣльную Русь въ единое самодержавное государство. Затѣмъ, по мнѣнію Сперанскаго, у насъ долженъ тоже начаться переходъ отъ абсолютизма къ установленію „народоправства." Хотя земскіе соборы еще въ древней Руси, Уложеніе 49-го года, конституціонное движеніе 1730 г. при воцареніи Анны Іонновны, созывъ Екатериной II народныхъ депутатовъ въ комиссіи и т. д. и показываетъ, что въ Россіи абсолютизмъ начинаетъ считаться съ ростомъ народнаго самосознанія, но всѣ опыты установить нѣкоторое участіе общественныхъ силъ въ государственномъ управленіи не удавались, значитъ, являлись преждевременными. Но наступившій моментъ указываетъ, что настало время перехода самодержавія къ конституціонной монархіи съ свободнымъ участіемъ народныхъ представителей.

Эта реформа выдвигается самой жизнью, такъ какъ, по мнѣнію Сперанскаго, съ нѣкотораго времени стало ясно наблюдаться, что отличія служебныя, ордена, чины и т. д., которыми монархъ награждаетъ своихъ слугъ, стали утрачивать прежнюю силу обаянія во мнѣніи народномъ. „Не разумомъ", говоритъ Сперанскій, „но силою воображенія дѣйствуетъ и владычествуетъ ими правительство на страсти народныя. Для сего установлены между прочимъ чины и почести. Доколѣ сила воображенія поддерживаетъ ихъ въ надлежащей высотѣ, дотолѣ они сопровождаются уваженіемъ. Но какъ скоро по стеченію обстоятельствъ сила сія ихъ оставитъ, такъ скоро и уваженіе исчезнетъ. Чины и почести въ семъ положеніи могутъ быть еще лестны, но въ одномъ только томъ отношеніи, что они служатъ знаками довѣрія или милости; внутренняя же ихъ очаровательная сила, впечатлѣніе на народъ, мало-по-малу изглаживается и пропада-

етъ. Такъ оно и было во всѣхъ другихъ государствахъ въ той эпохѣ, когда феодальная система приближалась къ своему паденію. Основаніе сему очевидно: когда разумъ начинаетъ распознавать цѣну свободы онъ отметаетъ съ пренебреженіемъ всѣ дѣтскія, такъ сказать, игрушки, коими забавлялся онъ въ своемъ младенчествѣ". Вотъ что прежде всего Сперанскій наблюдаетъ въ окружающей жизни. Одновременно съ этимъ ослабѣваетъ сила правительственнаго авторитета. „Если физическая власть", говоритъ Сперанскій, „осталась, то моральная ослабѣла. Какая мѣра правительства не подвержена нынѣ осужденію? Какое благотворное движеніе не искажено и не перетолковано? Духъ партій и злонамѣренность безъ сомнѣнія имѣютъ въ семъ участіе, но духъ партій не имѣлъ бы столько силы, если бы общій разумъ не расположенъ былъ къ его впечатлѣніямъ. Съ горестью, но съ достовѣрностью можно сказать, что въ настоящемъ положеніи всѣ мѣры правительства, требующія не физическаго, но моральнаго повиновенія, не могутъ имѣть дѣйствія. Одна есть истинная сему причина: образъ мыслей настоящаго времени въ совершенной противоположности съ образомъ правленія". Наконецъ, Сперанскій указываетъ на ростъ всеобщаго недовольства существующимъ порядкомъ. „Всѣ жалуются на запутанность и смѣшеніе гражданскихъ нашихъ законовъ, но какимъ образомъ можно исправить и установить ихъ безъ твердыхъ законовъ государственныхъ? Къ чему законы, распредѣляющіе собственность между частными людьми, когда собственность сія ни въ какомъ предположеніи не имѣетъ твердаго основанія. Сіе всеобщее неудовольствіе, сія преклонность къ горестнымъ изъясненіямъ всего настоящаго есть ни что иное, какъ общее выраженіе пресыщенія и скуки отъ настоящаго вещей порядка. Войны и политическія происшествія занимаютъ безъ сомнѣнія тутъ свое мѣсто. Но были тяготы, были войны и духъ народный не былъ подавленъ ими до такой степени, какъ нынѣ. Неужели дороговизнѣ сахара и кофе можно въ самъ дѣлѣ приписать начало сихъ неудовольствій? Уменьшилась ли отъ нихъ роскошь? Обѣднѣлъ ли въ самомъ дѣлѣ народъ? Гдѣ же жестокія несчастія, которыя его на самомъ дѣлѣ по-

стигли? Всѣ вещи остались въ прежнемъ почти положеніи, а между тѣмъ духъ народный страждетъ въ безпокойствіи. Какъ можно изъяснить сіе безпокойствіе иначе, какъ совершеннымъ измѣненіемъ мысли, глухимъ, но сильнымъ желаніемъ другого вещей порядка". Опираясь на эти наблюденія, Сперанскій и приходитъ къ заключенію, что теперь вопросъ идетъ не о какомъ-либо внѣшнемъ подновленіи политическаго строя, а о коренномъ преобразованіи его.

Въ томъ же введеніи Сперанскій съ ясностью формируетъ свою основную задачу: „Два различныя устройства съ перваго воззрѣнія здѣсь представляются. Первое состоитъ въ томъ, чтобы облечь правленіе самодержавное всѣми, такъ сказать, внѣшними формами закона, оставивъ въ существѣ его ту же силу и то же пространство самодержавія. Второе устройство состоитъ въ томъ, чтобы не внѣшними только формами покрыть самодержавіе, но ограничить его внутреннею силою установленій и учредить державную власть на законѣ не словами, а самымъ дѣломъ." Оградить державную власть самымъ дѣломъ съ точки зрѣнія Сперанскаго означало: 1) „законодательное сословіе должно быть такъ устроено, чтобы оно не могло совершать свихъ положеній безъ державной власти, но чтобы мнѣнія его были свободны и выражали бы собою мнѣнія народныя; 2) сословіе судебное должно быть такъ образовано, чтобы въ бытіи своемъ зависѣло отъ свободнаго выбора и одинъ только надзоръ формъ судебныхъ и охраненіе общей безопасности принадлежали правительству; 3) власть исполнительная должна быть исключительно ввѣрена правительству; по елику власть сія распоряженіями своими подъ видомъ исполненія законовъ не только могла бы обезобразить ихъ, но и совсѣмъ уничтожить, то и должно поставить ее въ отвѣтственность власти законодательной. Таковъ есть общій разумъ двухъ системъ, коимъ можно слѣдовать въ составленіи коренныхъ законовъ." Значитъ, независимость законодательной власти отъ исполнительной, независимость суда отъ администраціи, отвѣтственность исполнительной власти передъ законодательной палатой, т.-е. настоящее раздѣленіе властей, съ предоставленіемъ каждой изъ нихъ нѣкоторой доли политической самостоятельности—

вотъ что Сперанскій считаетъ необходимымъ для того, чтобы монархію самодержавную превратить въ монархію конституціонную. Таковъ первый поворотный пунктъ въ постепенной эволюціи политическихъ идей Сперанскаго.

Второе измѣненіе его въ политическихъ воззрѣніяхъ заключалось въ томъ, что онъ постепенно перешелъ отъ болѣе аристократическаго политическаго устройства къ болѣе демократическому. Онъ никогда не былъ послѣдовательнымъ демократомъ, и въ 1809 г. стоялъ за организацію политическихъ выборовъ на началахъ имущественнаго ценза. Въ 1802-3-мъ же годахъ онъ являлся послѣдователемъ англійскихъ политическихъ образцовъ, желая ограниченія самодержавія путемъ усиленія аристократіи, которая одна могла, по его словамъ дѣйствительно противостоять росту абсолютизма. Онъ раздѣлялъ взглядъ Монтескье, который сказалъ: „Нѣтъ дворянина—нѣтъ и монарха, а есть деспотъ.“ Только при существованіи крупной земельной аристократіи деспотъ преклонится передъ ея силой и согласится на ограниченіе своей власти. Поэтому въ своихъ раннихъ политичечкихъ проектахъ Сперанскій стоитъ за двухпалатную систему законодательныхъ учрежденій съ тѣмъ, чтобы въ верхней палатѣ сосредоточилась крупная земельная аристрократія. Чтобы предоставленіе ей такихъ привилегій не повлекло за собой угнетеніе народа, Сперанскій считаетъ необходимымъ установить майоратъ, т.-е. чтобы каждое крупное имѣніе поступало только въ руки старшаго представителя даннаго рода, который бы, и входилъ въ составъ верхней палаты, а ихъ младшіе братья, лишенные наслѣдства, становились бы членами другихъ общественныхъ классовъ. Такимъ образомъ, говоритъ Сперанскій, аристократы не будутъ угнетать простой народъ, потому что съ нимъ ихъ будетъ связывать родство.

Въ трактатѣ же 1809 г. Сперанскій объявляетъ майоратъ пагубнымъ для политической свободы и проектируетъ уже не двухъ, а однопалатную систему; избирательное же право получаютъ всѣ замельные собственники, независимо отъ размѣровъ ихъ земельныхъ владѣній. Такъ отъ аристократической точки зрѣнія онъ переходитъ къ болѣе демократической.

Разсмотримъ главный проектъ Сперанскаго, составленный

въ 1809 году по порученію Александра I. Свой проектъ Сперанскій построилъ на 2-хъ основныхъ положеніяхъ: 1) въ основѣ государственнаго строя Россіи должно лечь начало ограниченія власти монарха народнымъ представительствомъ съ законодательной властью, имѣя въ виду не наружную, а дѣйствительную замѣну неограниченной монархіи конституціей; 2) въ томъ, чтобы органы государственныхъ учрежденій должны быть основаны на принципѣ раздѣленія властей. Такимъ образомъ Сперанскій проектировалъ осуществить коренную реформу, которая должна была обезпечить осуществленіе въ Россіи настоящей политической свободы. Посмотримъ теперь, какъ Сперанскій соединялъ начало политической свободы съ соціальнымъ неравенствомъ? Въ какой мѣрѣ Сперанскій хотѣлъ распространить политическія права на всю совокупность русскаго народа? Какъ онъ смотрѣлъ на крѣпостное право?.

Въ 1809 году Сперанскій не стоитъ за полное уравненіе въ политическихъ правахъ всѣхъ слоевъ населенія. Устанавливая довольно сложную іерархію, Сперанскій различаетъ прежде всего права политическія и права гражданскія. Первыя заключаются въ возможности участвовать въ законодательствѣ права гражданскія—въ независимости частной жизни, въ правѣ имущественной и личной неприкосновенности. Для пользованія политическими правами онъ считаетъ необходимымъ имѣть хотя бы небольшую собственность. По мнѣнію тогдашняго либерализма, выразителемъ котораго являлся Бенжаменъ Констанъ, люди бездомные не должны попадать въ законодатели страны, потому что проникновеніе ихъ туда можетъ превратить палату въ „игралище народныхъ страстей,“ и Сперанскій вполнѣ раздѣлялъ этотъ взглядъ. Такимъ образомъ, прислуга, рабочіе, бездомные люди, живущіе на личный заработокъ, но неимѣющіе недвижимости, устраняются отъ участія въ выборахъ.

Говоря о гражданскихъ правахъ, личной неприкосновенности, Сперанскій, считаясь съ фактомъ крѣпостной зависимости крестьянъ, не предоставляетъ имъ ни политическихъ, ни гражданскихъ правъ. Далѣе онъ такъ распредѣляетъ права между различными сословіями: 1) крѣпостные крестьяне

не пользуются ни гражданскими, ни политическими правами; 2) люди свободные, но не имѣющіе собственности (прислуга, наемные рабочіе), пользуются гражданскими правами общими, но не имѣють гражданскихъ правъ особенныхъ и не участвують въ политическихъ выборахъ; 3) средній классъ (горожане, купцы, промышленники, имѣющіе собственность) пользуются правами политическими и общими гражданскими, но не имѣетъ гражданскихъ правъ особенныхъ, т.-е. не можетъ имѣть населенныхъ имѣній; 4) дворяне пользуются политическими правами, общими гражданскими и гражданскими особенными, т.-е. имѣютъ право владѣть крестьянами, такъ какъ ими владѣли ихъ предки.

Изъ этой классификаціи можно усмотрѣть, что составленный проектъ Сперанскаго исходитъ изъ существованія крѣпостного права, съ которымъ онъ считается, какъ съ фактомъ существующимъ. Во введеніи къ проекту 1809 года, говорится, между прочимъ, что въ Россіи всѣ равны: крестьяне—рабы своихъ господъ, господа—рабы своего монарха. Слѣдовательно крѣпостное право какъ бы основа государственнаго строя Россіи. Но Сперанскій сознавалъ, что упразднить крѣпостное право необходимо, но въ будущемъ, а въ настоящемъ, нужно приступить къ реформамъ государственнаго строя Россіи Въ этомъ отношеніи Сперанскій отличается существенно отъ тѣхъ дѣятелей, которые говорили, что политическая реформа не принесетъ оздоровленія, если не будетъ отмѣнено крѣпостное право. Надо сознаться, что Сперанскій не стоитъ на точкѣ зрѣнія послѣдовательнаго демократизма. Онъ никогда не былъ демократомъ въ настоящемъ смыслѣ слова. Краеугольнымъ камнемъ его преобразовательныхъ проектовъ была политическая реформа, но не соціальная.

Сравнительно большая демократизація Сперанскаго, которую мы замѣчаемъ въ проектѣ 1809 г. по сравненію съ проектами раннѣйшими, заключается въ томъ, что въ 1805 г. онъ изъ массы гражданъ выдѣлялъ тѣхъ, которые владѣли крестьянами и имъ предоставлялъ политическое право, а въ 1809 г. политическія права онъ распространялъ на всѣхъ землевладѣльцевь независимо отъ размѣровъ землевладѣнія, т.-е. входятъ какъ крупные, такъ и средніе земельные соб-

ственники. Но дальше этого демократизмъ Сперанскаго не шелъ.

Мы разсмотрѣли основныя общія воззрѣнія Сперанскаго. Теперь перейдемъ къ изученію политической реформы, которую предложилъ Сперанскій въ 1809 году, частью осуществленной, частью оставшейся только на бумагѣ. Въ своемъ проектѣ онъ принципъ раздѣленія властей проводилъ не только по отношенію къ центральнымъ учрежденіямъ, но и провинціальнымъ.

Имперія, по проекту Сперанскаго 1809 г., дѣлится на губерніи, губерніи на округи, округи на волости. Во всѣхъ этихъ дѣленіяхъ устанавливается однородный строй учрежденій. Начнемъ съ самаго низшаго дѣленія — съ волости. Каждые три года въ каждой волости изъ всѣхъ владѣльцевъ недвижимой собственности составляется собраніе—Волостная Дума, въ которую входятъ не только дворяне, но и всѣ землевладѣльцы данной волости, напримѣръ, купцы, фабриканты и т. д., разъ у нихъ есть земельная собственность. Тутъ приходится обратить вниманіе на то, что Волостная Дума является не выборнымъ учрежденіемъ, это не собраніе выбранныхъ отъ землевладѣльцевъ, но это непосредственное собраніе всѣхъ землевладѣльцевъ. Каждый землевладѣлецъ получаетъ возможность лично участвовать въ думѣ, во-первыхъ, безъ различія размѣра землевладѣнія, а, во-вторыхъ, безъ различія сословнаго дѣленія. Фактически, а не юридически подавляющее большинство землевладѣльцевъ были дворяне, потому что въ теченіе 18 столѣтія дѣйствовало право, по которому владѣть населенными землями имѣли право только дворяне, и землевладѣльцевъ недворянъ почти не существовало. Но юридически выходило, что и недворяне могли входить въ думу, если пріобрѣтутъ землю. Однако, кромѣ землевладѣльцевъ Сперанскій вводитъ въ думу еще одинъ элементъ, это—государственныхъ крестьянъ, но не поголовно всѣхъ, а представителей по одному отъ каждыхъ 500 дворовъ, живущихъ въ этой волости. Составленная такимъ образомъ Волостная Дума, по проекту Сперанскаго, должна была: во-первыхъ, руководить дѣлами волостного управленія, во-вторыхъ, избирать изъ своей среды Волостную

Управу (исполнительный органъ при Думѣ), Волостной Судъ и составлять Волостной Наказъ, т.-е. списокъ нуждъ и желаній волостного населенія. Наконецъ, она выбираетъ изъ своей среды депутатовъ въ Окружную Думу. Послѣдняя выбираетъ членовъ Окружнаго Совѣта (свой исполнительный органъ), членовъ Окружнаго Суда, составляетъ сводный Окружной Наказъ изо всѣхъ волостныхъ наказовъ даннаго округа и, наконецъ, выбираетъ представителей въ Губернскую Думу. Губернская Дума выбираетъ членовъ Губернскаго Совѣта и Губернскаго Суда, составляетъ Обще-Губернскій Наказъ и выбираетъ депутатовъ въ Государственную Думу, которая и является общей законодательной палатой народныхъ представителей для всей имперіи. Сперанскій объединяетъ всѣ эти учрежденія выборнымъ началомъ. Такимъ образомъ, избирательное право, по проекту Сперанскаго, не является 1) всеобщимъ, потому что оно обусловлено имущественнымъ цензомъ; 2) и не можетъ быть названо прямымъ, такъ какъ члены Государственной Думы, согласно этому проекту, избираются не прямо населеніемъ, а многостепенно. Въ центрѣ высшее управленіе также распредѣляется между учрежденіями троякаго рода: 1) Государственная Дума, составленная изъ депутатовъ отъ всѣхъ губерній, разсматриваетъ новые законы, которые восходятъ затѣмъ на утвержденіе державной власти; 2) министерства руководятъ текущимъ управленіемъ, при чемъ министры являются отвѣтственными передъ Государственной Думой за свои распоряженія; 3) Сенатъ представляетъ высшую судебную инстанцію. Наконецъ, надъ всѣми этими учрежденіями поставленъ Государственный Совѣтъ, въ которомъ разсматриваются проекты законовъ, уставовъ и учрежденій. Но Государственный Совѣтъ не былъ второй палатой. Это—личный совѣтъ при особѣ монарха, состоящій изъ сановниковъ, назначенныхъ самимъ монархомъ; это не было законодательное учрежденіе; это только совѣтъ по всѣмъ дѣламъ, касающимся государства, при чемъ необязательный. Во главѣ Совѣта стоитъ монархъ, власть котораго ограничена конституціей. Вотъ общая схема. Черезъ всю схему, начиная съ низшихъ инстанцій и кончая общегосударственными Сперан-

скій проводитъ учрежденія выборнаго состава и вездѣ предполагаетъ раздѣленіе исполнительной и законодательной власти — думы и управы.

Подойдемъ подробнѣе къ Государственной Думѣ. Являются два вопроса: 1) о составѣ Государственной Думы и 2) о компетенціи ея. Мы видимъ, что Государственная Дума состоитъ изъ выборныхъ представителей отъ населенія, но при этомъ выборныхъ не прямымъ, а многостепеннымъ выборомъ. Такая многостепенность выборовъ представляетъ черту противорѣчащую истинно-демократическимъ принципамъ ибо съ нашей точки зрѣнія каждый избиратель долженъ прямо подавать голосъ, а здѣсь устанавливается рядъ промежуточныхъ инстанцій. Затѣмъ, въ зависимости отъ состава окружныхъ учрежденій, Дума должна явиться собраніемъ представителей не отъ всѣхъ слоевъ населенія, а только землевладѣльцевъ и государственныхъ крестьянъ. Итакъ выборы въ Думу 1) и не прямые и 2) не общіе. Правда, не былъ установленъ опредѣленный цензъ, но все-таки значительная часть населенія, не владѣющая землей, была исключена отъ участія въ политической жизни странны.

Что касается компетенціи Государственной Думы, то законодательный, а не законосовѣщательный характеръ Государственной Думы формулированъ въ одномъ параграфѣ совершенно ясно и опредѣленно: „ни одинъ законъ не можетъ получить силы, не получивъ одобренія Государственной Думы".

Въ обществѣ часто можно встрѣтить глубокоошибочный взглядъ, что законодательная палата отличается отъ законосовѣщательной только тѣмъ, что послѣдняя не можетъ принять закона безъ согласія монарха, законодательная можетъ провести законъ безъ его санкціи. Это противорѣчитъ самому факту законодательныхъ учрежденій: ни та, ни другая палата не можетъ принимать закона безъ санкціи верховной власти, даже если законъ имѣетъ за собой большинство палаты. Монархъ можетъ отвергнуть законъ, и тогда онъ снова возвращается въ палату для обсужденія. Державной власти принадлежитъ veto абсолютное, т.-е. право совершенно отвергнуть законъ, и veto отсрочивающее, которое даетъ палатѣ возможность принять его снова. Но вездѣ, гдѣ существуетъ

конституціонная монархія, законопроектъ, принятый большинствомъ палаты, идетъ на утвержденіе монарха. Различіе между законосовѣщательной и законодательной палатами заключается въ томъ, что законодательная палата можетъ отвергнуть внесенный въ нее законопроектъ, который тогда считается упраздненнымъ, и его уже не представляютъ на утвержденіе монарха. Проектъ же, отвергнутый большинствомъ въ законосовѣщательной палатѣ, все-таки вносится на разсмотрѣніе верховной власти, которая можетъ примкнуть къ меньшинству и утвердить законъ. Итакъ, компетенція Государственной Думы устанавливается выше приведенной формулой: „ни одинъ законъ“ и т. д. Затѣмъ относительно компетенціи Думы Сперанскій допускалъ одно существенное ограниченіе, стѣсняющее дѣятельность Государственной Думы. Онъ не признавалъ за Государственной Думой законодательной инициативы. Въ настоящее время, если подъ законопроектомъ подпишутся не менѣе 30 членовъ, то законопроектъ можетъ быть внесенъ на разсмотрѣніе въ Г. Думу. А по проекту Сперанскаго вносить законопроектъ могли только министры, хотя онъ дѣлалъ исключенія для нѣкоторыхъ случаевъ: 1) когда правительство не представитъ къ опредѣленному сроку бюджета; 2) когда нарушена будетъ конституція; 3) въ вопросахъ о комплектованіи армій, и только въ этихъ случаяхъ Дума получаетъ право законодательной инициативы. Затѣмъ, согласно проекту, Сперанскій сообщаетъ своей Государственной Думѣ одно очень важное политическое право—собираться ежегодно въ сентябрѣ, не дожидаясь созыва—которое предотвращаетъ возможность продолжительнаго управленія безъ палаты,—междудумья. Отмѣтимъ обстоятельство, которое ослабляло Думу. Сперанскій не устанавливаетъ опредѣленнаго срока пользованія депутатскими полномочіями. Это имѣетъ большое значеніе. Вѣдь, законодательная палата, какъ собраніе народныхъ представителей, должна выражать собою стремленія, мнѣнія, волю большинства населенія. Въ этомъ ея задача. Но съ теченіемъ времени палата можетъ перестать выражать собою настроеніе страны. Чтобы предотвратить такое слишкомъ рѣзкое расхожденіе взглядовъ представителей народа съ его настроеніемъ и вводится срокъ

депутатскихъ полномочій на 2, 3 и 5 лѣтъ. Происходятъ новые выборы и, если депутаты, которымъ народъ довѣрилъ свои интересы нѣсколько лѣтъ тому назадъ, перестали представлять ихъ, онъ выбираетъ новыхъ. Отсутствіе же опредѣленнаго срока для пользованія депутатскими полномочіями даетъ въ руки монарха возможность вліять на составъ Думы: если Дума окажется послушной его желаніямъ, монархъ можетъ очень долго не распускать ее, хотя бы и противъ желанія страны. Вотъ важное, что надлежитъ отмѣтить въ проектѣ, поскольку онъ касается компетенціи и состава Думы.

Власть судебная, по проекту Сперанскаго, ввѣряется вышеуказанному ряду выборныхъ учрежденій: Волостнымъ, Окружнымъ и Губернскимъ Судамъ, а во главѣ этихъ судебныхъ установленій стоитъ Сенатъ—высшій органъ судебной власти, который долженъ состоять изъ лицъ выборныхъ, предложенныхъ Губернскими Думами и утвержденныхъ Государственной Думой и монархомъ. Этимъ устанавливалась независимость суда отъ администраціи.

Наконецъ, у Сперанскаго высшимъ органомъ исполнительной власти являются министерства, основанныя на принципѣ единоличнаго управленія, но несущія отвѣтственность судебную передъ Сенатомъ и политическую передъ Государственной Думой. Надо всѣми этими учрежденіями: Государственной Думой, министерствами и Сенатомъ, стоитъ Государственный Совѣтъ, составляющійся изъ сановныхъ вельможъ, уже не выбираемыхъ, а назначаемыхъ коронной властью. Государственный Совѣтъ не является у него второй палатой. Въ 1809 г. Сперанскій стоялъ за однопалатную систему законодательныхъ учрежденій, которая и была осуществлена Государственной Думой, Государственный же Совѣтъ — личный совѣтъ при монархѣ, въ которомъ всѣ акты верховной воли могутъ подвергаться обсужденію, мнѣніе котораго для Государя не обязательно, а имѣетъ только совѣщательное значеніе.

Схема политическихъ учрежденій, которую проектировалъ Сперанскій въ 1809 г., съ точки зрѣнія современныхъ политическихъ идеаловъ, имѣетъ массу недостатковъ, напримѣръ, несправедливое распредѣленіе политическихъ правъ на раз-

ные слои населенія, ограниченность правъ Государственной Думы и т. д. И въ современной еще литературѣ можно встрѣтить запальчивыя нападки по адресу Сперанскаго. Но историческая оцѣнка политическихъ фактовъ предшествующей эпохи должна производиться съ точки зрѣнія того времени, къ которому они относятся, и только тогда ее можно будетъ назвать истинно научной. Поэтому надо признать, что Сперанскій въ своемъ проектѣ сдѣлалъ крупный шагъ впередъ сравнительно съ проектомъ Неофиціальнаго Комитета: онъ считалъ, что начала политической свободы могутъ быть введены въ странѣ не иначе, какъ при условіи упраздненія неограниченнаго самодержавія и замѣны его конституціонной монархіей.

Сперанскій первоначально настаивалъ, чтобы этотъ планъ, подкупавшій своею стройностью и послѣдовательностью, былъ введенъ въ дѣйствіе цѣликомъ во всѣхъ своихъ частяхъ. Александръ сначала былъ того же мнѣнія. Но когда проектъ былъ готовъ и наступилъ моментъ сдѣлать рѣшительный шагъ-осуществить его цѣликомъ,—у государя возникли сомнѣнія и колебанія, и затѣмъ взяло верхъ противоположное мнѣніе: осуществить его постепенно, начавъ съ высшихъ учрежденій. 1-го января 1810 года былъ открытъ Государственный Совѣтъ въ преобразованномъ видѣ—самое высшее учрежденіе въ проектѣ Сперанскаго. Въ 1811 году были преобразованы министерства, при чемъ, однако, личная отвѣтственность министровъ не была проведена. Далѣе предполагалось преобразованіе Сената и, наконецъ, учрежденіе Государственной Думы.

Паденіе Сперанскаго.

Но вторая часть плана Сперанскаго осуществленія уже не получила, потому что стряслась страшная катастрофа и въ личной судьбѣ Сперанскаго, и въ исторической жизни Россіи, которая встала совершенно на другой курсъ правительственной политики. Приближалась Отечественная война. И вотъ наканунѣ этого событія Сперанскій внезапно палъ, а его политическій проектъ былъ положенъ подъ сукно,—и только въ самое недавнее время извлеченъ на свѣтъ Божій, но не

для практическаго осуществленія, а для историческаго изученія. Паденіе Сперанскаго было подготовлено заранѣе. Здѣсь приходится учитывать комбинацію дворцовыхъ интригъ, которыя направлялись противъ Сперанскаго съ цѣлью удалить его. Вокругъ имени Сперанскго постепенно скоплялся громадный запасъ неудовольствій, которыя шли съ разныхъ сторонъ. Врагами Сперанскаго являлись тѣ, которые считали свои личные интересы тѣсно связанными со старымъ порядкомъ, которые предусматривали, что съ паденіемъ стараго порядка падетъ ихъ карьера; кромѣ этихъ чисто реакціонныхъ политическихъ партій, цѣлый рядъ общественныхъ круговъ заряжался ненавистью противъ него. Сперанскій сознавалъ, что необходимо подготовить кадръ новыхъ людей, чтобы учрежденія не остались только на бумагѣ, что нельзя вливать вино новое въ мѣха старые —необходимъ контингентъ лицъ для дѣйствованія въ новыхъ условіяхъ, что наличный составъ правящей бюрократіи до мозга костей проникнутъ завѣтами стараго управленія и потому они могутъ это внести съ собой и тѣмъ исказить самый духъ новыхъ учрежденій. Въ связи съ этимъ Сперанскій провелъ законъ для государственыхъ чиновниковъ, гласившій что для занятія мѣстъ надо сдать экзаменъ по опредѣленной программѣ. Онъ хотѣлъ создать просвѣщенныхъ новыхъ чиновниковъ, занявшихъ бы мѣста старыхъ, для которыхъ не требовалось раньше образовательнаго ценза. Цѣлую бурю негодованія противъ Сперанскаго вызвалъ этотъ указъ въ кругахъ бюрократіи. Эта мѣра, которая вовсе не была капризомъ Сперанскаго, создала много тысячъ непримиримыхъ враговъ. Столь же остро Сперанскій задѣваетъ другими мѣрами интересы вліятельныхъ соціальныхъ группъ того времени. Сперанскій много раздумывалъ надъ улучшеніемъ финансоваго положенія Россіи, несшей во время военныхъ приготовленій громадные расходы. Изыскивая всевозможныя средства для сокращенія расходовъ, экономя по необходимости расходы, идущіе на армію, Сперанскій обратилъ вниманіе на громадныя траты, идущія на дворъ. Указъ Сперанскаго, по которому служащіе по придворному вѣдомству не могутъ приравниваться съ общимъ положеніемъ чиновниковъ, находящихся на государст-

венной службѣ, затронуло и матеріальные интересы, и гордость, спесь придворныхъ—они считали себя во всякомъ случаѣ выше. Сперанскій подпалъ подъ ненависть придворныхъ, а это было опасно по тѣмъ рессурсамъ, которыми они могли располагать въ противовѣсъ. Наконецъ, народъ роп-талъ на возвышеніе налоговъ, приписывая Сперанскому, какъ главному совѣтнику государя, то, что слѣдовало приписать многочисленнымъ войнамъ и финансовому кризису. Въ числѣ его противниковъ были и лица, принадлежавшія къ высшимъ придворнымъ сферамъ: такъ одна изъ сестеръ государя, Екатерина Павловна, которая тогда была замужемъ за герцогомъ Ольденбурскимъ и жила въ Твери, при своемъ дворѣ, являлась центромъ реакціонной оппозиціи противъ Сперанскаго. Здѣсь большимъ авторитетомъ пользовался историкъ Карамзинъ, который въ это время составлялъ свой извѣстный политическій памфетъ: „Записка о древней и новой Россіи“, гдѣ онъ нападалъ на всѣ преобразовательныя начинанія царствованія Александра съ самаго начала и кончая преобразовательными предположеніями Сперанскаго и съ неменьшей страстностью рекомендовалъ государю чтить „незыблемость старыхъ устоевъ“: государственныхъ, національныхъ, русскихъ. И передъ всѣми этими враждебными силами Сперанскій стоялъ одиноко, вооруженный только своими дарованіями, своей любовью къ труду, своей готовностью служить родинѣ. Борьба была неравная, и Сперанскій палъ ея жертвой. На основаніи различныхъ документовъ, подложность которыхъ теперь очевидна, Сперанскій былъ обвиненъ передъ государемъ въ измѣнѣ: въ сношеніяхъ съ Наполеономъ и передачѣ ему русскихъ государственныхъ тайнъ. Клевета сдѣлала свое дѣло: Александръ рѣшилъ разстаться со Сперанскимъ. Внезапно вызванный во дворецъ, онъ узналъ отъ государя свою участь: лишеніе всѣхъ чиновъ, орденовъ, служебныхъ правъ и высылки изъ Москвы. Что императоръ не вѣрилъ въ виновность своего талантливаго помощника, мы знаемъ изъ дошедшаго до насъ воспоминанія одного изъ его современниковъ, который былъ во дворцѣ 17 марта 1812 года, когда происходила послѣдняя ауденція Сперанскаго у государя. „Ничего не было слышно,“ говорилъ онъ, „изъ-за за-

пертой двери царскаго кабинета. Затѣмъ дверь отворилась и оттуда вышелъ Сперанскій, страшно возбужденный, совершенно не владѣющій собою. Онъ невѣрными шагами подошелъ къ подзеркальнику, на которомъ лежалъ его портфель, и сталъ вмѣсто бумагъ безотчетно засовывать въ него свою треуголку. Кто-то изъ присутствующихъ побѣжалъ за стаканомъ воды. Въ это время дверь царскаго кабинета снова отворилась и на порогѣ снова появился самъ государь. Не смущаясь присутствіемъ постороннихъ, онъ въ слезахъ быстро подошелъ къ Сперанскому, пожалъ ему руку и произнесъ: „Еще разъ прощайте, Михаилъ Михайловичъ.“ Въ такой формѣ не разстаются съ завѣдомымъ предателемъ и измѣнникомъ. Мы знаемъ теперь, что говорилъ Александръ во время упомянутой ауденціи; онъ самъ сообщилъ объ этомъ въ письмѣ къ Новосильцеву, которое теперь обнародовано. Онъ пишетъ: „Я сказалъ на этой ауденціи Сперанскому: во всякое другое время я употребилъ бы по крайней мѣрѣ два года для того, чтобы провѣрить всѣ возводимыя на васъ обвиненія, а сейчасъ я сдѣлать этого не могу. Врагъ стоитъ у границы государства, вторженіе Наполеона можетъ послѣдовать со дня на день. Предстоитъ громадная народная борьба. Въ этотъ моментъ я долженъ имѣть около себя людей, пользующихся широкимъ народнымъ довѣріемъ и популярностью. Я не могу оставить васъ при себѣ для того, чтобы не ослабить силу правительства.“

Сперанскій подвергся многолѣтней опалѣ, будучи отправленъ сначала въ Нижній-Новгородъ, а черезъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Пермь. Имѣются свидѣтельства, что Сперанскому грозила участь Верещагина, почтоваго чиновника, котораго Растопчинъ передъ самымъ входомъ французовъ въ Москву, бросилъ на растерзаніе разъяренной толпѣ, обвинивъ его въ шпіонствѣ, чтобы воспламенить національное чувство москвичей. Недавно открыта переписка между Растопчинымъ и владимирскимъ губернаторомъ по поводу присылки въ Москву для „нѣкоторой надобности“ Сперанскаго. Губернаторъ отказалъ въ этомъ Растопчину, оправдываясь предписаніемъ строго наблюдать за ссыльнымъ. Въ концѣ царствованія Александра Сперанскій былъ возвращенъ изъ ссыл-

ки и игралъ видную роль, которая сохранилась за нимъ и въ началѣ царствованія Николая I, но занималъ уже не такой постъ. Силы свои онъ употреблялъ на подведеніе юридическихъ основъ стараго порядка.

Судьба преобразовательныхъ плановъ Сперанскаго.

Разсмотримъ, какъ былъ проведенъ въ жизнь проектъ Сперанскаго, т.-е. вѣрнѣе говоря, отрывки его, такъ какъ проектъ Сперанскаго былъ исполненъ только частью: 1) Государственный Совѣтъ 1810 года; 2) преобразованіе министерствъ въ 1811 года,—вотъ два отрывка, взятые изъ проекта Сперанскаго и получившіе проведеніе въ жизнь, въ значительной части измѣненные, далеко не согласованные съ предложеніями Сперанскаго. Относительно преобразованій министерствъ въ 1811 году, нужно сказать, что они сводились къ тому, что 1) съ еще большей систематичностью были разпредѣлены ихъ вѣдомства; затѣмъ 2) сравнительно съ организаціей министерствъ 1802 года—въ 1811 году были уничтожены тѣ остатки коллегіальнаго строя, которые еще тамъ оставались. Министерства 1802 года были стадіей перехода къ единоличному строю еще съ пережитками коллегіальнаго начала. Въ 1811 году власть министра была уже построена на единоличной распорядительной власти въ предѣлахъ своего вѣдомства. При каждомъ министрѣ однако былъ оставленъ совѣтъ съ совѣщательнымъ голосомъ. Но все это техническія измѣненія, никакихъ политическихъ принциповъ они не вносили. Въ новую министерскую организацію не былъ введенъ тотъ основной принципъ, который имѣлъ въ виду Сперанскій и который носилъ политическій характеръ,—не была введена отвѣтственность министра передъ народнымъ представительствомъ, потому что послѣднее не было осуществлено. Затѣмъ былъ учрежденъ Государственный Совѣтъ, онъ сохранилъ свою физіономію до 20-го столѣтія, только въ 1905 году онъ былъ преобразованъ во вторую законодательную палату. Согласно плану Сперанскаго Государственный Совѣтъ

долженъ былъ явиться не законодательнымъ, а только законосовѣщательнымъ органомъ по всѣмъ дѣламъ при особѣ самого государя. Таковъ былъ замыселъ этого учрежденія, но въ практическомъ осуществленіи все подверглось измѣненію. Такъ какъ Государственной Думы не было, то Государственный Совѣтъ получаетъ характеръ высшаго учрежденія, но опять-таки въ качествѣ законосовѣщательнаго, а не законодательнаго учрежденія, не изъ выборныхъ лицъ, а назначаемыхъ самимъ государемъ. Въ учрежденіи законовъ 1811 года было постановленіе: всякій законъ до утвержденія государемъ долженъ разсматриваться въ Государственномъ Совѣтѣ безъ права принять или отвергнуть его. Законодательное учрежденіе тѣмъ и отличается отъ законосовѣщательнаго, что можетъ отвергнуть законъ, который и не пойдетъ на разсмотрѣніе государя. Законосовѣщательное учрежденіе, т.-е. Государственный Совѣтъ можетъ только выразить свое мнѣніе. Если въ Государственномъ Совѣтѣ выяснялось мнѣніе большинства и меньшинства, то должны быть представлены оба мнѣнія, и государь могъ согласиться съ какимъ угодно мнѣніемъ. Исторія богата такими примѣрами, Таковы, напримѣръ, мѣры Александра III: пересмотръ земскаго положенія, городского положенія,—все было принято государемъ вопреки мнѣнію большинства. Но и эта обязательная норма—выслушиваніе мнѣнія Государственнаго Совѣта—на практикѣ скоро была сведена на нѣтъ. Установленъ былъ новый порядокъ, при которомъ Государственный Совѣтъ оставался въ сторонѣ. Наряду съ Государственнымъ Совѣтомъ въ царствованіе Александра I получаетъ постепенно все больше развитіе еще одно высшее государственное учрежденіе, которое возникло еще до преобразовательной дѣятельности Сперанскаго—это Комитетъ Министровъ. Въ учрежденіи 1802 года было постановлено, что каждый министръ правитъ своей отраслью, но возникалъ рядъ случаевъ, по которымъ отдѣльные министры должы были совѣщаться другъ съ другомъ, такъ какъ дѣла оказывались общими, имѣющими отношенія къ нѣсколькимъ вѣдомствамъ. Въ этихъ случаяхъ министры сообща предпринимали рѣшенія. Такъ возникъ Комитетъ Министровъ. По своей идеѣ этотъ Комитетъ получилъ характеръ исполнитель-

наго органа, но отнюдь не законодательнаго учрежденія. По идеѣ, по своему внутреннему содержанію—Комитетъ Министровъ долженъ являться орудіемъ административныхъ распоряженій. Послѣднія отличаются отъ законовъ тѣмъ, что административныя распоряженія принимаются, не будучи разсмотрѣны въ Государственнымъ Совѣтѣ, а законъ долженъ обязательно пройти черезъ Государственный Совѣтъ. Въ своихъ преобразованіяхъ 1810 года Сперанскій не предполагалъ ввести Комитетъ Министровъ, даже хотѣлъ упразднить его, но Комитетъ не только не упразднился, а все больше выдвигался на авансцену государственной жизни Россіи, заслоняя собой даже Государственный Совѣтъ. Комитетъ Министровъ представлялъ не отдѣльное учрежденіе, а особый видъ доклада государю не одного министра, а совокупности ихъ, короче говоря, Комитетъ былъ совокупнымъ докладомъ государю по дѣламъ, касающимся министерствъ. Кромѣ того на практикѣ, во второй половинѣ царствованія Александра I, сталъ устанавливаться порядокъ, при которомъ Комитетъ Министровъ сталъ разсматривать самолично цѣлый рядъ вопросовъ, носящихъ законодательный характеръ и которые должны были разсматриваться въ Государственномъ Совѣтѣ. Комитетъ Министровъ часто вносилъ государю такія предложенія, которыя носили характеръ законопроектовъ, и государь часто утверждалъ ихъ, дѣлая ихъ, такимъ образомъ, законами, совершенно пренебрегая правилами, требующими разсмотрѣнія этихъ законопроектовъ Государственнымъ Совѣтомъ. Постепенно Государственный Совѣтъ утратилъ право предварительнаго разсмотрѣнія законопроектовъ, хотя это право и не было офиціально отмѣнено. Такъ отмирала единственная попытка отдѣленія законодательства отъ исполнительной власти, благодаря узурпаціи Комитета Министровъ правъ Государственнаго Совѣта.

Вотъ къ чему свелись отрывки изъ пышнаго законодательнаго плана Сперанскаго. Остались одни осколки, которые даже и не выражали основныхъ его принциповъ. Сперанскій стремился преобразовать политическій строй государства, а все свелось къ техническимъ усовершенствованіямъ нѣкоторыхъ колесиковъ государственнаго управленія.

Значенiе Отечественной войны 12 года для общественнаго движенiя второй половины царствованiя Александра I.

Отечественная война 1812 года оставила глубокiй слѣдъ въ жизни нашего государства. Послѣ нея послѣдовали походы 12—13 годовъ, повлекшiе взятiе Парижа, низложенiе Наполеона, возстановленiе прежней династiи Бурбоновъ, чѣмъ закончилась продолжительная эпопея борьбы Англiи, Россiи и Пруссiи съ Наполеоновской Францiей.

Въ связи съ этими событiями рѣзко перемѣстились позицiи передового общества и правительства. До этого правительство являлось застрѣльщикомъ преобразованiй—общество не выступало. Теперь правительство Александра I вступаетъ на путь реакцiонный, а общество, хотя только тонкiй поверхностный строй, пленка только, какъ бы начинало обнаруживать настоятельное стремленiе къ активному участiю въ преобразованiяхъ.

Подъемъ преобразовательныхъ стремленiй въ передовыхъ кругахъ общества того времени объясняется разнообразными причинами: 1) влiянiемъ преобразовательныхъ попытокъ первыхъ лѣтъ царствованiя Александра, которыя привлекли общественное вниманiе къ политическимъ вопросамъ; 2) отечественная война была актомъ народной самодѣятельности, защитой нацiональной независимости, а это содѣйствовало подъему высокаго патрiотическаго чувства; тогдашняя военная молодежь только что прошла трiумфаторскимъ маршемъ отъ Москвы до Парижа съ армiей, освободившей на пути западные народы отъ наполеоновскаго ига. „Для того ли мы освобождали Европу отъ Наполеона, чтобы самимъ остаться безгласными слугами деспотическаго порядка?“ говорили тогда. Такiя событiя внѣшней борьбы вызывали въ логической послѣдовательности движенiе и внутри страны въ сторону политическаго освобожденiя. Наконецъ 4) самое пребыванiе въ западныхъ странахъ развернуло передъ русскими людьми конкретную картину иныхъ политическихъ отношенiй

и порядка, чѣмъ тѣ, которые господствовали въ Россіи. Они видѣли въ Парижѣ открытіе Пататы депутатовъ послѣ возстановленія на тронѣ Людовика XVIII, обязавшагося подписать конституцію.

Разсмотримъ установленія правительственной реакціи въ послѣдніе годы царствованія Александра I и бросимъ взглядъ на дѣятельность передового общества. Устанавливая реакціонный курсъ въ сферѣ внутренней политики, надо отличать нѣкоторые личные мотивы и нѣкоторыя общественныя условія. Что касается личныхъ мотивовъ, то они сводились къ тому, что сильно напряженная воля надломила душевную организацію Александра I. Во время войны были такіе моменты—занятіе Москвы, напримѣръ, когда Александръ переживалъ минуты полнѣйшаго отчаянія, онъ не вѣрилъ въ народный энтузіазмъ и, можетъ быть, благодаря этому чувствовалъ себя одинокимъ. Въ эти моменты, какъ онъ самъ свидѣтельствуетъ объ этомъ, онъ искалъ опоры, утѣшенія въ религіозномъ настроеніи. Но сказать, что имъ овладѣла религіозность, не значитъ сказать всего—вѣдь религіозныя настроенія могутъ имѣть разнообразные характеры, надо сказать какого типа была религіозность Александра I. Вѣдь сильное религіозное настроеніе можетъ направить всякаго человѣка на активную почву во имя идеала, можетъ заставить выступить на борьбу за его осуществленіе. Религіозные идеалы наиболѣе максималистичны, т. е. менѣе всего мирятся съ компромиссами. Но есть другой типъ религіознаго настроенія, рождающійся не изъ внутреннихъ порывовъ, а изъ усталости, такова была и религіозность Александра I; онъ искалъ внѣшней опоры, при помощи которой онъ могъ бы считать, что въ его поступкахъ проявляется не его воля, а какая то сила, которая можетъ успокоить его,—онъ долженъ только молиться этой силѣ. Въ молодости онъ предавался мечтамъ, желая какъ бы красотой ихъ сбросить съ себя отвѣтственность за свою дѣятельность; теперь неудачу своихъ преобразовательныхъ попытокъ онъ сваливаетъ на человѣчество, которое онъ хотѣлъ осчастливить въ мечтахъ, но которое не хочетъ быть осчастливлено его мечтами. Вотъ это и рождало въ немъ наклонность къ мистицизму, настро-

еніе, которое рождало въ немъ пріятное сознаніе, что можно чувствовать, что не самъ являешься руководителемъ своей жизненной ладьи, а что несешься по волнамъ жизни, руководимый какимъ-то кормчимъ. На этой почвѣ пассивности рождались суевѣрія въ душѣ Александра I. Теперь ему понадобился человѣкъ, который бы могъ явиться для него преданнымъ и вѣрнымъ сторожемъ, обороняющимъ его отъ докучныхъ людей, отъ досадныхъ житейскихъ впечатлѣній и заботъ, нарушающихъ покой мистическаго самоуглубленія. Нужный человѣкъ давно уже былъ на примѣтѣ: то былъ Аракчеевъ.

Объ характерѣ настроенія Александра I мы читаемъ въ одной запискѣ современника Александра I въ эпоху Вѣнскаго конгресса: „Образъ мыслей Александра и жизнь его измѣнились до такой степени, что самые близкіе изъ окружающихъ его увѣряли, что по возвращеніи его изъ Парижа съ трудомъ узнали его. Опытъ убѣдилъ его, что употребили во зло его стремленіе къ добру. Язвительная улыбка и равнодушіе явились на устахъ его. Скрытность заступила мѣсто откровенности и любовь къ уединенію сдѣлалась господствующей его чертой. Свою врожденную проницательность онъ употребляетъ къ тому, чтобы въ другихъ людяхъ открывать пороки и слабыя стороны. Всѣ перестали довѣрять его ласкамъ и словамъ, и надувательство сдѣлалось при дворѣ всеобщимъ“. Суевѣрный характеръ религіозно-мистическаго настроенія Александра I выразился и въ томъ, что онъ поддался вліянію баронессы Крюднеръ, салонной пророчицы, которая послѣ бурной жизни, въ ту пору, когда жизнь становится „житіемъ“, гипнотизировала салонное общество новыми чарами. Былъ моментъ, когда Александръ былъ захваченъ ея вліяніемъ. Ея вліяніе сказалось въ нѣкоторыхъ актахъ, отъ которыхъ вѣетъ мистицизмомъ. Въ 1815 году вышелъ манифестъ, подводящій итоги событіямъ: онъ прозвучалъ рѣзкимъ диссонансомъ съ господствующимъ настроеніемъ общества. Манифестъ говорилъ не о подвигахъ, а о смиреніи, онъ взывалъ не къ героическимъ, а къ покаяннымъ чувствамъ. „Самая великость совершенныхъ дѣлъ показываетъ, что не мы то сдѣлали, а Богъ для совершенія

своего употребилъ наши руки, далъ свою силу нашей слабости, простотѣ нашей—свою мудрость, слѣпотѣ нашей свое всевидящее око. Что изберемъ—гордость или смиреніе? Гордость наша будетъ несправедлива, смиреніе наше поправитъ наши нравы, принесетъ намъ честь и славу и покажетъ, что мы никому не страшны". Это мистическое настроеніе совпало съ реакціонно-политическимъ. Было бы ошибочно утверждать, что мистицизмъ въ своей сферѣ связанъ съ политической реакціей, но чтобы понять такое совпаденіе у Александра I нужно, во-первыхъ,—проанализировать душевное состояніе его и, во-вторыхъ,—знать общественно-политическую обстановку Россіи того времени.

Борьба съ Наполеономъ возбуждала разнообразныя политическія настроенія. Для народной массы—это была борьба съ игомъ Наполеона, борьба съ деспотичнымъ завоевателемъ—эта борьба принимала національно-освободительный характеръ въ смыслѣ освобожденія отъ деспота, грозящаго свободѣ, самодѣятельности. Но наряду съ этимъ и представители привилегированныхъ классовъ смотрѣли какъ на борьбу съ властелиномъ, выдвинутымъ Великой французской революціей. Вѣдь Наполеонъ сдѣлался властелиномъ Франціи и большей части Европы на гребнѣ революціонной волны, и его возвышеніе уязвляло тѣ дворянскіе, дворцовые круги, которые были выкормлены подъ сѣнью дворовъ; для нихъ Наполеонъ былъ узурпаторомъ, выскочкой. Для этихъ круговъ борьба съ Наполеономъ являлась борьбой во имя реставраціи, во имя возвращенія къ дореволюціонному строю. Тутъ, слѣдовательно, смѣшивалось національно-освободительное стремленіе народныхъ массъ и реставраціонныя стремленія реакціонныхъ дворянскихъ круговъ. Первые ненавидѣли въ Наполеонѣ деспота, вторые ненавидѣли въ немъ дѣтище Французской Революціи. И послѣ сверженія Наполеона, по окончаніи Вѣнскаго конгресса, установилась борьба между правительствомъ реставраціонно-династическимъ, одушевленнымъ стремленіями вернуться къ старинѣ, и народной массой. Во главѣ реакціонно-реставраціонной политики становится, какъ вождь направляющій, австрійскій министръ Меттернихъ. Александръ попалъ въ эту атмосферу. Эти ре-

акціонно-политическія стремленія по времени совпали съ ростомъ мистическаго настроенія въ душѣ Александра и соединились въ одинъ общій клубокъ. По окончаніи борьбы, когда Наполеонъ лежалъ разбитый у ногъ коалиціи, Александръ написалъ проектъ, устанавливающій Священный союзъ государей всей Европы. Это опять со стороны Александра одна изъ политическихъ грезъ. Онъ ограничился опять тѣмъ, что неопредѣленными штрихами набросалъ что-то, предоставивъ другимъ вложить въ нихъ содержаніе. Онъ набросалъ передъ своими очами картину Европы — какъ общей одной семьи, т. е. рѣшилъ построить политическую жизнь Европы на началахъ заповѣдей Спасителя, водворенія божественной правды, положить въ основу международныхъ отношеній евангельскіе принципы. Этотъ проектъ состоялъ изъ трехъ параграфовъ, которые гласили: „Союзники обязуются: 1) пребывать соединенными неразрывными узами браткой дружбы, оказывать другъ другу помощь и содѣйствіе, управлять подданными въ духѣ братства для охраненія правды, вѣры, мира; 2) почитать себя членами единаго христіанскаго народа, поставленнаго для управленія тремя отраслями одной и той же семьи (первоначально предполагалось образовать Союзъ трехъ монарховъ—австрійскаго, прусскаго и русскаго); 3) пригласить всѣ державы къ признанію этихъ правилъ и къ вступленію въ этотъ союзъ“. Проектъ былъ разосланъ на разсмотрѣніе европейскимъ правительствамъ и сначала вызвалъ во всѣхъ единодушное недоумѣніе. Но главный вершитель международныхъ отношеній, австрійскій министръ Меттернихъ, опора общеевропейской реакціи, прочитавъ этотъ планъ, своимъ опытнымъ чутьемъ оцѣнилъ его огромное значеніе для усиленія реакціи. Самая безсодержательность его формъ являлась очень удобной для Меттерниха, такъ какъ давала возможность наполнить ихъ своимъ содержаніемъ. Но главное, что въ этомъ проектѣ Меттернихъ отчетливо оцѣнилъ, это—взглядъ на государей какъ на лучшихъ и единственныхъ проводниковъ на землѣ одряхлѣвшаго жизненнаго строя: Союзъ монарховъ противъ союза народа. И Меттернихъ сдѣлался главнымъ пропагандистомъ идей вскорѣ образовавшагося Священнаго Союза. Во главѣ

его формально сталъ иниціаторъ — Александръ I, фактическимъ же руководителемъ и вдохновителемъ его былъ Меттернихъ. Общественныя броженія всякаго рода были объявлены проявленіемъ духа нечестія, который члены Священнаго Союза были призваны всячески подавлять. Государи, вошедшіе въ составъ Священнаго Союза, стали смотрѣть на себя какъ на коллегію, призванную совмѣстно охранять въ Европѣ незыблемость существующаго порядка противъ всякихъ посягательствъ. Періодически съѣзжаясь на обще-европейскіе конгрессы, они совмѣстно рѣшали направленіе дѣлъ во всѣхъ государствахъ Европы. Если въ какомъ-либо уголкѣ Европы вспыхивало народное волненіе, они устраивали экзекуцію, т. е. вторженіе въ возмутившуюся страну съ цѣлью подавленія возстаній, которыя тогда были нерѣдки, потому что Вѣнскій конгрессъ, перекроившій заново политическую карту Европы, преслѣдовалъ, главнымъ образомъ, начала легитимизма, т. е. возстановленія на престолахъ исконныхъ династій страны, царствовавшихъ до Наполеона. Такъ въ Испаніи и въ Италіи снова появились Бурбоны, династія, извѣстная реакціонной политикой, насильственно подавлявшей живой ростъ народной жизни. Александръ проводилъ Меттерниховское истолкованіе создананаго имъ Священнаго Союза даже тогда, когда Греція возстала противъ турецкаго правительства, угнетавшаго подданныхъ-христіанъ. Явленіе было очень сложное: съ одной стороны — возстаніе подданныхъ грековъ противъ законнаго государя — турецкаго султана, съ другой — возстаніе христіанъ противъ магометанъ, которые ихъ угнетали. И члены Священнаго Союза, какъ и Александръ, увидѣли въ возстаніи грековъ только одно: неповиновеніе подданныхъ своему законному государю.

Нельзя было одной рукой подавлять всякое проявленіе свободолюбія въ Западной Европѣ, а другой — у себя, въ Россіи, насаждать конституціонный строй—и это быстро дало результатъ: теперь въ области внутренней политики Александръ измѣняетъ своему предшествующему направленію, совершенно отказываясь отъ преобразительныхъ начинаній. Это, конечно, совершилось не сразу: и послѣ Отечественной

войны временами вниманіе Александра привлекали къ себѣ тѣ же преобразовательныя стремленія, которымъ онъ отдавался и въ первую половину своего царствованія.

Польская конституція.

Когда изъ герцогства Варшавскаго было образовано и присоединено къ Россіи Царство Польское, Александръ даровалъ ему конституцію. Правда, она не представляла собой послѣдовательнаго развитія началъ народовластія, такъ какъ корона получала значительныя прерогативы, но все же ею создавалось народное представительство, облеченное законодательными полномочіями. Открывая первый Варшавскій Сеймъ, Александръ произнесъ знаменитую рѣчь, которая обратила на себя вниманіе Россіи. Особенное дѣйствіе въ ней производили слѣдующія слова: „Образованіе, существовавшее въ Вашемъ краю, дозволило мнѣ ввести немедленно то устройство, которое я Вамъ даровалъ, руководствуясь правилами законосвободныхъ учрежденій, бывшихъ непрестанно предметомъ моихъ помышленій и которыхъ спасительное вліяніе надѣюсь я, при помощи Божіей, распространить и на всѣ страны Провидѣніемъ попеченію моему ввѣренныя. Такимъ образомъ, вы мнѣ подали средство явить моему отечеству то, что я уже съ давнихъ лѣтъ ему пріуготовляю, и чѣмъ оно воспользуется, когда начала столь важнаго дѣла достигнутъ надлежащей зрѣлости“. Это было прямымъ офиціальнымъ обѣщаніемъ осуществить конституціонную реформу и для Россіи.

Конституціонный проектъ Новосильцева.

Новосильцеву, дѣйствительно, было вскорѣ поручено выработать проектъ конституціи, который въ настоящее время напечатанъ въ приложеніи къ 4-му тому извѣстнаго сочиненія Шильдера: „Исторія Александра I“. Нѣкоторыя черты проекта Новосильцева очень любопытны, напр. онъ послѣдовательно проводитъ начала федерализма, какъ основаніе государственнаго строя будущей Россіи, и раздѣляетъ ее на

нѣсколько провинцій, каждой сообщая извѣстную политическую автономію. Въ каждой провинціи долженъ засѣдать Провинціальный Сеймъ, который самостоятельно рѣшаетъ цѣлый рядъ дѣлъ, относящихся къ данной провинціи. Во главѣ стоитъ Обще-государственный Сеймъ, который не пользуется правами законодательными, какъ нижняя палата, а надъ нею ставится верхняя палата—Сенатъ. Слѣдовательно, Новосильцевъ былъ сторонникомъ двухпалатной системы въ отличіе отъ предшествовавшихъ проектовъ конституціи въ царствованіе Александра I, и стоялъ за федеративное устройство государства съ широкой политической самостоятельностью провинцій. Кромѣ того, Новосильцевъ во всѣхъ сеймахъ, какъ провинціальныхъ, такъ и общегосударственномъ, устраняетъ выборное начало. И тѣ и другой состоятъ не изъ депутатовъ, избранныхъ прямой подачей голосовъ, а изъ представителей, назначаемыхъ правительствомъ изъ большого числа кандидатовъ, избранныхъ населеніемъ. Этотъ порядокъ нельзя назвать выборами, а скорѣе системой назначенія, которая примѣнялась въ наполеоновской Франціи, откуда, вѣроятно, и была заимствована авторомъ проекта. Предоставленіе большей политической самостоятельности отдѣльнымъ провинціямъ и гражданской свободы отдѣльнымъ гражданамъ съ одной стороны и сильное преобладаніе центральнаго правительства—съ другой, отличаютъ собою этотъ Новосильцевскій проектъ, который все-таки можно назвать конституціоннымъ, т. к. онъ формально ограничивалъ сомодержавную власть монарха. Таковы были рѣдкіе отголоски старыхъ преобразовательныхъ плановъ. Однако они совершенно уже не отражались на фактическомъ теченіи правительственной политики.

Бунтъ въ Семеновскомъ полку и его причины.

Отъ преобразовательныхъ намѣреній во внутренней политикѣ Александръ окончательно отказался послѣ бунта въ Семеновскомъ полку, который произвелъ большую сенсацію среди правительства. Онъ явился однимъ изъ естественныхъ

послѣдствій тѣхъ ужасныхъ условій, въ которыхъ протекала жизнь русскаго солдата. Начиная съ Павла и вплоть до Александра II, русскіе императоры обнаруживали большую склонность къ тому, что называется „парадоманіей". Каждый день происходили высочайшіе смотры, военные разводы, ученія и т. д., при чемъ особенное вниманіе обращалось на разные пріемы, которые ничего общаго не имѣли съ дѣйствительными задачами военнаго дѣла, что стало очевиднымъ для военныхъ въ особенности послѣ Отечественной войны. Чтобы охарактеризовать настроеніе тогдашнихъ военныхъ, возьмемъ письменное свидѣтельство старыхъ генераловъ того времени, которые вовсе не были расположены заниматься критикой правительства, а напротивъ, были всей душой преданы старому порядку и строгой дисциплинѣ, напр. письмо генерала Сабанѣева къ генералу Киселеву отъ 7-го декабря 1820 года о настроеніи въ южной арміи: „Нигдѣ не слышно другого звука, кромѣ ружейныхъ пріемомъ и командныхъ словъ. Нигдѣ не слышно другого разговора, кромѣ пріемныхъ и вообще солдатскихъ выраженій. Бывало въ лагерѣ по вечерамъ пѣсни, веселье, теперь ничего не услышишь. Чему же обучаютъ? Стойкѣ, учебному шагу. Не совѣстно ли старикамъ, которыхъ ноги исходили десятки тысячъ верстъ, которыхъ тѣло покрыто ранами, учиться съ молодыми рекрутами"? А вотъ отрывокъ изъ другого письма отъ 11 декабря 1820 года. „На смотрахъ государь видитъ одну наружность и всѣ прочіе думаютъ только о ней. У всякаго въ головѣ смотры, учебные шаги, хорошая стойка, быстрый взглядъ, вытянутый носокъ. Всѣ сіи ничтожные для истинной цѣли военной службы предметы настолько всѣхъ заняли, что нѣтъ минуты заниматься полезными предметами". Насколько много вниманія обращалось на эти мелочи, можно видѣть изъ приказа Александра въ 1820 г., чтобы во всѣхъ арміяхъ дѣлали шаговъ въ аршинъ по 70 въ минуту тихимъ шагомъ и по 125 скорымъ шагомъ. Въ 1811 г. количество шаговъ въ минуту опредѣлялось въ 110, а въ 1821 г. должны были дѣлать скорымъ шагомъ не менѣе 105 и не болѣе 110 шаговъ въ минуту. Но еще больше тяготило солдатъ тогдашняя неудобная форма: узкій мундиръ,

узкія панталоны, краги, киверъ, который нельзя было плотно надѣвать, онъ держался на макушкѣ чешуйчатымъ ремнемъ подъ подбородкомъ, мѣшая свободнымъ движеніямъ шеи, къ этому прибавлялся надѣтый на плечи ранецъ, который туго притягивался ремнями. Былъ введенъ шагъ прусскаго образца: высоко поднятая нога, во время воинскаго шага, должна была имѣть характеръ прямого угла. Въ нѣкоторыхъ частяхъ, чтобы научить солдатъ ровной размѣренной поступи, на кивера ставились стаканы, наполненные до верху водой, и ихъ заставляли маршировать такъ, чтобы не расплескать воду. Чтобы фронтъ представлялъ собою наружную красоту (красотой тогда называлось единообразіе), молодыхъ рекрутовъ гриммировали и налѣпляли имъ искусственные усы, чтобы они не портили общей картины фронта. При всемъ томъ всякая погрѣшность наказывалась очень сурово; тѣлесныя наказанія свирѣпствовали въ ужасающихъ размѣрахъ. Не говоря уже о наказаніи шпицрутенами, которое представляло собою замаскированную смертную казнь, но даже наказанія палками въ 1000 ударовъ, были обычными. Прибавимъ къ этому очень низкаго качества обмундировку и пищу солдатъ, благодаря хищеніямъ въ интендантствѣ, которыя уже тогда достигали большихъ размѣровъ. Такимъ образомъ, общія условія солдатской службы были очень тяжелы, и ропотъ недовольства не составлялъ явленія исключительнаго.

Но въ Семеновскомъ полку, кромѣ вышеуказанныхъ, были нѣкоторыя мѣстныя условія: въ немъ послѣ похода 12—14 годовъ за границу собралось очень просвѣщенное молодое офицерство, принадлежавшее къ тѣмъ слоямъ гвардейской молодежи, изъ которыхъ вышли будущіе декабристы. Эти офицеры сознавали тяжелое положеніе солдатской службы того времени и старались ихъ фактически смягчить, борясь съ примѣненіемъ тѣлесныхъ наказаній въ полку. Полковникомъ былъ Потемкинъ, симпатизировавшій этому, и, дѣйствительно, въ Семеновскомъ полку было совершенно уничтожено тѣлесное наказаніе. Кромѣ того, офицеры заботились о просвѣщеніи солдатъ, заводили доступныя имъ библіотеки. Но старымъ служакамъ и военному начальству, во главѣ кото-

раго въ это время уже стоялъ Аракчеевъ, это не нравилось. Потемкинъ былъ смѣщенъ, а на его мѣсто былъ назначенъ человѣкъ невѣжественный и очень жестокій, полковникъ Шварцъ. Вмѣстѣ съ нимъ не только появилось снова тѣлесное наказаніе, но и всѣ прежніе пріемы военной службы. Наказаніе принимало у него всегда характеръ издѣвательства и истязанія, что особенно вооружало противъ него всѣхъ подчиненныхъ, привыкшихъ къ облегченному режиму при Потемкинѣ. Протестъ противъ образа дѣйствій Шварца выразился въ подачѣ жалобы на него начальству одною изъ ротъ Семеновскаго полка. Въ этомъ фактѣ не заключалось ничего, нарушающаго военную дисциплину, такъ какъ подача жалобы на своего начальника предусматривалась даже воинскимъ уставомъ. Но на уставъ не обратили вниманія, а самый фактъ подачи жалобы причли къ нарушенію военной дисциплины. Роту, подавшую жалобу, арестовали и отправили въ крѣпость. Другія роты заволновались. Для устрашенія ихъ вывели на плацъ и объявили, что тѣ, кто присоединяется къ мнѣнію роты, подавшей жалобу, могутъ отправиться къ своимъ арестованнымъ товарищамъ. Тогда всѣ роты повернулись съ плаца къ крѣпости, и это обстоятельство было названо бунтомъ Семеновскаго полка. Объ этомъ Александру, который находился тогда въ Троппау, на одномъ изъ обще-европейскихъ конгрессовъ, была послана эстафета, а затѣмъ былъ отправленъ къ нему съ письменнымъ донесеніемъ о случившемся молодой адъютантъ Чаадаевъ, впослѣдствіи пріобрѣвшій большую извѣстность. Чаадаевъ задержался въ пути. Александръ узналъ о бунтѣ раньше въ преувеличенномъ видѣ отъ Меттерниха, хотя послѣдній въ своихъ запискахъ ясно говоритъ, что о Семеновской исторіи ему разсказалъ самъ Александръ. Какъ бы то ни было, но государь отнесся къ бунту съ перваго же момента какъ къ важному проявленію внутренней крамолы. Ему показалось, что это дѣло не солдатъ, а результатъ вліянія неблагонамѣренныхъ людей, и онъ рѣшилъ и на Россію распространить тотъ полицейскій режимъ, который примѣнялся въ это время въ Европѣ, руководимой Меттернихомъ. Семеновскій полкъ былъ раскассированъ: солдаты отправлены на отдаленныя окраины, а полкъ

снова былъ набранъ изъ новыхъ людей. Это событіе вызвало окончательный поворотъ во всей дальнѣйшей внутренней политикѣ.

Аракчеевъ и военныя поселенія.

Въ это-то время начинаетъ упрочиваться руководящее положеніе Аракчеева, давшаго свое имя всему правительственному режиму той эпохи: онъ сводился, съ одной стороны, къ разнымъ полицейскимъ репрессіямъ по отношенію къ проявленію общественной самодѣятельности, а съ другой— къ цѣлому ряду канцелярскихъ плановъ правительства, которые самымъ рѣзкимъ образомъ нарушали обычный ходъ жизненныхъ отношеній.

Возьмемъ нѣсколько яркихъ образчиковъ этого направленія правительственной политики, касавшихся разнообразныхъ сторонъ тогдашней жизни. Наиболѣе яркимъ изъ нихъ является устройство военныхъ поселеній, съ особенной настойчивостью проводившееся Аракчеевымъ.

Мысль поставить часть арміи на новыхъ началахъ въ формѣ военныхъ поселеній пришла въ голову впервые самому Александру, хотя и до сихъ поръ не выяснена подъ какимъ вліяніемъ. Военныя поселенія заключались въ томъ, что извѣстный округъ государственныхъ земель, населенный казенными крестьянами, объявлялся военно-поселеннымъ, т.-е. крестьяне становились солдатами, жили въ особо устроенныхъ военнымъ вѣдомствомъ домахъ, занимались по прежнему полевыми работами, не отлучаясь отъ своей семьи. Одна деревня составляла роту, надъ которой ставилось военное начальство. Первый опытъ былъ сдѣланъ еще въ 1812 году, въ Могилевской губерніи, но ему помѣшала вскорѣ начавшаяся Отечественная война. Въ 1816 году Александръ снова возвращается къ этой идеѣ и въ Высоцкой волости Новгородскаго уѣзда окончательно организуется первое военное поселеніе, а затѣмъ они устраиваются по всей Россіи и къ концу царствованія Александра I существуютъ въ слѣдующихъ губерніяхъ: Новогородской, Могилевской, Слободско-Украинской (нынѣшняя Харьковская), Херсонской, Екатери-

нославской и Петербургской. Въ военныхъ поселеніяхъ насчитывалось 748,519 душъ крестьянъ. Сами крестьяне, обращенные въ военныхъ поселенцевъ, страшно тяготились своимъ новымъ положеніемъ: село, изба съ семьей превращались въ казарму со всѣми ея специфическими особенностями. Жизнь такой деревни должна была итти по сигналу: распорядокъ всей деревенской домашней жизни—семейныя занятія, обѣдъ, сонъ—все это дѣлалось по расписанію.

Въ дневникѣ одного офицера, служившаго въ военномъ поселкѣ, мы читаемъ: „Съ трехъ часовъ утра начинается ученіе и продолжается до 12-ти часовъ дня; потомъ часъ дается на одѣваніе людей къ разводу и одинъ часъ на самый разводъ; затѣмъ два часа для обѣда и роздыха; съ 4-хъ часовъ опять начиналось ученіе и продолжалось до 9-ти вечера, съ тѣмъ, чтобы въ три часа утра снова возобновиться“. Конечно, во время сельской страды это расписаніе нѣсколько измѣнялось, но все-таки ученья не прекращались. Браки между военно-поселенными совершались исключительно по усмотрѣнію военнаго начальства. Выстроивъ въ двѣ шеренги парней и молодыхъ дѣвушекъ, полковникъ „расписывалъ“ невѣстъ по ихъ женихамъ, не обращая никакого вниманія на ихъ внутреннее взаимное влеченіе. Эта система, придуманная Александромъ съ цѣлью облегчить солдатскую службу, представляла собою грубое вторженіе власти въ интимную жизнь крестьянъ. Поэтому бывали случаи, когда крестьяне рѣзко сопротивлялись введенію у нихъ военныхъ поселеній. Нѣкоторые убѣгали въ лѣса и болота и погибали отъ голода, спасаясь отъ военнаго режима Аракчеева. Александру подавались просьбы „спасти крещеный народъ отъ Аракчеева“. Среди военно поселенныхъ постоянно вспыхивали волненія то здѣсь то тамъ. Извѣстенъ бунтъ въ Новгородской области, который пришлось подавлять войсками съ большимъ усиліемъ и жестокостью. На докладъ о событіяхъ бунта государь сказалъ буквально слѣдующее: „Военныя поселенія будутъ существовать, хотя бы мнѣ пришлось для этого уложить человѣческими трупами всю дорогу отъ Петербурга до Новгорода“.

Въ данномъ случаѣ вину за военныя поселенія надо от-

нести исключительно на счетъ самого Александра. Аракчеевъ съ одной стороны проводилъ, не дрогнувъ, идеи своего государя, съ другой же—составилъ либеральный проектъ освобожденія крестьянъ только потому, что Александръ приказалъ ему это. Онъ былъ бездушной машиной, которая дѣлала все, что внушала ей руководящая рука. Это устанавливаетъ болѣе правильную оцѣнку въ сужденіяхъ о роли Аракчеева, котораго винили въ этомъ александровскомъ предпріятіи.

Аракчеевскій режимъ не ограничивался только низшимъ слоемъ населенія, онъ задѣвалъ всѣ элементы общества, употребляя одни и тѣ же пріемы въ самыхъ разнообразныхъ проявленіяхъ жизни.

Магницкій и его дѣятельность.

Если мы отъ быта военныхъ поселеній перейдемъ къ жизни интеллигентныхъ слоевъ общества, напримѣръ, къ быту высшихъ учебныхъ заведеній Россіи того времени, то мы встрѣчаемъ и здѣсь много сходнаго съ общими пріемами правительственной политики. Аракчеевъ и вся подвластная ему администрація пользовалась мистическими наклонностями государя, чтобы сдѣлать изъ нихъ орудіе реакціонной политики: была объявлена война свѣтскому знанію и образованію, начался правительственный походъ противъ самостоятельнаго существованія высшихъ учебныхъ заведеній. Это выразилось прежде всего въ репрессивныхъ мѣрахъ по отношенію къ извѣстнымъ профессорамъ Петербургскаго университета: философу Галичу, статистику Арсеньеву, Шварцу и другимъ, которые были заподозрѣны въ политической неблагонадежности и преданы суду. Процессъ тянулся въ теченіе всей второй половины царствованія Александра, и только Николай I, вскорѣ по воцареніи, прекратилъ его. Яркимъ представителемъ этого реакціоннаго піетическаго похода на высшее свѣтское образованіе явился Магницкій, попечитель Казанскаго учебнаго округа. При чтеніи различныхъ циркуляровъ, распоряженій, изданныхъ Магницкимъ, его писемъ, возникаетъ передъ нами образъ фанатика, вродѣ средневѣ-

коваго Саванароллы, отвергающаго все свѣтское знаніе во имя своего аскетическаго фанатизма. Но на повѣрку оказывается, что въ личной жизни онъ являлся большимъ эпикурейцемъ. Имѣется очень выразительная характеристика Магницкаго, данная ему дочерью Сперанскаго: „Магницкій", пишетъ она, „въ нашей гостиной настоящій Протей: за шуткой у него идетъ арлекинада, за арлекинадой — буффонада, все смѣется тамъ, гдѣ онъ забавляетъ общество. Этотъ шалунъ и острякъ пользуется неотразимымъ успѣхомъ у дамъ". А въ то же самое время съ именемъ Спасителя на устахъ онъ объявилъ походъ противъ свѣтскаго образованія во имя истиннаго правовѣрія.

Магницкій началъ свою карьеру при Сперанскомъ, но когда тотъ вскорѣ палъ, онъ усваиваетъ вѣяніе новаго времени и идетъ ему навстрѣчу. Вскорѣ онъ былъ губернаторомъ въ Симбирскѣ. Тамъ онъ въ первое время началъ усиленную борьбу противъ помѣщиковъ за жестокое обращеніе съ крестьянами, думая этимъ обратить на себя вниманіе государя, о гуманныхъ идеяхъ котораго въ это время было всѣмъ извѣстно. Но борьбу съ рабовладѣніемъ онъ скоро промѣнялъ на борьбу съ просвѣщеніемъ. Одинъ уѣздный лѣкарь въ Симбирскѣ, Владимирскій, отважился выступить въ качествѣ кандидата на профессорскую кафедру въ Казанскомъ университетѣ. Факультетъ отказалъ ему, такъ какъ онъ не имѣлъ за собою научныхъ заслугъ. Это наполнило душу Владимирскаго злобой. Онъ представилъ Магницкому докладную записку, въ которой назвалъ Казанскій университетъ центромъ политической крамолы и нечестія. Магницкій воспользовался этимъ, чтобы создать служебную карьеру. Онъ подалъ въ главное управленіе по дѣламъ училищъ проектъ о повсемѣстномъ истребленіи зловредныхъ книгъ. И Магницкій былъ замѣченъ: сначала назначенъ членомъ главнаго управленія по дѣламъ училищъ, а затѣмъ получилъ порученіе обревизовать Казанскій университетъ. Ревизія была очень стремительная и положила начало дальнѣйшей его дѣятельности на поприщѣ народнаго просвѣщенія. Въ какую нибудь недѣлю онъ ее закончилъ отчетомъ представлявшемъ собою сокрушительный актъ противъ этого раз-

садника крамолы (такъ какъ въ числѣ почетныхъ членовъ, выбранныхъ Казанскимъ университетомъ въ 19 вѣкѣ былъ французскій аббатъ, замѣшанный во Французской Революціи); въ которомъ предлагалъ наказать университетъ „публичнымъ стѣнъ онаго разрушеніемъ". Главное управленіе рѣшило назначить Магницкаго попечителемъ его.

Режимъ Казанскаго университета при Магницкомъ несомнѣнно имѣлъ своею цѣлью опозорить университетъ, превративъ его въ какое-то уродливое монастырское общежитіе. Каждая бумага, исходившая изъ университетской канцеляріи, даже если она касалась такихъ вопросовъ, какъ отпускъ дровъ или устройство прачешной при университетѣ, непремѣнно начиналась фразой: „Во имя святой, животворящей, единой и нераздѣльной Троицы". Передъ каждой лекціей студенты совершали молитву. Студента, нарушившаго университетскія правила, выработанныя Магницкимъ, объявляли грѣшникомъ, одѣвали въ крестьянскій армякъ, лапти и сажали въ карцеръ, гдѣ висѣло распятіе и картина страшнаго суда. А въ это время всѣ другіе студенты вмѣстѣ съ профессорами ежедневно собирались на молитву о спасеніи его души. Когда грѣшника выпускали изъ карцера, священникъ исповѣдывалъ его, при чемъ студентъ долженъ былъ на картинѣ страшнаго суда карандашомъ обозначить мѣсто, которое ему было уготовано на судѣ, если бы молитвы товарищей не спасли его отъ этого.

Самое преподаваніе при Магницкомъ получило характеръ грубаго издѣвательства надъ наукой. Каждый профессоръ долженъ былъ прежде всего убѣждать своихъ слушателей въ полной бездоказательности и ненужности той науки, которую онъ собирается преподавать. Науки, согласно уставу Магницкаго, дѣлились на положительныя и мечтательныя. Къ первымъ относилось богословіе, ко вторымъ—всѣ остальныя. Надъ медицинской кафедрой крупными буквами была сооружена надпись: „Врачу, исцѣлися самъ". Надъ кафедрой философіи стояла надпись изъ апостола Павла: „Блюдитеся, да никто-же васъ будетъ прельщая философіею". Даже профессоръ математики долженъ былъ объяснять теоремы и математическія формулы съ религіозной точки зрѣнія. Вотъ от-

рывки изъ учебнаго плана, составленнаго Магницкимъ: основаніемъ философіи должны служить посланія апостола Павла, а отъ Гоббса и Маккіавели надо отворачиваться съ отвращеніемъ; при изложеніи всеобщей исторіи должны руководиться рѣчами Боссюэта; русская исторія являетъ собою примѣръ превосходства надъ другими странами въ отношеніи къ цѣлесообразной постановкѣ просвѣщенія по духовному завѣщанію Владимира Мономаха; профессоръ физики обязанъ былъ говорить объ ограниченности нашихъ органовъ чувствъ для познанія естественныхъ наукъ; въ лекціяхъ по словесности на первомъ планѣ должна стоять библія, какъ литературный образецъ и нѣкоторые отрывки изъ Ломоносова, Державина и Хераскова; профессоръ математики долженъ учить, что въ математикѣ содержится пособіе къ познанію священныхъ истинъ христіанской вѣры, напримѣръ: какъ числа безъ единицы быть не можетъ, такъ и народъ безъ единаго владыки не можетъ существовать; въ геометріи нужно было учить, что треугольникъ служитъ основаніемъ геометрическихъ изслѣдованій такъ же, какъ и святая церковь, издревле употреблявшая треугольникъ, какъ одинъ изъ своихъ символовъ. „Воззримъ на гипотенузу“, долженъ былъ восклицать профессоръ геометріи, „яко сіе есть символъ единенія земного съ небеснымъ“. Профессоръ политической экономіи говорилъ, что не нужно заботиться о томъ, что ѣсть и во что одѣваться, слѣдуя завѣтамъ Христа: „не собирайте сокровищъ на землѣ“. Профессоръ анатоміи въ началѣ курса говорилъ, что полезно изучать средства облегченія болѣзней, но при этомъ спѣшилъ прибавить, что препарированіе труповъ является торжественнымъ издѣвательствомъ надъ прахомъ умершаго. Каждый актъ въ университетѣ кончался молитвой и воздаяніемъ хвалы Магницкому, котораго называли „мужемъ великихъ силъ, ниспосланнымъ Богомъ для истребленія русскаго нечестія“.

Эта характеристика правительственной политики во вторую половину царствованія Александра I въ достаточной мѣрѣ показала, чего передовые элементы общества, желавшіе возрожденія Россіи должны были ожидать, надѣясь на реформы сверху.

Тайныя общества.

Реакція Александра I являлась одной изъ разновидностей общеевропейской реакціонной политики, средоточіемъ которой былъ Священный Союзъ. Совершенно такъ же, однимъ изъ звеньевъ общеевропейскаго движенія было общественно-освободительное движеніе въ кругу молодого русскаго офицерства. Неправильно было бы разсматривать его изолированно отъ общеевропейскаго движенія, которое охватило всѣ страны и отразилось на русской обстановкѣ, приведя къ образованію тайныхъ обществъ и неудавшейся попыткѣ вооруженнаго возстанія 14 декабря. Это не мѣстное явленіе, это русское отображеніе общественнаго европейскаго процесса. У насъ есть опредѣленныя документальныя данныя того, что идейные толчки получались отъ соотвѣтствующаго движенія на Западѣ. Чтобы оно могло отродиться нужна была благопріятная почва. Такая почва явилась—рѣзкое сопоставленіе тѣхъ условій жизни у насъ съ тѣми картинами, которыя развернулись передъ офицерствомъ въ Западной Европѣ. Тамъ они присутствовали при такихъ жизненныхъ фактахъ, которые укрѣпились подъ вліяніемъ пережитыхъ переворотовъ, которые были не похожи на факты нашей жизни—они присутствовали при формахъ свободнаго конституціоннаго режима. Они познакомились съ разными явленіями политической публицистики, которыя раскрыли передъ ними новый политическій міръ, такъ далеко отстоящій отъ Россіи. Наблюденія надъ элементами политической свободы, которые входили въ составъ политической жизни Западной Европы, сказались въ томъ, что молодое офицерство пришло къ убѣжденію о необходимости установить у себя нормальный правомѣрный порядокъ. Но, кромѣ отвлеченныхъ убѣжденій, въ томъ же направленіи дѣйствовало въ ихъ душѣ живое патріотическое чувство, національное самоуваженіе, которое получилось въ результатѣ участія въ грандіозномъ событіи. Отечественная война въ этомъ отношеніи повлекла за собой подъемъ самоуваженія въ передовыхъ слояхъ русскаго общества. Офицерство

чувствовало, что оно является освободителемъ Европы отъ власти тирана—такъ и встрѣчали ихъ въ тѣхъ странахъ Западной Европы, черезъ которыя они проходили, и въ самомъ Парижѣ; чувствуя себя тамъ героями, они не могли согласиться стать на родинѣ въ положеніе безгласныхъ рабовъ. Первыя впечатлѣнія, которыя нахлынули на нихъ на родинѣ, по возвращеніи изъ походовъ больно ударили ихъ по нервамъ. Грустныя явленія русской жизни заставили ихъ думать относительно тѣхъ средствъ, которыя содѣйствовали бы политическому возрожденію. Но побужденіе—одно, а облечь его въ конкретныя формы — другое. Недостаточно безотчетныхъ порывовъ, чтобы быть настоящими политическими дѣятелями; нужны извѣстные политическіе образцы, безъ которыхъ безотчетные порывы къ политической дѣятельности будутъ только упражненіями, не приводящими къ практическимъ результатамъ. Откуда офицеры получали непосредственныя указанія относительно того, какъ они могли оформить, во имя чего можно бороться съ русской отсталостью, съ восторжествовавшей русской реакціей? Разбираясь въ этомъ вопросѣ, остановимся на одномъ явленіи: подъ вліяніемъ реакціи офицерство скоро было загнано въ подполье. Сначала они хотѣли дѣйствовать открыто, надѣялись, что Александръ I не забылъ еще преобразовательныхъ теченій первой половины своего царствованія, мечтали дѣйствовать съ нимъ рука объ руку, но Аракчеевщина показывала всю иллюзію ихъ надеждъ.

Рѣзкій разрывъ настроенія правительства и общества повелъ къ тому, что дѣятельность либеральныхъ общественныхъ круговъ стала развиваться въ формѣ тайныхъ политическихъ организацій. Перейдемъ къ характеристикѣ ихъ устройства, цѣлей и дѣятельности. При изученіи исторіи тайныхъ обществъ мы наблюдаемъ одну черту — быструю смѣну одного общества другимъ. Такъ въ 1816 году образуется первое тайное общество среди гвардейской петербургской молодежи подъ названіемъ: „Союзъ Спасенія“, организованное по мысли Пестеля. „Союзъ“ просуществовалъ около года, былъ распущенъ и замѣнился другимъ тайнымъ обществомъ—„Союзомъ Благоденствія“, который, послѣ существо-

ванія въ теченіе 4-хъ лѣтъ, былъ ликвидированъ самими членами, а на мѣсто его были вскорѣ образованы два общества: „Сѣверное“ и „Южное“. Приписать причину такого явленія случайнымъ личнымъ счетамъ невозможно, такъ какъ одни и тѣ же лица или одна и та же среда гвардейскаго офицерства участвовала во всѣхъ этихъ организаціяхъ; предполагать же внѣшнее административное давленіе будетъ односторонне уже потому, что долгое время правительственныя репрессіи не касались ихъ. Причины этого очевидно заключались въ томъ, что въ смѣнѣ тайныхъ обществъ сказывалась борьба разнородныхъ вліяній, идейныхъ теченій которыя развертывались передъ ними въ Западной Европѣ, они чувствовали надъ головой разнообразное вѣяніе, переходили то на сторону одной политической идеи, то склонялись въ сторону другой. Можно установить три образца, три вліянія, которыя отразились на возникновеніи у насъ тайныхъ обществъ. Одно существовало уже въ самой Россіи задолго до возникновенія тайныхъ организацій — это масонство, которое возникаетъ въ Россіи еще въ 18 столѣтіи, въ царствованіе Елисаветы. Оно получаетъ широкое распространеніе при Екатеринѣ II, переходитъ и въ 19 столѣтіе, пока правительство въ 1823 году не обрушивается на нихъ репрессіями. Помимо масонскихъ ложъ можно указать на два иноземныхъ вліянія: 1) итальянскій карбонаризмъ — союзы итальянскихъ карбонаріевъ и 2) нѣмецкій „Тугендбундъ“— „Союзъ Добродѣтели“, возникшій въ то время въ Германіи въ качествѣ орудія борьбы съ реакціей. Эти вліянія дѣйствовали одновременно, но въ разныхъ направленіяхъ, и молодые люди, какъ тростникъ, склонялись то въ ту, то въ другую сторону. Отдадимъ отчетъ—въ чемъ заключалось и какія разновидности получало каждое вліяніе.

Масонство.

Что касается русскаго масонства, то идейное вліяніе его на политическія организаціи было наиболѣе слабо. Оно выразилось исключительно на внѣшней сторонѣ: въ техникѣ

конспиративныхъ собраній, нѣкоторомъ внѣшнемъ ритуалѣ, обрядности и ея эмблемахъ.

Масонство вообще представляется явленіемъ многосложнымъ: какъ идейное движеніе, оно развѣтвлялось на рядъ разнообразныхъ направленій. Въ масонскомъ движеніи въ Западной Европѣ было одно теченіе, которое ставило своей задачей открытую общественную борьбу, направленную на измѣненіе политической и соціальной жизни общества. Оно считало необходимымъ вести эту борьбу радикальными террористическими мѣрами. Такова была отрасль масонства, которая получила названіе иллюминатства. Но въ масонствѣ было и другое противоположное теченіе, которое заключалось въ проповѣди необходимости внутренняго совершенствованія человѣческаго духа. Это направленіе утверждало истинную человѣческую свободу не на смѣнѣ внѣшнихъ жизненныхъ условій, а во внутреннемъ самоочищеніи индивидуальнаго духа. Русское масонство и примыкало къ этой второй отрасли масонскаго движенія. Члены масонскихъ ложъ въ Россіи принадлежали къ мартинистамъ и розенкрейцерамъ, которые проповѣдывали внутреннее самоусовершенствованіе. Основная тенденція русскаго масонства, очевидно, не могла найти себѣ благопріятной почвы среди будущихъ декабристовъ, которые главной цѣлью своей ставили борьбу съ общественными условіями, съ несовершенствомъ государственнаго порядка, стремились къ политическимъ и соціальнымъ реформамъ, а не къ внутреннему философскому самоуглубленію. Но среди русскаго масонства встрѣчались все же такіе элементы, которые болѣе примыкали къ иллюминатству, чѣмъ къ мартинизму, но они были въ меньшинствѣ. Такъ въ бумагахъ великаго князя Константина Павловича былъ найденъ документъ, озаглавленный „Исповѣданіе вѣры франкъ-масона 27 октября 1811 года“. Въ немъ любопытны слѣдующія слова: „Богъ, создавая людей, одарилъ ихъ прирожденной свободой, равною и общею всѣмъ, вслѣдствіе чего никто не можетъ ни уменьшать, ни ограничивать ее, не нанося явнаго оскорбленія, какъ Богу, такъ и намъ самимъ. Теченіе событій нанесло тяжелый ударъ и почти разрушило эту верховную власть Создателя естественной свободы его созданій, въ чемъ по-

винно честолюбіе ассирійцевъ, которые первые изобрѣли эти прелестныя имена—самодержавіе и жречество. Поэтому великимъ предпріятіемъ передъ Богомъ достойныхъ людей и является то, чтобы возстановить этотъ Храмъ Творца, возстать противъ недостойныхъ узурпаторовъ, а если понадобится, то и умертвить ихъ. Цѣль масонства — сражаться съ самодержавіемъ и жречествомъ, разрушить тиранію, господствующую надъ свободнымъ человѣчествомъ и установить владычество Бога на землѣ“. Этотъ документъ несомнѣнно свидѣтельствуетъ, что онъ принадлежалъ члену масонской ложи, которая ставила своей задачей открытую политическую борьбу. Это „Исповѣданіе вѣры“ является почти единственнымъ документомъ такого направленія изъ исторіи русскаго масонства. Возможно, что онъ попалъ въ бумаги великаго князя искусственнымъ путемъ, съ цѣлью представить русское масонство политически неблагонадежнымъ въ глазахъ императорской фамиліи и былъ не русскаго, а иностраннаго происхожденія. Документы же русскихъ масонскихъ ложъ свидѣтельствуютъ ясно и опредѣленно, что онѣ въ своемъ значительномъ большинствѣ совершенно чуждались вопросовъ политической реформы и обращали все свое вниманіе на вопросы внутренняго совершенствованія своихъ членовъ. Въ началѣ 19 вѣка масонство почти лишилось внутренняго содержанія. Изъ цѣлаго ряда мемуаровъ видно, что многія масонскія ложи въ сущности превратились въ клубы, которые посѣщались для веселаго времяпрепровожденія, обѣдовъ, ужиновъ и т. д.

Ложи же, которыя относились къ своимъ задачамъ серьезно, стояли на точкѣ зрѣнія не политической пропаганды, а нравственной проповѣди внутренняго самоусовершенствованія. Въ доказательство можно привести рядъ документальныхъ свидѣтельствъ, напр. выдержки изъ извѣстнаго журнала масона Лопухина: „Не только зло, во всякомъ правленіи человѣческомъ неотвратимое, должно сносить, но лучше терпѣть тиранство, нежели возмущаться и принимать перемѣну правленія. Многіе вѣка доказали, что монархическій образъ правленія необходимъ въ области обширной“. Таковы взгляды

русскаго масонства по политическому вопросу; въ вопросахъ же соціальныхъ оно стояло за сохраніе существующихъ отношеній. Во взглядѣ на крѣпостное право они занимали опредѣленную позицію: проповѣдовали гуманное отношеніе къ крѣпостнымъ, возставали противъ помѣщичьей жестокости, видѣли и въ подневольномъ крестьянинѣ своего брата, но голоса за отмѣну крѣпостного права не поднимали. Проповѣдь масоновъ о гуманномъ обращеніи съ крестьянами не прошла незамѣченной и самой крѣпостной массой. Изъ нихъ нѣкоторые, преимущественно дворовые, замѣчали благотворное вліяніе масонской проповѣди на своихъ улучшеныхъ жизненныхъ условіяхъ. Отмѣчены случаи, когда дворовые обращались въ масонскія ложи съ просьбой принять ихъ въ составъ членовъ, мотивирую свое обращеніе указаніями на гуманное къ себѣ отношеніе своихъ господъ послѣ вступленія въ ложи. У крѣпостныхъ даже возникло представленіе, что масонство ведетъ борьбу за отмѣну крѣпостного права, но масоны старались разубѣждать крестьянъ въ этомъ, образчикомъ чего служитъ одно мѣсто въ сочиненіи Віельгорскаго, виднаго масона: „Простолюдины, въ особенности дворовые люди, не имѣютъ никакого понятія о существѣ нашего ордена, полагая по названію „свободныхъ каменщиковъ“, что наше братство старается сдѣлать ихъ вольными, въ чемъ они весьма ошибаются, ибо мы старается свергнуть съ себя оковы не мнимо, но истинно тяжкія, а именно оковы грѣха, смерти, ада. Человѣкъ, освобожденный отъ сихъ оковъ, вездѣ великъ, вездѣ счастливъ, даже при самомъ деспотическомъ правленіи“. Вотъ совершенно не оставляющее никакого сомнѣнія исповѣданіе, что центръ тяжести русскаго масонства заключался не въ борьбѣ съ ненормальными общественными условіями, а въ проповѣди внутренняго самоусовершенствованія каждаго отдѣльнаго человѣка. Послѣ этого станетъ понятнымъ, что масонство не могло оказать идейнаго вліянія на работу политическихъ организацій. Оно вліяло на тайныя общества только съ внѣшней стороны въ томъ смыслѣ, что изъ масонскихъ ложъ они получали указанія относительно пріемовъ конспираціи.

Итальянскіе Карбонаріи.

Тайныя политическія общества почерпали идейное содержаніе изъ двухъ другихъ источниковъ: союза итальянскихъ карбонаріевъ и нѣмецкаго Тугендбунда, которые были одинаково знакомы русскимъ декабристамъ и одинаково оказали вліяніе на ихъ дѣятельность. Но по отношенію другъ къ другу они были совершенно различны: итальянскій карбонаризмъ возникъ на почвѣ политическихъ условій Италіи того времени, на необычайной раздробленности ея частей. Въ каждомъ изъ маленькихъ государствъ, составляющихъ Италію, были правители, чуждые населенію даже по національности, отличавшіеся чрезвычайной жестокостью. Карбонаризмъ и представлялъ собою чисто политическое движеніе, направленное на борьбу съ ними. Оно развивалось въ рамкахъ миніатюрныхъ итальянскихъ государствъ и потому приняло характеръ очень конспиративныхъ, замкнутыхъ въ себѣ заговорщическихъ кружковъ. Послѣдніе съ большой осторожностью принимали новыхъ членовъ, и обязывали ихъ въ тайнѣ сохранять свои намѣренія и дѣйствія. Это были сильные своею сплоченностью кружки, которые дѣйствовали путемъ отдѣльныхъ террористическихъ актовъ. Въ основѣ ихъ лежала мысль, что политическая борьба можетъ вестись безъ участія народныхъ массъ, меньшинствомъ населенія, за свой страхъ.

Нѣмецкій Тугендбундъ.

Совершенно противоположный типъ политической организаціи представлялъ собою нѣмецкій Тугендбундъ, который ставилъ своей задачей привлечь къ активной политической работѣ широкіе слои населенія, настойчиво пропагандируя свою программу. Это не была организація замкнутая, она совершала широкую культурную работу, распространяя въ странѣ здравыя политическія понятія. Дѣятели его полагали, что лучше нѣсколько отдалить моментъ рѣшительнаго выступленія противъ стараго порядка, но зато вовлечь всю

страну въ сознательную работу возрожденія родины. Такія два противоположныя теченія, итальянскій карбонаризмъ и нѣмецкій Тугендбундъ, оказали громадное вліяніе на тайныя общества того времени въ Россіи. Быстрая же смѣна послѣднихъ, главнымъ образомъ, сводилась къ перекрестной борьбѣ двухъ различныхъ политическихъ идеаловъ среди будущихъ декабристовъ: то бралъ верхъ итальянскій карбонаризмъ, то нѣмецкій Тугендбундъ. Такимъ образомъ въ основѣ этой смѣны лежали не внѣшнія условія, но колебанія, процессъ идейнаго политическаго движенія среди лицъ, входившихъ въ составъ обществъ.

Вся трагедія русскихъ людей, входившихъ въ составъ тайныхъ обществъ, состояла въ томъ, что по своему темпераменту, по условіямъ жизни, по воспитанію и личному расположенію они были пригодны для дѣятельности въ духѣ нѣмецкаго Тугендбунда, а политическія условія жизни толкали ихъ къ дѣятельности въ духѣ итальянскаго карбонаризма. Въ этомъ и заключается источникъ ихъ неудачи.

„Союзъ Спасенія".

Первоначально возникшій „Союзъ Спасенія" въ 1816 году былъ по основнымъ своимъ чертамъ обществомъ карбонарскаго типа, во главѣ котораго сталъ Пестель, человѣкъ крупнаго ума, большой начитанности и выдающагося темперамента, властолюбивый, но умѣвшій гипнотизировать окружающихъ непосредственнымъ обаяніемъ своей личности. Повидимому, одной изъ задачъ „Союза Спасенію", по мыслѣ Пестеля, являлись насильственные террористическіе акты. Но уставъ и общій характеръ этого общества очевидно не соотвѣтствовали цѣлямъ и стремленіямъ его членовъ, потому что едва только въ этомъ кружкѣ появился Александръ Муравьевъ, выступившій противникомъ основныхъ пунктовъ Устава Пестеля, какъ тотчасъ же громадное большинство членовъ покинуло „Союзъ Спасенія", чтобы вступить въ члены вновь основаннаго Муравьевымъ „Союза Благоденствія".

„Союзъ Благоденствія“.

Послѣдній былъ созданъ по образцу нѣмецкаго „Тугендбунда“, а уставъ его—„зеленая книга“—былъ скопированъ съ устава Тугендбунда, только съ нѣкоторыми любопытными отличіями. Напримѣръ въ нѣмецкой редакціи устава былъ параграфъ, по которому всѣ его члены обязывались освободить своихъ крѣпостныхъ, въ уставѣ же русскомъ онъ пропущенъ. Во всемъ остальномъ „Союзъ Благоденствія“ представлялъ точную копію Тугендбунда, являясь широкой общественной организацiей, которая стремилась открыто къ поднятію культурно-политическаго уровня страны. „Союзъ“ дѣлился на слѣдующія секціи: секцію распространенія въ обществѣ полезныхъ сочиненій по вопросамъ политическимъ и политико-экономическимъ, какъ оригинальныхъ, такъ и переводныхъ; секцію филантропическую; секцію распространенія просвѣщенія среди народа; секцію, которая стремилась провести въ чиновники правительственныхъ учрежденій лицъ, одушевленныхъ идеями Общества, чтобы личнымъ примѣромъ показывать, какъ надо служить благу родины. Такъ поступили, напр. Пущинъ, другъ Пушкина, и Рылѣевъ. Изъ этого перечня видно, какъ широка и богата по замысламъ должна была быть дѣятельность „Союза Благоденствія“. Одно время „Союзъ“ расчитывалъ привлечь въ члены даже самого императора. Сперва они не думали вступать на конспиративный путь, но условія русской дѣйствительности, аракчеевщина, которая тогда свирѣпствовала, не дала возможности „Союзу“ развить свою дѣятельность. Нельзя было надѣяться на распространеніе просвѣщенія, развитіе сѣти школъ при господствѣ въ правительственной политикѣ такихъ идеаловъ, выразителемъ которыхъ являлся Магницкій. Это привело къ закрытію „Союза Благоденствія“ въ 20-хъ годахъ.

„Сѣверное“ и „Южное“ Общества.

Послѣ этого образуются два новыхъ общества — „Сѣверное“—въ Петербургѣ и „Южное“ — на югѣ Россіи, въ Туль-

чинѣ, просуществовавшія вплоть до 14-го декабря 1825 года. Они отличались другъ отъ друга не только по географическому положенію, не только личнымъ составомъ, но и своими идейными стремленіями. Во главѣ „Сѣвернаго" Общества стояли Никита Муравьевъ и князь Трубецкой, впослѣдствіи туда вошелъ и поэтъ Рылѣевъ,—а главнымъ руководителемъ „Южнаго" являлся Пестель. Остановимся на характеристикѣ политическихъ программъ этихъ тайныхъ обществъ.

„Проектъ конституціи" Никиты Муравьева.

Въ нашемъ распоряженіи имѣется прекрасный матерьялъ, который теперь обнародованъ: до насъ дошли два политическихъ трактата, изъ которыхъ одинъ принадлежитъ Никитѣ Муравьеву — „Проектъ Конституціи", — а другой — „Русская Правда" — Пестелю. Въ литературѣ часто можно встрѣтить мнѣніе, будто главное различіе между „Проектомъ" Муравьева и „Русской Правдой" заключается только въ томъ, что первый стоялъ за конституціонную монархію, а второй за республику. Въ дѣйствительности различіе было гораздо глубже. Если Никита Муравьевъ и стоялъ за конституціонную монархію, то, какъ мы увидимъ, своему монарху удѣлялъ такое же мѣсто въ общемъ строѣ государственныхъ учрежденій, какое занимаетъ президентъ Сѣверныхъ Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ. Слѣдовательно, это была монархія больше по названію. Различіе касалось ихъ общихъ политическихъ и соціальныхъ положеній. Образцомъ для Никиты Муравьева послужила конституція Соединенныхъ Штатовъ, которую онъ цѣликомъ списалъ въ своемъ „Проектѣ", а затѣмъ французская конституція 1791 года. Изъ первой Муравьевъ заимствовалъ 1) принципъ федераціи, то-есть, устройство на началахъ самой широкой автономіи отдѣльныхъ штатовъ или „державъ", какъ онъ ихъ называетъ, и 2) всю схему высшихъ государственныхъ учрежденій; а изъ французской конституціи 1791 года онъ заимствовалъ 1) декларацію правъ человѣка и гражданина, 2) идею

о раздѣленіи гражданъ на активныхъ и пассивныхъ, то-есть пользующихся участіемъ въ политической жизни и лишенныхъ его на основаніи имущественнаго ценза. Въ отличіе отъ французскаго образца, гдѣ имущественный цензъ довольно низокъ, Муравьевъ устанавливалъ очень высокій цензъ, совершенно лишая большинство страны политическихъ правъ. Наоборотъ, Пестель образцомъ для своего проекта взялъ якобинскую республику на основаніи чрезвычайно сильной централизованной власти, при условіи безприкословнаго подчиненія ей отдѣльныхъ областей государства и отдѣльныхъ гражданъ. Слѣдовательно, Муравьевъ выдвигалъ на первый планъ принципъ индивидуальной свободы и готовъ былъ поступиться для этого принципомъ равенства, а Пестель наоборотъ, на первый планъ ставилъ принципъ равенства въ ущербъ принципу свободы.

Какъ мы видѣли, Муравьевъ высшія государственныя учрежденія въ предполагаемомъ государственномъ устройствѣ заимствовалъ изъ конституціи Соединенныхъ Штатовъ. Во главѣ государства онъ ставитъ наслѣдственнаго монарха, и только этимъ послѣдній отличается отъ президента Соединенныхъ Штатовъ. Затѣмъ Муравьевъ проектируетъ двѣ законодательныя палаты—палату представителей и Верховную Думу, что соотвѣтствуетъ въ конституціи Соединенныхъ Штатовъ палатѣ представителей и Сенату. Далѣе, Народное Вѣче, которое есть соединенное собраніе обѣихъ палатъ, — соотвѣтствуетъ Конгрессу Соединенныхъ Штатовъ; наконецъ, Муравьевъ вводитъ еще Верховный Соборъ, разсматривающій только измѣненія въ самой коституціи, который соотвѣтствуетъ Конвенту Соединенныхъ Штатовъ. Монархъ, вступая на престолъ, прежде всего приноситъ присягу на вѣрность конституціи, какъ это дѣлаетъ президентъ Соединенныхъ Штатовъ. Онъ получаетъ цивильный листъ, который былъ опредѣленъ Муравьевымъ въ 2 милліона рублей ежегодно, является главнымъ руководителемъ арміи и флота, главою администраціи, назначаетъ чиновниковъ на всѣ высшіе государственные посты, за исключеніемъ тѣхъ, назначеніе которыхъ прямо опредѣлено въ конституціи. Онъ является представителемъ отъ имени всей страны передъ иностранны-

ми державами, объявляетъ войну и заключаетъ миръ, но только по соглашенію съ Верхней Думой; онъ созываетъ обѣ палаты и обращается къ нимъ съ посланіями, гдѣ можетъ указываетъ неотложные государственные вопросы. Что касается его участія въ законодательствѣ, то здѣсь монархъ пользуется правомъ отсрочивающаго veto, то-есть, можетъ только отсрочить примѣненіе законопроекта, прошедшаго черезъ обѣ палаты; если законопроектъ, прошедшій черезъ обѣ палаты, получилъ большинство, онъ препровождается на разсмотрѣніе монарха, послѣдній его подписываетъ и законопроектъ становится закономъ. Но если монархъ не согласенъ съ законопроектомъ, онъ отказываетъ ему въ своей санкціи, послѣ чего проектъ закона возвращается въ палату, вновь тамъ разсматривается, и если вторично получитъ въ обѣихъ палатахъ большинство, становится закономъ, несмотря на отказъ монарха его подписать. Предоставленіе коронной власти отстрочивающаго veto является главнымъ ограниченіемъ правъ монарха, хотя въ „Проектѣ Конституціи“ имѣются и другія ограниченія, какихъ мы не встрѣчаемъ въ его источникахъ—конституція Соединенныхъ Штатовъ и французской конституціи 1791 года. Напримѣръ, если обѣ палаты не придутъ къ соглашенію относительно срока парламентскихъ каникулъ, то по конституціи Соединенныхъ Штатовъ этотъ срокъ назначается президентомъ, у Муравьева же срокъ опредѣляется монархомъ, но не болѣе чѣмъ на два мѣсяца. Другое ограниченіе еще болѣе важное: монарху запрещается покидать предѣлы государства, отъѣздъ его за границу считается за отказъ отъ престола, и Народное Вѣче должно немедленно возвести на престолъ его преемника. Абсолютное запрещеніе отъѣзда монарха мы встрѣчаемъ въ испанской конституціи 1810 года, которая была извѣстна Муравьеву. Впрочемъ, можно думать, что въ этомъ случаѣ онъ руководился существующими русскими условіями, на что указываютъ мотивы запрещенія монарху покидать предѣлы страны: 1) отдаленныя поѣздки отяготительны для казны, 2) онѣ могутъ вести къ заминкѣ въ ходѣ государственныхъ дѣлъ, а, главное, 3) монархъ, находясь за предѣлами своей страны, можетъ легко поддаться вліянію иноземныхъ завистниковъ

и стать орудіемъ ихъ злоумышленій. Это—прямое указаніе на то вліяніе, которое на Александра I имѣлъ Меттернихъ. Кромѣ того, въ проектѣ отмѣтимъ слѣдующія постановленія относительно порядка престолонаслѣдія и назначенія регентства. Муравьевъ устанавливаетъ наслѣдственность престола только ради государственнаго удобства, чтобы предотвратить междуцарствіе и смуту. Авторъ также устанавливаетъ безотвѣтственность монарха—это основной принципъ его конституціоннаго проекта, но преступныя дѣйствія монарха приравниваются къ душевному недугу и тогда назначается регентъ. Вотъ какъ обрисовываетъ Никита Муравьевъ юридическое положеніе монарха въ конституціонной монархіи.

Законодательная власть вручается двумъ палатамъ—палатѣ представителей и Державной Думѣ. Обѣ онъ выборныя: выборы представителей въ первую—прямые по избирательнымъ округамъ, равнымъ уѣздамъ, но не всеобщіе, а основанные на высокомъ имущественномъ цензѣ. Державная Дума выбирается провинціальными собраніями по отдѣльнымъ „державамъ", на которыя Муравьевъ дѣлитъ всю Россію, подобно штатамъ Сѣверной Америки, съ предоставленіемъ каждой изъ нихъ значительной автономіи. Члены второй палаты являются представителями отдѣльныхъ державъ. Въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ штатахъ нижняя Палата избирается всей страной и тамъ мѣстные интересы отдѣльныхъ штатовъ растворяются. Для того же, чтобы мѣстные интересы штатовъ получили свое выраженіе при обсужденіи каждаго законопроекта, создается верхняя палата изъ представителей отдѣльныхъ штатовъ. Совершенно на такомъ же федеративномъ принципѣ строитъ свою Державную Думу и Муравьевъ. Члены ея—представители отдѣльныхъ державъ и при обсужденіи законопроекта должны стремиться къ соблюденію интересовъ тѣхъ областей, отъ которыхъ они посланы.

Права „Палаты представителей" и „Верховной Думы" по „конституціи" Муравьева.

По проекту Муравьева и Палата Представителей, и Верховная Дума имѣютъ законодательную иниціативу. Законо-

проектъ разсматривается сначала въ той палатѣ, которая его возбудила, затѣмъ переходитъ въ слѣдующую и, наконецъ, идетъ на утвержденіе монарха. Члены палатъ выбираютъ изъ своей среды предсѣдателя и получаютъ вознагражденіе за свою дѣятельность. Этотъ принципъ чисто демократическій и имѣетъ то значеніе, что и люди малосостоятельные могутъ принимать участіе въ народномъ представительствѣ. Члены палатъ не отвѣтственны за рѣчи, которыя они произносятъ съ трибуны. Обѣ же палаты могутъ возбуждать и всѣ законодательные вопросы, но въ вопросахъ бюджета нижняя палата получаетъ первенство, какъ и въ вопросахъ, касающихся военной обороны страны. Верхняя палата, помимо участія въ законодательствѣ, вмѣстѣ съ монархомъ участвуетъ въ разрѣшеніи вопросовъ, касающихся заключенія мира и объявленія войны. Наконецъ, она несетъ и нѣкоторыя судебныя функціи, напримѣръ, иногда рѣшаетъ вопросъ о преданіи суду того или другого представителя правительства, совершившаго незаконное дѣяніе. Верхняя палата только рѣшаетъ, есть ли данныя для возбужденія судебнаго преслѣдованія, а уже дальнѣйшій ходъ судебнаго разбирательства идетъ обычнымъ порядкомъ. Таковы компетенція и организація двухъ палатъ по проекту Никиты Муравьева.

Соединенное собраніе обѣихъ палатъ называется Народнымъ Вѣчемъ. Оно можетъ разрѣшать вопросы законодательнаго свойства и завѣдывать обширной областью управленія въ смыслѣ верховнаго надзора, но и для компетенціи Народнаго Вѣча есть границы: оно не можетъ 1) нарушить правъ гражданина; 2) принимать постановленій, идущихъ въ разрѣзъ съ конституціей; 3) отмѣнять свободу преподаванія, исповѣданія, печати, мнѣній, совѣсти, пока существуетъ конституція; наконецъ, оно не можетъ измѣнять существующую конституцію.

Верховный же Соборъ представляетъ собраніе не законодательное, а учредительное, которое предметомъ своей дѣятельности имѣетъ созданіе или измѣненіе самой конституціи. Половина членовъ его избирается прямыми, хотя и цензовыми выборами, а другая избирается по „державамъ“, то-есть, по отдѣльнымъ областямъ. Отъ Народнаго Вѣча онъ отличается лишь тѣмъ, что 1) можетъ заниматься только пересмот-

ромъ конституціи и 2) можетъ засѣдать не болѣе шести мѣсяцевъ. Если онъ рѣшитъ измѣнить какую-либо статью конституціи, то примѣняется референдумъ, и только, когда большинство державъ одобритъ это измѣненіе, оно входитъ въ силу. Изъ этого очерка организаціи высшихъ государственныхъ учрежденій можно видѣть, какъ тщательно Муравьевъ предохраняетъ народное представительство отъ произвола монарха. Духъ централизаціи—якобинскій духъ—совершенно чуждъ міровоззрѣнію Муравьева. Въ основу своего проекта онъ полагаетъ либеральный принципъ: свободное самоопредѣленіе и для каждой отдѣльной области и для каждаго отдѣльнаго гражданина.

Что касается принципа федеральнаго устройства, то Муравьевъ мечтаетъ превратить Россію въ монархическіе Соединенные Штаты, раздѣливъ всю имперію на нѣсколько областей, которыя онъ называетъ державами. Въ каждой державѣ организуются учрежденія, представляющія собой въ миніатюрѣ группу учрежденій обще-государственныхъ. Во главѣ каждой державы Муравьевъ ставитъ также двѣ палаты и правителя. Обѣ палаты выбираются населеніемъ данной державы тоже на основаніи имущественнаго ценза, а правители державъ назначаются Народнымъ Вѣчемъ изъ числа кандидатовъ, представленныхъ державами. Областныя учрежденія надѣлены обширной компетенціей—устанавливать налоги данной державы и назначать администрацію. Только вопросы, имѣющіе обще-государственное значеніе, переданы учрежденіямъ обще-государственнымъ, напримѣръ, бюджетный вопросъ, таможенныя пошлины и военная оборона страны. Проводя такъ далеко принципъ самостоятельности отдѣльныхъ провинцій, Муравьевъ совершенно не обращаетъ вниманія на опредѣленіе территоріальныхъ границъ своихъ державъ; въ его проектѣ мы можемъ найти только списокъ главныхъ городовъ, но границъ каждой державы онъ не намѣтилъ, быть можетъ, потому, что не считалъ свой проектъ законченнымъ. Обезпечивъ автономіей отдѣльныя области страны, Муравьевъ проводитъ затѣмъ послѣдовательно личную самостоятельность каждаго отдѣльнаго гражданина. Цѣлую главу своего проекта, очень тщательно разработанную,

авторъ посвящаетъ формулировкѣ правъ гражданина. Сюда относятся: свобода совѣсти, неприкосновенность личности, то-есть право не быть арестованнымъ иначе, какъ по суду, свобода слова, печати, союзовъ, промысла, на основанiи которой онъ высказывается за отмѣну цеховъ, и тому подобное. Здѣсь онъ широко пользуется „Декларацiей правъ человѣка и гражданина“, которая составляла введенiе къ французской конституцiи 1791 года. Но Муравьевъ, устанавливая индивидуальную свободу, очень сдержанно относится къ принципу соцiальнаго равенства. По его проекту, всѣ граждане равны передъ закономъ; онъ даже провозглашаетъ уничтоженiе сословiй, но оно не сопровождается превращенiемъ всѣхъ гражданъ въ однородную массу. Отступленiе отъ принципа равенства очень ярко допущено Муравьевымъ въ организацiи политическихъ выборовъ. Имущественный цензъ такъ высокъ, что только небольшая группа состоятельныхъ гражданъ пользуется политическими правами во всемъ ихъ объемѣ: для того, чтобы обладать активнымъ избирательнымъ цензомъ, нужно было имѣть на 800 рублей недвижимаго или на 1000 рублей движимаго имущества, кромѣ того, имѣть возрастной цензъ 21 годъ, постоянную осѣдлость и не состоять подъ судомъ. Для того же, чтобы обладать пассивнымъ избирательнымъ цензомъ, требовался возрастъ не менѣе 30 лѣтъ и весьма высокiй имущественный цензъ на 30000 рублей недвижимаго или на 6000 рублей движимаго имущества. Точно также требовался высокiй цензъ для занятiя высшихъ государственныхъ должностей. Для государственныхъ крестьянъ ценза не устанавливалось, но выборы были степенные: отъ каждыхъ 800 дворовъ—по одному выборщику.

Въ сферѣ экономическихъ отношенiй онъ также не предпринимаетъ ничего для устраненiя неравенства. Отстаивая отмѣну крѣпостного права, такъ какъ оно совершенно несовмѣстимо съ его либеральными принципами, онъ проектируетъ всю землю оставить въ рукахъ помѣщиковъ, то-есть предоставляетъ крестьянамъ только свободу юридическую, въ экономическомъ же отношенiи ставитъ ихъ въ полную зависимость отъ дворянства. Нѣсколько позднѣе Муравьевъ

въ этомъ отношеніи дѣлаетъ уступку, допуская надѣленіе крестянъ землей не болѣе двухъ десятинъ на дворъ, а не на душу. Таковъ былъ одинъ политическій идеалъ декабристовъ, нашедшій свое выраженіе въ конституціонномъ проектѣ Муравьева.

„Русская Правда“ Пестеля.

Совершенно иное политическое устройство рисуетъ намъ „Русская Правда“ Пестеля. Политическія воззрѣнія Пестеля сформировались не сразу: было время (объ этомъ можно судить по его раннимъ политическимъ проектамъ), когда онъ былъ солидаренъ съ Муравьевымъ въ вопросахъ конституціонной монархіи, имущественнаго ценза и федеративнаго устройства государства. Въ показаніяхъ на судѣ онъ очень ясно указалъ на эволюцію своихъ взглядовъ, опредѣливъ и вліянія, подъ которыми совершался постепенный ростъ его политической мысли, въ числѣ которыхъ онъ указываетъ: 1) чтеніе политическихъ трактатовъ; 2) непосредственное наблюденіе надъ окружающей его политической дѣйствительностью въ Россіи и Западной Европѣ. Объ его обширной начитанности и огромныхъ умственныхъ способностяхъ свидѣтельствуетъ Пушкинъ, который записываетъ въ своемъ дневникѣ: „я имѣлъ съ Пестелемъ разговоръ нравственный, философскій и политическій“, и прибавляетъ, что не встрѣчалъ другого человѣка такой крупной умственной силы, съ такими обширными политическими познаніями. Особенное впечатлѣніе, по словамъ самого Пестеля, произвело на него чтеніе книги де-Трасси—французскаго комментатора Монтескье, которая вышла въ 1719 году — своей аргументаціей въ пользу преимущества республиканской формы правленія надъ монархической. Въ томъ же направленіи дѣйствовало на него политическое могущество Соединенныхъ Штатовъ, которое Пестель приписывалъ именно республиканскому устройству. Большое вліяніе на Пестеля оказали тогдашнія заграничныя событія — революція въ Испаніи и Италіи. Все это убѣдило его въ неустойчивости монархическаго порядка, такъ какъ онъ постоянно вызываетъ противъ себя движеніе

народа. „Русская Правда“ не является проектомъ конституціи, это скорѣе наказъ временному правительству, которое, по мнѣнію Пестеля, должно было взять въ свои руки власть послѣ ниспроверженія существующаго строя. Читая „Русскую Правду“, мы можемъ упрекнуть Пестеля въ непримѣнимости его программы въ дѣйствительности, въ вѣрѣ въ магическую силу взмаха пера. Но самъ авторъ не хотѣлъ проводить сразу намѣченныя реформы: онъ предполагалъ дать временному правительству диктаторскую власть надъ страной на 8—10 лѣтъ, въ продолженіе которыхъ оно должно было подготовить населеніе къ принятію реформъ. И только послѣ этого реформы стали бы проводиться на основаніи наказовъ, данныхъ временному правительству Учредительнымъ Собраніемъ. Пестель пишетъ, что для осуществленія всѣхъ преобразованій потребуется много лѣтъ.

Рукопись „Русской Правды“, къ сожалѣнію, не дошла до насъ въ цѣломъ видѣ, потому что, получивъ предупрежденіе объ арестѣ, авторъ закопалъ ее въ землю, откуда она и была извлечена потомъ слѣдственной комиссіей въ крайне разрозненномъ видѣ: листы были разорваны, и не хватало какъ разъ того отдѣла, гдѣ говорится объ организаціи высшихъ государственныхъ учрежденій. До послѣдняго времени она хранилась въ архивѣ и издана только въ 1906 году. Затерянную часть „Русской Правды“ намъ приходится возстановлять по краткому изложенію ея, сдѣланному Бестужевымъ-Рюминымъ въ сочиненіи „Государственный Завѣтъ“. Пестель намѣчаетъ въ „Русской Правдѣ“ организацію высшихъ государственныхъ учрежденій—Народнаго Вѣча, Державной или Верховной Думы и Верховнаго Собора. Мы видимъ здѣсь тѣ же термины, что и у Муравьева, но этимъ и кончается все сходство, прикрывающее глубокое различіе содержанія. Народное Вѣче, по проекту Пестеля, органъ власти законодательной, Державная Дума — исполнительной и Верховный Соборъ—блюстительной, или, какъ сказали бы мы, контролирующей. „Народное Вѣче“ и „Державная Дума“ не являются двумя палатами, какъ у Муравьева, который былъ сторонникомъ двухпалатной системы: Народное Вѣче или палата представителей по Пестелю избирается всеобщимъ

голосованіемъ, но выборы въ ней не прямые, а двухстепенные, хотя имущественный цензъ уничтоженъ. Члены ея избираются на 5 лѣтъ, при чемъ ежегодно обновляется $^1/_5$ ихъ состава. Пестель распространяетъ право участія въ выборахъ на всѣхъ совершеннолѣтнихъ гражданъ мужского пола. Народное Вѣче издаетъ законы, объявляетъ войну и заключаетъ миръ, но не можетъ дѣлать никакихъ измѣненій въ конституціи, что предоставляется всему народу, который осуществляетъ свое право при помощи референдума. Верховная Дума не является второй палатой, какъ у Муравьева, она—органъ власти исполнительной и организуется на началахъ коллегіальныхъ.

У Пестеля не только нѣтъ монарха, но нѣтъ и президента, во главѣ же исполнительной власти стоитъ коллегія изъ 5 человѣкъ, которые выбираются на 5 лѣтъ Народнымъ Вѣчемъ изъ числа кандидатовъ, представленныхъ губернскими собраніями; изъ нихъ каждый годъ одинъ замѣняется новымъ. Эта Верховная Дума напоминаетъ собою французскую Директорію въ конституціи революціонной эпохи: ей принадлежатъ обширныя полномочія распоряжаться жизнью страны во всѣхъ отношеніяхъ и непосредственно руководить всей администраціей. Пестель ставитъ ее въ гораздо болѣе независимое положеніе отъ Народнаго Вѣча, чѣмъ Муравьевъ. Органомъ власти блюстительной является Верховный Соборъ, который состоитъ изъ 12-ти лицъ, выбираемыхъ Народнымъ Вѣчемъ изъ губернскихъ кандидатовъ пожизненно, чѣмъ достигается независимость отъ избирателей, безпристрастіе при контролированіи дѣятельности законодательной и исполнительной власти. Верховный Соборъ слѣдитъ: 1) чтобы администрація не нарушала законовъ и 2) чтобы Народное Вѣче, издавая новые законы, не нарушало существующей конституціи. Верховный Соборъ имѣетъ своихъ генералъ-губернаторовъ въ каждой губерніи, которые наблюдаютъ только за точнымъ исполненіемъ закона и привлекаютъ къ суду лицъ за его нарушеніе. При каждомъ министерствѣ Соборъ также имѣетъ своихъ представителей въ лицѣ прокуроровъ, которые наблюдаютъ за закономѣрностью ихъ дѣйствій. Кромѣ того, онъ слѣдитъ еще и за тѣмъ, чтобы

издаваемые Народнымъ Вѣчемъ законы, не шли въ разрѣзъ съ самой конституціей. Контроль надъ законодательствомъ осуществляется такъ: каждый законъ, принятый Народнымъ Вѣчемъ, прежде чѣмъ вступитъ въ силу, поступаетъ на разсмотрѣніе Верховнаго Собора. Послѣдній не разсматриваетъ его по существу, а только слѣдитъ за тѣмъ, чтобы въ новомъ законѣ не было противорѣчій съ существующей конституціей. И только тогда законъ опубликовывается, въ противномъ же случаѣ онъ утвержденія не получаетъ. Роль Верховнаго Собора напоминаетъ собою роль Верховнаго Суда въ Соединенныхъ Штатахъ при опредѣленіи конституціонности законовъ. Вопросы же объ измѣненіи самой конституціи отдаются на рѣшеніе референдума, то-есть всеобщаго тайнаго голосованія. Вотъ схема высшихъ государственныхъ учрежденій по проекту Пестеля.

Мы замѣчаемъ двѣ отличительныя особенности въ политическомъ міросозерцаніи автора. Во-первыхъ, большій демократизмъ у Пестеля, нежели у Муравьева, а во-вторыхъ, его склонность къ усиленію централизаціи исполнительной власти. Первый выражается въ однопалатной системѣ законодательныхъ учрежденій и въ томъ, что онъ вводитъ всеобщее избирательное право, а вторая — въ исполнительной власти, которая пріобрѣтаетъ огромное вліяніе на весь ходъ народной жизни. Пестель былъ не только сторонникомъ сильной государственной власти, но и ея наибольшей централизаціи. Онъ былъ убѣжденнымъ и энергичнымъ противникомъ федеративнаго устройства государства въ противоположность Муравьеву. Совершенно не допуская свободнаго самоопредѣленія автономныхъ провинцій государства, онъ посвящаетъ въ „Русской Правдѣ“ обширную главу, направленную противъ признанія федеративнаго начала. По мнѣнію Пестеля, федеративное устройство ослабляетъ могущество государства, такъ какъ влечетъ за собою преобладаніе мѣстныхъ интересовъ отдѣльныхъ провинцій надъ общегосударственными. Отрицая федерацію, Пестель особенно настаиваетъ на непримѣнимости ея въ Россіи, которая представляетъ собою соединеніе слишкомъ разнообразныхъ областей и племенъ, рѣзко отличающихся другъ отъ друга по языку, по вѣроиспо-

вѣданіямъ, по обычаямъ, по своему историческому прошлому. Казалось бы, только при этомъ условіи и возможенъ настоящій федеративный строй, но Пестель утверждаетъ, что именно, благодаря пестротѣ населенія Россіи, введеніе федеративнаго устройства поведетъ къ распаду государства. Пестелю, какъ и всѣмъ тогдашнимъ государствовѣдамъ, были совершенно чужды понятія автономной провинціи. Онъ признавалъ одно изъ двухъ: или провинцію унитарнаго государства и тогда она не должна была ни одной чертой отличаться отъ общегосударственнаго союза, или же провинцію, которая совершенно отдѣляется отъ цѣлаго, получая полную самостоятельность.

Только позднѣйшая наука государственнаго права выработала среднее между этими двумя понятіями, именно автономную провинцію, которая входитъ въ составъ обширнаго государственнаго союза, но въ нѣкоторыхъ вопросахъ получаетъ самостоятельность, то-есть примиряетъ начало государственнаго единства съ началомъ мѣстной самостоятельности. Представленіе о подобной средней формѣ было совершенно чуждо Пестелю, поэтому онъ и высказывалъ по польскому вопросу такой неожиданный взглядъ для сторонника сильнаго государственнаго устройства, требуя полнаго отдѣленія Польши отъ Россіи. Онъ полагалъ, что Польша можетъ находиться въ составѣ русскаго государства только при условіи полнаго сліянія съ нимъ, „а такъ какъ,“ говорилъ Пестель, „Польша имѣетъ слишкомъ самостоятельное историческое прошлое, вся жизнь ея отмѣчена печатью самобытности, то выходъ одинъ—полное отдѣленіе ея отъ Россіи и заключеніе союза на международныхъ началахъ“. Дѣлая исключеніе для Польши, Пестель по отношенію ко всѣмъ другимъ окраинамъ русскаго государства твердо стоялъ на почвѣ полнаго ихъ сліянія съ кореннымъ населеніемъ Россіи, чтобы даже такія, какъ Финляндія, Кавказъ и Остзейскій край, по названію, по языку, складу жизни и вѣрованіямъ не отличались отъ какой нибудь московской губерніи. Пестель предвидитъ возраженія, которыя ему можно сдѣлать по этому поводу. „Могутъ сказать“, говоритъ онъ, „что это сдѣлать будетъ трудно, такъ какъ всѣ названныя окраины имѣютъ свои

обычаи, нравы, складъ жизни и т. д., но (и это особенно характерно для его политическихъ взглядовъ) потому то и складъ жизни, и обычаи, и нравы въ этихъ окраинахъ различны, что въ нихъ дѣйствуютъ неодинаковые законы. Введите повсюду одинаковые законы и вы встрѣтите одинаковые нравы“.

Все сказанное бросаетъ яркій свѣтъ на особенности политическихъ воззрѣній Пестеля съ его несокрушимой вѣрой въ силу отвлеченныхъ началъ, въ силу предписаній, идущихъ изъ центра. Передъ нами человѣкъ, воспитанный на раціоналистической философіи 18-го столѣтія, вѣрующій въ начала разума, какъ сознательнаго фактора, могущаго по своему усмотрѣнію лѣпить тѣ или другія формы жизни. Въ сущности, планъ Пестеля сводился къ тому, чтобы декретами революціоннаго правительства сломить вѣками налаженное теченіе жизни во всѣхъ окраинахъ Россіи. Пестель приводитъ слѣдующія доказательства необходимости такого управленія: 1) истина политическая, будучи истиной нравственной, должна для всѣхъ быть одинакова, 2) жизнь творится закономъ, а не законъ жизнью.

Въ своемъ проектѣ Пестель послѣдовательно проводитъ идею равенства, устанавливая всеобщее избирательное право. Государство онъ дѣлитъ на губерніи, уѣзды, волости. Въ каждой волости ежегодно собирается волостное намѣстное собраніе, въ которомъ принимаютъ участіе всѣ совершеннолѣтніе жители данной волости мужского пола. Это собраніе засѣдаетъ не болѣе 6-ти дней и выбираетъ опредѣленное число членовъ уѣзднаго и губернскаго намѣстныхъ собраній для избранія депутатовъ въ „Народное Вѣче“. Устанавливая политическое равенство гражданъ, Пестель считаетъ необходимымъ дать имъ возможность и осуществлять въ жизни эти права, а для этого прежде всего нужно, если не установить полное экономическое равенство, то сгладить соціальное неравенство. Въ этомъ отношеніи особый интересъ представляетъ его проектъ аграрной реформы. Глава „Русской Правды“, посвященная аграрному вопросу, начинается съ разсмотрѣнія двухъ теорій о правѣ владѣнія землей: одна сводится къ тому, что земля есть стихія, даръ Божій, по-

этому и пользоваться ею можетъ каждый человѣкъ только въ силу своей принадлежности къ человѣческому роду; другая же утверждаетъ, что право собственности на землю имѣетъ тотъ, кто вложилъ извѣстный трудъ въ нее, т. е. на ней трудился. Пестель не согласенъ съ обѣими теоріями, онъ требуетъ опредѣленнаго порядка, установленнаго государственною властью и приходитъ къ своему проекту — частичной національизаціи земли. Задачей государственнаго союза, по мнѣнію Пестеля, должно быть обезпеченіе каждому члену его минимума средствъ, необходимыхъ для поддержанія существованія, хотя отдѣльнымъ гражданамъ не можетъ быть закрыта возможность расширять свое матерьяльное благосостояніе путемъ личной инициативы. Вся земля, по проекту Пестеля, въ предѣлахъ каждой волости должна быть раздѣлена на двѣ части: одна остается въ частныхъ рукахъ, представляетъ частную земельную собственность, а другая обращается въ волостной земельный фондъ, который будетъ составлять государственную собственность. Въ составъ этого фонда входятъ всѣ прежнія казенныя земли, монастырскія. Изъ него можно будетъ надѣлять землею каждаго гражданина, который въ этомъ нуждается. Запасные земельные фонды должны образоваться путемъ принудительнаго отчужденія частно-владѣльческихъ земель за вознагражденіе отъ казны. Земельный фондъ волости долженъ быть разбитъ на участки, достаточные для прокормленія семьи, состоящей изъ мужа, жены и 3 дѣтей, при чемъ право пользованія участкомъ ограничено годомъ, по истеченіи котораго онъ можетъ быть продленъ еще на годъ. Такимъ образомъ, Пестель не предлагаетъ уничтоженія частной земельной собственности и полную національизацію земли, онъ установитъ такой порядокъ пользованія землей, который могъ бы послужить основаніемъ равномѣрнаго распредѣленія земель между отдѣльными гражданами. Пестель не скрываетъ, что съ умноженіемъ населенія количество земель можетъ оказаться незначительнымъ, благодаря этому извѣстный процентъ населенія останется безъ земельныхъ участковъ изъ земельнаго фонда. Но авторъ проекта этимъ не смущается и надѣется, что это дастъ толчокъ къ развитію промышленности и ремеслъ, что

отвлечетъ часть населенія отъ земледѣлія. Въ общемъ весь проектъ аграрной реформы былъ мало разработанъ, въ немъ были набросаны лишь основныя идеи, но не было разработано, хотя бы то, какимъ порядкомъ должно происходить принудительное отчужденіе, какое вознагражденіе должно быть. Само правило, чтобы участки нарѣзывались изъ фонда на 1 годъ, а затѣмъ происходила бы земельная переверстка, сама эта идея не цѣлесообразна, потому что такой порядокъ мѣшалъ бы правильному хозяйству.

Въ основѣ трактата Пестеля лежитъ стремленіе установить если не полное имущественное равенство, то по крайней мѣрѣ пропорціональное. Въ области политической—это выражается въ признаніи Пестелемъ всеобщаго избирательнаго права, въ области экономической—въ его аграрномъ проектѣ.

Но совершенно иначе относится онъ къ принципу индивидуальной свободы, удѣляя большое мѣсто государственному вмѣшательству въ частную жизнь гражданъ. Онъ смотритъ на нихъ прежде всего, какъ на слугъ государственнаго союза, и если интересы отдѣльныхъ лицъ сталкиваются съ интересами государства, онъ жертвуетъ правами отдѣльныхъ личностей. Пестель высказывается противъ свободы частнаго преподаванія, допуская только государственную общеобязательную школу. Говоря о свободѣ совѣсти и высказываясь въ общемъ за свободу вѣроисповѣданія, Пестель однако признаетъ необходимость государственной церкви. Потомъ Пестель не допускаетъ въ государствѣ никакихъ частныхъ корпорацій и союзовъ. Здѣсь онъ рисуетъ утопическій идеалъ государства, которое само осуществляетъ всѣ потребности человѣческаго общежитія и ничего не оставляетъ на долю частной инициативы. Вообще онъ противъ какихъ бы то ни было частныхъ обществъ въ предѣлахъ государственнаго союза, считая явныя общества ненужными, тайныя—вредными. Первыя не нужны потому, что ихъ появленіе указываетъ, что государство не выполняетъ какой нибудь потребности гражданъ, и тогда нужно соотвѣтственнымъ образомъ расширить задачи государственной власти. Тайныя организаціи авторъ считаетъ вредными уже за самую таинственность, которая показываетъ, что онѣ создаются въ противовѣсъ

существующему государственному порядку. Эта аргументація особенно характерна въ устахъ Пестеля — вѣдь, онъ самъ былъ главою тайнаго общества. Хотя въ данный моментъ существованіе тайныхъ обществъ Пестель и считаетъ необходимымъ, такъ какъ существующій государственный порядокъ ненормаленъ, но послѣ осуществленія идеаловъ, изложенныхъ въ „Русской Правдѣ", протестъ противъ этого порядка со стороны гражданъ будетъ недопустимъ.

Пестель послѣдовательно проводитъ точку зрѣнія 18-го столѣтія—возможность установленія общественнаго порядка для всѣхъ временъ, потому что онъ будетъ построенъ на требованіяхъ разума, а послѣднія одни и тѣ же, слѣдовательно, возможно построить идеально-нормальные устои жизни. Мысль о томъ, что общественный порядокъ эволюціонируетъ, отрицается раціонализмомъ на томъ основаніи, что здравое мышленіе, на которомъ строится общественный порядокъ, вытекаетъ изъ существа логики. Петель утверждаетъ, что, исходя изъ логики, можно начертать планъ государственнаго строя, который будетъ представлять верхъ совершенства. Поэтому въ будущемъ устройствѣ онъ не допускалъ протеста гражданъ.

Этимъ мы заканчиваемъ изложеніе политическаго міросозерцаніе двухъ крупныхъ теоретиковъ, вышедшихъ изъ среды декабристовъ, при чемъ и Муравьевъ и Пестель только остро выразили въ своихъ проектахъ два противоположныхъ теченія, которыя обозначились въ этой средѣ. Кромѣ того, въ рядовой массѣ декабристовъ намѣчалось среднее теченіе, которое стремилось сочетать начало конституціи Муравьева съ началами „Русской правды" Пестеля—конституціонно-демократическое. Очеркъ теоретическихъ убѣжденій декабристовъ показываетъ, что они много размышляли надъ вопросами государственнаго устройства, но гораздо меньше вниманія обращали на свою практическую подготовку для будующей реальной дѣятельности, для осуществленія своихъ идеаловъ. И Сѣверное и Южное общества, какъ политическія организаціи дѣйствовали очень вяло: возможность практической борьбы представлялась имъ очень отдаленной. Это и было слабой стороной обѣихъ организацій и повело къ

быстрому ихъ крушенію. Сѣверное общество особенно отличалось отсутствіемъ практической дѣятельности. Южное же вступало даже въ переговоры съ польскими политическими организаціями и разыскало на югѣ Россіи „Общество соединенныхъ славянъ,“ организованное братьями Борисовыми. Послѣднее общество руководилось демократическими идеалами, включивъ въ свою программу федерацію всѣхъ славянскихъ странъ, основанную на демократическихъ началахъ. Но Сѣверное и Южное общества являлись совершенно не подготовленными къ какому нибудь открытому выступленію, а условія жизни сдѣлали его необходимымъ. Незадолго до крушенія Южное общество было предано Май-Бородой и Шервудомъ, которые донесли о немъ Александру во время послѣдней поѣздки въ Таганрогъ съ больною государыней. Получивъ доносы, Александръ сказалъ: „не мнѣ ихъ карать,“ какъ бы сознаваясь въ томъ, что толчокъ движенію политической мысли данъ имъ самимъ, преобразовательными попытками въ первую половину царствованія.

Лишь только скончался императоръ Александръ, на югѣ Россіи начались аресты. Сѣверное же общество въ связи съ замѣшательствомъ по вопросу о престолонаслѣдіи должно было рѣшиться на окончательное выступленіе. Оно было тоже выдано правительству сообщеніемъ одного изъ его членовъ Якова Ростовцева, который въ 1861 г. принималъ такое дѣятельное участіе въ проведеніи крестьянской реформы. Ростовцевъ не былъ предателемъ: на собраніи у Рылѣева онъ предупредилъ членовъ Сѣвернаго общества, что считаетъ нужнымъ сообщить правительству о тайномъ заговорѣ, такъ какъ видитъ, что это ведетъ къ погибельнымъ для государства результатамъ; онъ даже не сообщилъ имени членовъ, несмотря на требованіе правительства.

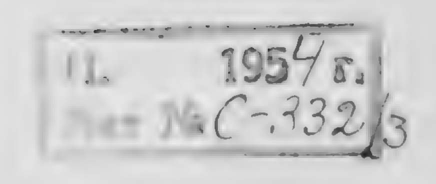
Въ то время, когда между Николаемъ и Константиномъ шли переговоры о томъ, кто изъ нихъ наслѣдуетъ престолъ, Сѣверное общество сдѣлало попытку государственнаго переворота, хотя члены общества съ Рылѣевымъ во главѣ и не надѣялись совершенно на успѣхъ предпріятія. Попытка возстанія на Сенатской площади въ Петербургѣ 14 декабря 1825 года представляла картину полной неподготовленности,

какъ правительства, такъ и тайнаго общества. Неподготовленность правительства видна изъ того, что тогдашній генералъ-губернаторъ Петербурга, графъ Милорадовичъ, все утро этого дня провелъ на завтракѣ у директора императорскихъ театровъ, и прямо изъ за стола былъ вызванъ на Сенатскую площадь. Неподготовленность дакабристовъ выразилась въ ихъ нерѣшительности и медленности. Въ сущности, возстаніе 14-го декабря свелось къ тому, что 2-3 полка, которые не соглашались присягать Николаю, явились со своими офицерами на Сенатскую площадь и простояли тамъ, пока ихъ не начали разстрѣливать. Были моменты и болѣе благопріятные для заговорщиковъ, которыми они совершенно не воспользовались. Во первыхъ, они не сдѣлали ничего, для того чтобы расположенными къ нимъ полками занять въ столицѣ наиболѣе важныя для нихъ мѣста: не заняли Петропавловской крѣпости, которую, по описанію очевидцевъ, могли бы занять безъ особыхъ усилій, и которая была для нихъ очень важнымъ опорнымъ пунктомъ, господствующимъ надъ Зимнимъ дворцомъ. Самый Зимній дворецъ и находящаяся въ немъ царствующая фамилія тоже были въ большой опасности, такъ какъ всѣ войска были на Сенатской площади, во главѣ съ государемъ. Одинъ изъ гвардейскихъ полковъ, участвовавшихъ въ заговорѣ, проходя мимо дворца, могъ безпрепятственно завладѣть имъ, но это не было имъ сдѣлано. Эта нераспорядительность и затянула исходъ, который былъ не въ пользу заговорщиковъ: долгое время стояли другъ противъ друга двѣ партіи, ничего не предпринимая, хотя настроеніе толпы было недружелюбно къ правительственнымъ войскамъ. Черезъ нѣсколько часовъ были приняты мѣры, чтобы уговорить заговорщиковъ сложить оружіе. Былъ отправленъ для этого митрополитъ Серафимъ, но слова его не произвели никакого дѣйствія на мятежниковъ. Послѣ него толпу пытался уговаривать великій князь Михаилъ Павловичъ, въ котораго Кюхельбекеръ хотѣлъ стрѣлять, а затѣмъ графъ Милорадовичъ, вскорѣ убитый возставшими. Послѣ этого рѣшено было стрѣлять въ взбунтовавшіеся полки: былъ произведенъ зглпъ, толпу разсѣяли, и она бросилась бѣжать черезъ узкую арку зданія Сената, что еще болѣе облегчило

преслѣдованіе ихъ. Часть взбунтовавшихъ войскъ бросилась на Неву, намѣреваясь перейти на тотъ берегъ, но ледъ подломился и многіе погибли въ рѣкѣ. Къ вечеру мятежъ былъ подавленъ. Начались массовые аресты всѣхъ участниковъ бунта, закончившихъ свою дѣятельность. Таковъ былъ разгромъ тайныхъ политическихъ организацій.

Со вступленіемъ на престолъ Николая I мы наблюдаемъ рядъ новыхъ явленій правительственной политики. Начало новаго царствованія не было крупнымъ поворотомъ въ другую сторону сравнительно съ предшествующимъ періодомъ, потому что послѣдніе годы царствованія Александра I представляли собой господство реакціи, на путь которой вступилъ и новый царь: при немъ окончательно былъ снятъ съ очереди вопросъ о реформѣ политическаго строя, хотя правительство Николая еще не отказалось отъ соціальныхъ преобразованій. Съ 1825 по 1848 годъ оно очень настойчиво занимается разработкой крестьянскаго вопроса, но пріемы подготовки этой реформы носили своеобразный отпечатокъ, сводясь къ полному недовѣрію къ общественной самодѣятельности, къ попыткѣ разрѣшить соціальный вопросъ силами одной сановной бюрократіи.

ОГЛАВЛЕНІЕ I части.

Цѣна за двѣ части 2 р. 85 к.

А. А. Кизеветтеръ.

ИСТОРІЯ РОССІИ

ВЪ XIX ВѢКѢ.

Курсъ лекцій, читанный на М. В. Ж. К. въ 1915-16 году.

Изданный по запискамъ слушательницъ безъ просмотра авторомъ.

Часть II.

МОСКВА—1916.

А. А. Кизеветтеръ.

ИСТОРІЯ РОССІИ

ВЪ XIX ВѢКѢ.

Курсъ лекцій, читанный на М. В. Ж. К. въ 1915-16 году

Изданный по запискамъ слушательницъ безъ просмотра авторомъ.

Часть II.

МОСКВА—1916.

Типографія В. И. Воронова, преемникъ Ѳ. Л. Гавриленко.
Моховая, противъ Манежа, д. кн. Гагарина.

Характеристика личности Николая I.

Сравнивая личность Николая Павловича, занявшаго престолъ послѣ смерти брата, съ личностью императора Александра, мы видимъ, что послѣднiй представлялъ собою очень сложную задачу, тогда какъ Николай былъ простъ и ясенъ, какъ все элементарное. Въ душевной жизни Ал-дра мы не разъ наталкиваемся на слѣды глубокихъ переворотовъ, мучительныхъ иногда для него самого, наблюдаемъ различныя ступени послѣдовательнаго развитiя, за которыми чувствуется тяжелая драма; наоборотъ, въ душевномъ обиходѣ Николая мы не замѣчаемъ никакихъ переворотовъ и переломовъ. Ему не досталось ни одной черты изъ духовнаго богатства своей семьи: ни искристаго ума Екатерины, ни мечтательнаго разочарованiя Ал-дра, ни ѣдкой насмѣшливости Михаила, младшаго брата, ни даже мрачной страстности отца, Павла Петровича. Николай поражаетъ, такъ сказать, необыкновенной „прѣсностью" своей натуры, которая еще болѣе подчеркивается внѣшней величавостью. Что бы ни говорили его панегиристы въ прозѣ и стихахъ, но мы должны сознаться, что въ теченiе всего своего царствованiя онъ оставался мало образованнымъ, ограниченнымъ и самонадѣяннымъ заурряднымъ бригаднымъ генераломъ.

Въ нашемъ распоряженiи имѣется богатый матерiалъ, при помощи котораго мы можемъ возсоздать образъ этого человѣка еще съ раннихъ годовъ младенчества: напр., сохранившiеся дневники „придворныхъ кавалеровъ" (т. е. приставленныхъ къ Николаю „дядей" для наблюденiя за его воспитанiемъ), которые писались подъ непосредственнымъ впечатлѣнiемъ того или другого эпизода изъ жизни воспитанника. Уже своей фигурой съ перваго момента появленiя на свѣтъ Николай обращалъ на себя вниманiе. Такъ, въ нашемъ рас-

поряженіи имѣется письмо Екатерины къ Гримму, въ которомъ она писала: „Сегодня въ 3 часа утра мамаша (т. е. Марія Федоровна) родила большущаго мальчика, котораго назвали Николаемъ. Голосъ у него—басъ, и кричитъ онъ удивительно; длиною онъ аршинъ безъ двухъ вершковъ, а руки у него немного меньше моихъ. Въ жизни моей первый разъ вижу такого рыцаря. Если онъ будетъ продолжать, какъ началъ, то братья его окажутся карликами передъ этимъ колоссомъ". Психологическая природа Николая тоже сразу опредѣлилась въ основныхъ своихъ чертахъ. Въ то время, какъ воспитаніемъ старшихъ братьевъ—Александра и Константина—руководила Екатерина, младшіе находились подъ надзоромъ своей матери—Маріи Федоровны. Главнымъ воспитателемъ старшихъ былъ Лагарпъ, воспитателемъ младшихъ—Ламсдорфъ. Пріемы воспитанія у послѣдняго были совсѣмъ иные: когда Николай выводилъ его изъ терпѣнія, онъ схватывалъ его за грудь и билъ спиною о стѣну до тѣхъ поръ, пока тотъ не смирялся. О характерѣ Николая гласятъ записи въ дневникахъ придворныхъ кавалеровъ, въ которыхъ онъ рисуется тяжелымъ, непріятнымъ мальчикомъ, доставляющимъ много хлопотъ и огорченій воспитателямъ и сверстникамъ. Кавалеры отмѣчаютъ, что почти каждая игра съ участіемъ Николая кончается печально: то онъ причиняетъ кому-нибудь боль, то, разсердясь на своихъ братьевъ, беретъ игрушечный топорикъ и рубитъ имъ игрушки товарищей по игрѣ. Часто впадая въ гнѣвъ, при малѣйшей удачѣ онъ сейчасъ же принимаетъ самодовольный и заносчивый видъ. Въ играхъ онъ рано началъ обнаруживать заносчивость, требуя всегда первой роли; не имѣя особенныхъ дарованій, которыя бы выдвигали его на первое мѣсто, Николай заставлялъ товарищей подчиняться его верховенству не въ силу признанія его преимуществъ, а только насиліемъ. Къ тому же онъ никогда не сознавался въ своихъ ошибкахъ и недостаткамъ иначе, какъ будучи принуждаемъ къ тому силою. Онъ былъ совершенно лишенъ юмора и неспособенъ понимать шутокъ, но, не желая отставать отъ своего младшаго брата, Михаила, отличавшагося ѣдкой насмѣшливостью. Николай очень часто пытался тяжеловѣсно острить. Часто впослѣдствіи Николая

называли рыцаремъ, кажется, за его любовь становиться въ рыцарскую позу, которой онъ любилъ щегольнуть. Но въ натурѣ этого человѣка не было ни единой черты истиннаго рыцарства: великодушія и справедливости, храбрости и прямоты. Напротивъ, придворные кавалеры въ своемъ дневникѣ отмѣчаютъ у Николая свойства, которыя противорѣчатъ вышеуказаннымъ чертамъ. „Вел. кн. Михаилъ, читаемъ мы въ этомъ дневникѣ, часто хвалитъ своего брата. Николай всегда хвалитъ только самого себя“ Въ дѣтствѣ онъ часто обнаруживалъ большую трусость: очень любя игру въ военное дѣло, онъ страшно боялся стрѣльбы и испуганно прятался въ это время подъ мебель. Однажды его близкій товарищъ, будущій государственный дѣятель, графъ Адлербергъ, нашелъ его во время стрѣльбы за занавѣской и захотѣлъ вывести его оттуда, но Николай такъ ударилъ его въ лобъ прикладомъ ружья, что шрамъ остался на всю жизнь. На того же самаго графа Адлерберга Николай однажды за что-то разсердился и, бросившись обнимать и ласкать его, вдругъ со свирѣпымъ выраженіемъ укусилъ его за палецъ.

Съ годами Николай понемногу отдѣлался отъ нѣкоторыхъ отрицательныхъ чертъ своего характера, наприм., въ послѣдующей жизни онъ не разъ проявлялъ значительную храбрость, но прямодушіе и справедливость остались навсегда чужды его душѣ: напротивъ, ему было всегда свойственно коварство. Еще въ дѣтскіе годы, когда необходимо было кого-нибудь вышутить, Николай, чувствуя свою неспособность къ ѣдкой шуткѣ и сарказму, старался возстановить противъ него своего брата, насмѣшника-Михаила, чтобы уничтожить врага. Во время предварительнаго слѣдствія надъ декабристами, въ которомъ онъ являлся искуснымъ актеромъ, дипломатомъ, чѣмъ угодно, только не искреннимъ рыцаремъ, имп. Николай не могъ воздержаться отъ того, чтобы во время политическаго процесса не сводить свои старые личные счеты съ нѣкоторыми, напр. съ поручикомъ Норомъ, который былъ замѣшанъ въ эту исторію, не будучи даже прикосновененъ къ ней. Еще раньше, когда Николай былъ только вел. кн. и начальникомъ военныхъ частей, онъ оскорбилъ этого поручика настолько, что вызвалъ единодушный протестъ всего

офицерства, чего потомъ Николай ему не простилъ. Во время начавшагося вскорѣ слѣдствія противъ декабристовъ, поручикъ Норъ былъ запутанъ въ дѣло, и Николай выдержалъ его сначала въ Шлиссельбургской крѣпости нѣсколько лѣтъ, потомъ отправилъ на земляныя работы въ Бобруйскую крѣпость и, наконецъ, на всю жизнь сослалъ на Кавказъ. Эти черты сопровождали Николая и въ дальнѣйшей жизни. Когда онъ сталъ уже взрослымъ человѣкомъ, вступилъ на престолъ и былъ отцомъ семейства, его мать все же въ различныхъ запискахъ постоянно совѣтуетъ ему слѣдить за своимъ обращеніемъ съ окружающими: умѣрять по возможности свой голосъ, имѣющій жесткіе оттѣнки, и располагать къ себѣ людей, а не отталкивать ихъ своей грубостью. Супруга Александра Павловича, имп. Елизавета Алексѣевна, въ одномъ изъ писемъ къ матери, характеризуя членовъ русской императорской фамиліи, говоритъ о Николаѣ, какъ о человѣкѣ грубомъ и ограниченномъ. Въ бытность свою начальникомъ цѣлаго ряда военныхъ частей въ Петербургѣ, Николай возбудилъ противъ себя и солдатъ и офицеровъ обращеніемъ съ ними, не щадилъ ихъ человѣческаго достоинства, косо смотрѣлъ на увеличеніе среди нихъ умственныхъ интересовъ и любилъ хвастаться, что „вгонитъ въ чахотку всѣхъ философовъ“. Однажды, когда онъ очень грубо оскорбилъ любимца солдатъ, заслуженнаго генерала, начальникъ кавалерійскаго корпуса, кн. Васильчиковъ заставилъ его даже публично извиниться передъ обиженнымъ. Нелюбовь же къ нему солдатъ и офицеровъ не только ни для кого не была тайной, но онъ и самъ сознавалъ это. Кстати для характеристики имп. Николая, можно упомянуть о переговорахъ между нимъ и Константиномъ по вопросу о престолонаслѣдіи по смерти Ал-дра I. Первоначально присяга была принесена нѣкоторыми частями войскъ Константину, но во время послѣдовавшихъ переговоровъ между братьями Константинъ формально отрекся отъ короны. Это подало поводъ къ замѣшательству въ войскахъ, которое закончилось бунтомъ 14-го декабря. Офиціальные историки, какъ баронъ Корфъ въ своей книгѣ „Восшествіе на престолъ Николая I“, объясняютъ продолжительные переговоры борьбой двухъ братскихъ ве-

ликодушій: каждый хотѣлъ уступить престолъ другому. Историческіе же документы освѣщаютъ этотъ фактъ совершенно иначе; передъ нами напротивъ развертывается картина чувства самосохраненія и осторожности съ одной стороны и чувства полнаго равнодушія къ престолу—съ другой. Еще при жизни Ал-дра I былъ поднятъ и рѣшенъ вопросъ объ устраненіи Константина отъ престола послѣ его брака съ графиней Ловичъ. Этотъ отказъ былъ формально зарегистрированъ въ документахъ, копія которыхъ была положена въ ковчежецъ въ Сенатѣ, а подлинникъ хранился въ ризницѣ московскаго Успенскаго собора. Николай, будучи посвященъ въ этотъ планъ, хотѣлъ взойти на престолъ тотчасъ же послѣ смерти Ал-дра, но на семейномъ совѣтѣ, въ которомъ принялъ участіе и гр. Милорадовичъ, было рѣшено держаться иной политики. Милорадовичъ сказалъ Николаю: „Вы знаете, какъ васъ ненавидятъ войска и, если Вы сейчасъ примете корону, въ то время, какъ отказъ вел. кн. Константина не былъ оглашенъ во всеобщее свѣдѣніе, то очень можетъ быть, что это вызоветъ большое замѣшательство“, и предложилъ, чтобы Константинъ сначала принялъ корону, лично пріѣхавъ въ Петербургъ, и потомъ уже огласилъ свой добровольный отказъ. Николай согласился съ этимъ и настойчиво призывалъ брата въ Петербургъ, чтобы избѣжать недоразумѣній при своемъ воцареніи.

Всѣ вышеотмѣченныя черты духовной личности Николая не были смягчены ни воспитаніемъ, ни образованіемъ, ни практическимъ участіемъ въ государственномъ управленіи. Онъ получилъ очень скудное образованіе, интересуясь только нѣкоторыми науками прикладного характера, напр. любимымъ имъ инженернымъ искусствомъ, въ которомъ былъ довольно свѣдущъ. Къ предметамъ общеобразовательнаго характера, знаніе которыхъ такъ необходимо правителю обширной страны, Николай обнаруживалъ большое равнодушіе. Онъ самъ пишетъ: „Мы съ братомъ Михаиломъ получили бѣдное образованіе. На урокахъ мы или дремали или рисовали какой-нибудь вздоръ иногда собственныя карикатуры профессоровъ, а потомъ, къ экзаменамъ выучивали кое-что въ долбежку безъ плода и пользы для будущаго“. Помимо препо-

дававшагося ему инженернаго искусства, Николай очень рано сильно пристрастился къ военщинѣ. Это была наслѣдственная черта въ ихъ семьѣ, именно склонность къ парадоманіи и экзерпиціямъ, которыя не имѣли прямого отношенія къ задачамъ серьезнаго военнаго дѣла. Николай неизмѣнно участвовалъ во всѣхъ военныхъ ученіяхъ, разрабатывалъ подробности военнаго устава, по вечерамъ иногда предаваясь дополнительнымъ военнымъ занятіямъ. Напр., одинъ изъ очевидцевъ пишетъ, что онъ иногда вечеромъ приказывалъ привести во дворецъ нѣсколькихъ солдатъ, заставлялъ ихъ разуваться, самъ снималъ сапоги и цѣлый вечеръ проводилъ съ ними въ залахъ дворца, выдѣлывая различныя военныя упражненія. Между прочимъ, Николай былъ совершенно лишенъ дара военачальника и, когда ему пришлось, уже будучи императоромъ, принять участіе въ первой турецкой войнѣ, то здѣсь обнаружилась его полная неспособность къ военнымъ распоряженіямъ, неумѣніе беречь силы солдатъ, которыхъ онъ изнурялъ ежедневными военными маневрами послѣ тяжелыхъ переходовъ, и безъ того сильно утомлявшихъ войско. Чувство величайшаго облегченія испытала армія, когда онъ оставилъ театръ военныхъ дѣйствій, на опытѣ понявъ свою неспособность въ роли ея руководителя, что не умѣрило однако, его прежней любви къ парадамъ и разводамъ въ мирное время.

Что касается участія имп. Николая въ государственномъ управленіи, въ разсмотрѣніи государствен. дѣлъ, то до самаго воцаренія онъ въ этомъ отношеніи не получилъ никакой серьезной подготовки. Вотъ что онъ пишетъ въ своихъ автобіографическихъ запискахъ: „До 1818 г. я не имѣлъ никакихъ занятій, все мое знакомство со свѣтомъ ограничивалось ежедневнымъ ожиданіемъ въ передней выхода императора, гдѣ, какъ на биржѣ, десятками собирались офицеры, пріѣзжіе генералы и др. лица; тамъ проводили мы часы, пока они не были призываемы къ императору съ докладами. Отъ нечего дѣлать время проходило въ обсужденіи различныхъ происшествій въ гвардіи и всякаго рода оцѣнкахъ, въ то же время занимались пересудами о правительствѣ. Я видѣлъ это, сначала не принималъ участія, а въ концѣ-концовъ началъ

смѣяться вмѣстѣ съ прочими". Вотъ единственная его школа— дворцовая передняя. Пребываніе въ этой непринужденной толпѣ, несдерживаемой присутствіемъ высшаго начальника, свободно передававшей другъ другу пересуды о начальственныхъ лицахъ, конечно, могло бы принести нѣкоторую пользу будущему государю, показывая ему людей съ ихъ обратной стороны, знакомя его съ существующимъ порядкомъ отношеній. Но это знакомство будущаго императора съ мрачными сторонами общежитія, пріучая его относиться недовѣрчиво къ достоинству человѣческой личности, однако не дало ему сознанія, что исправленіе этихъ недостатковъ возможно лишь при условіи осуществленія широкихъ плановъ государственныхъ преобразованій. Напротивъ, эта обстановка привела его къ той мысли, что исправить возможно лишь при помощи строгой начальственной муштровки, постояннаго наблюденія надъ тѣмъ, что совершается кругомъ, безъ желанія внести въ жизнь какой-нибудь обще-оздоровляющій принципъ. Незадолго до вступленія на престолъ Николай совершилъ быстрое путешествіе по Россіи съ цѣлью посѣтить цѣлый рядъ городовъ имперіи и сообщить императору результатъ своихъ объѣздовъ. И онъ аккуратно представлялъ государю обстоятельные рапорты, несмотря на то, что въ каждомъ городѣ останавливался не болѣе, какъ на 1—2 дня и, слѣдовательно, не могъ внимательно войти въ разсмотрѣніе его порядковъ. Какъ теперь оказывается, всѣ его отчеты прямо воспроизводили рапорты, представленные ему мѣстными губернаторами. Такой объѣздъ могъ утвердить въ Николаѣ привычку къ требованію только внѣшняго единообразія и порядка. Подъ дѣйствіемъ всѣхъ этихъ вліяній и выработался тотъ опредѣленный типъ, который явилъ собою Николай въ качествѣ государя. Нельзя сказать, чтобы онъ вначалѣ не имѣлъ опредѣленной программы дѣятельности, но она свидѣтельствовала о скудости его политическаго сознанія. Вступая на престолъ, онъ, конечно, зналъ многія язвы государственной и общественной жизни, но сосредоточилъ свою программу только на стремленіи всѣхъ подтянуть, заставить трепетать передъ собою, хотя на практикѣ все сводилось къ тому, что трепетъ былъ больше въ его присут-

ствіи и исчезалъ, лишь только ревизія проходила. Необходимо же было широкое и глубокое измѣненіе общихъ условій, въ которыхъ тогда развивалась государственная и общественная жизнь. Но на эту точку зрѣнія Николай никогда встать не пытался, полагая, что одного трепета достаточно, чтобы заставить всѣхъ изъ хищниковъ и корыстныхъ дѣятелей превратиться въ вѣрныхъ слугъ своего отечества.

Движеніе общественной мысли при Николаѣ I.

Если мы обратимся къ состоянію общественной мысли при Николаѣ I, то увидимъ здѣсь картину во многомъ противоположную той, которую наблюдали при Александрѣ. Послѣ бури, разразившейся 14 декабря и унесшей 5 человѣкъ въ могилу, а десятки въ далекую Сибирь, общественная мысль надолго какъ бы глохнетъ. Она отвлекается отъ практической политики и уходитъ въ область нѣмецкой идеалистической и метафизической философіи. Шеллингъ и Гегель становятся оракуламн для передовой части русск. общества 30—40-хъ гг. Надо замѣтить, однако, что это увлеченіе метафизической философіей, на время отвлекши мысль отъ практической политики, все же, въ концѣ-концовъ, привело ее къ критикѣ существующаго строя. Изъ этого направленія вышли два крупныхъ теченія того времени: слафянофильство и западничество. Оба они подъ вліяніемъ Гегелевской философіи совершенно различно смотрятъ на дѣйствительность, но оба одинаково приводягъ къ абстрактной критикѣ существующаго порядка. Славянофилы находили свои идеалы въ допетровской Руси, въ Западной Европѣ—западники; одни искали ихъ въ прошломъ, другіе—въ будущемъ, но и тѣ другіе относились отрицательно къ настоящему. Однако, эта оппозиція, эта критика носила теперь совершенно другой характеръ, чѣмъ въ эпоху Ал-дра I. Тогда не только критиковали, но и набрасывали планы дѣйствія—считали возможнымъ сами принимать участіе въ переустройствѣ Россіи. Люди же 30—40-хъ гг. видѣли передъ собой дѣйствительность, которая ясно показывала всю невозможность скораго активнаго

выступленія. Они не шли далѣе своихъ отвлеченныхъ идеаловъ, не образовали никакой организаціи: это были политическіе мыслители, а не политическіе дѣятели, что они прекрасно сознавали и сами. Но въ 40-хъ гг. появляется, однако, новое теченіе въ движеніи русской общественной мысли: возникаетъ обостренный интересъ къ распространившейся въ то время на Западѣ соціалистической литературѣ; такимъ образомъ, наряду съ славянофилами и западниками образовалась группа петрашевцевъ, увлекавшихся франц. утопическимъ соціализмомъ. Научный соціализмъ съ его выразителемъ, Карломъ Марксомъ, не успѣлъ еще оказать вліянія на складъ мысли. и въ З. Европѣ—Сенъ-Симонъ, Фурье, Кабэ—были единственными руководителями соціальнаго движенія того времени. Увлеченіе этимъ утопическиыъ соціализмомъ опять-таки не могло привести людей къ стремленію непосредственно вмѣшаться въ живую дѣйствительность: они ждали для соціальнаго переустройства чуда въ видѣ идеальнаго богача, который бы обновилъ на свои средства весь существующій общественный порядокъ. Можно было изучать эти теоріи, но примѣнять ихъ къ дѣлу было трудно. Вотъ почему петрашевцы, хотя и подходили къ дѣйствительности ближе, чѣмъ славянофилы и западники, все же были мыслителями, а не дѣятелями, и такъ же не создали никакой политической организаціи. Чтобы понять, насколько дѣйствительно была невозможна какая-либо организованная общественная дѣятельность въ эпоху Николая I, нужно только вспомнить, какимъ гоненіямъ подверглись и эти мирные мыслители: движенія славянофиловъ и западниковъ были на плохомъ счету у правительства, что же касается Петрашевскаго и его кружка, то наиболѣе видныхъ изъ его членовъ приговорили сначала къ смертной казни, и только тогда, когда возвели на эшафотъ, надѣли мѣшки, то объявили „помилованіе", а потомъ сослали въ Сибирь, откуда многіе такъ и не возвратились.

Преобразовательные планы правительства во 2-ую четверть 19 вѣка.

Разсмотримъ теперь правительственную дѣятельность го-

сударя Николая Павловича въ теченіе второй четверти 19-го столѣтія. И въ литературѣ и въ обществѣ распространено мнѣніе, что въ теченіе всего царствованія Николая I правительство совершенно не задавалось преобразовательными планами, а сосредоточивало свои усилія на полицейскомъ поддержаніи существующаго порядка. Такое сужденіе не можетъ быть принято всецѣло. Въ этомъ отношеніи царствованіе Николая Павловича слѣдуетъ раздѣлить на 2 періода:

1) первая половина царствованія Николая до 1849 г., когда правительство, съ излишней смѣлостью бралось за обсужденіе самыхъ широкихъ преобразовательныхъ вопросовъ, хотя это обсужденіе и ставилось исключительно на бюрократическую почву: правительство не допускало къ участію представителей самого населенія;

2) послѣ 1849 г., когда правительство, напуганное революціоннымъ движеніемъ на Западѣ, отказывается отъ какихъ бы то ни было преобразовательныхъ начинаній, и вступаетъ въ силу необузданный политическій терроръ, неограниченная цензура надъ свободнымъ проявленіемъ общественной мысли.

„Секретные" комитеты.

Послѣ расправы съ декабристами (1825 г.) наступилъ штиль—никто не думалъ о конспиративной дѣятельности. Снявъ съ очереди политическую реформу, правительство ставитъ вопросы, 1) въ какомъ размѣрѣ и 2) въ какомъ направленіи должна быть разрѣшена соціальная реформа. Но, поставивъ эти вопросы, правительство, однако, твердо установило, что разработка ихъ должна производиться безъ всякаго участія общественнаго мнѣнія, общественной работы, только силами бюрократіи; эта работа велась въ секретныхъ и секретнѣйшихъ комитетахъ членами, облеченными довѣріемъ монарха. Работа шла конспиративно подъ покровомъ величайшей тайны.

Серія секретныхъ и секретнѣйшихъ комитетовъ открылась комитетомъ 6-го декабря 1826 года, просуществовавшимъ до 1830 г. Въ немъ наиболѣе широко былъ захваченъ тотъ кругъ вопросовъ, которые разбирались и во всѣхъ послѣдующихъ комитетахъ, но только частично. На его дѣя-

тельности необходимо остановить наше вниманіе. Комитету 26 года было поручено 1) разсмотрѣть оставшіяся въ кабинетѣ покойнаго императора бумаги и 2) пересмотрѣть „Положеніе о высшихъ государственныхъ учрежденіяхъ“ (Государственномъ Совѣтѣ, Сенатѣ, Министерствахъ) и намѣтить возможныя въ нихъ перемѣны. Такая первоначальная задача, возложенная на комитетъ 1826 года, съ теченіемъ времени осложнилась еще однимъ порученіемъ—разсмотрѣть вопросъ о запрещеніи на будущее время продажи крестьянъ безъ земли, что подало комитету поводъ заняться выработкой цѣлаго „Закона о состояніяхъ“, затрагивавшаго положеніе всѣхъ сословій русскаго населенія. Такимъ образомъ, работы комитета 1826 г. обнимали собою вопросы о переустройствѣ высшихъ и провинціальныхъ административныхъ учрежденій, а также и вопросы соціальные. Самый методъ занятій комитета оказался типичнымъ для всей послѣдующей правительственной дѣятельности. Во-первыхъ, занятія велись въ глубокой тайнѣ; казалось, будто Николай воспринялъ отъ тайныхъ обществъ конца царствованія Александра ихъ стремленія къ конспираціи. Первыя опасались правительственнаго преслѣдованія, самодержавный же императоръ боялся общественнаго броженія, которое могло бы вспыхнуть, по его мнѣнію, отъ преждевременнаго оглашенія обсуждаемыхъ проектовъ. Таинственность такъ усердно соблюдалась, что ихъ офиціальнымъ бумагамъ умышленно придавалось названіе, не имѣвшее ничего общаго съ дѣйствительнымъ содержаніемъ работы. Комитетъ 26 г., приступая къ обсужденію того или другого вопроса, начиналъ протоколы своихъ засѣданій съ торжественнаго провозглашенія какого-нибудь громкаго принципа. Но это было только бюрократической декораціей. Торжественно провозгласивъ эффектный принципъ, комитетъ переходилъ къ различнымъ словеснымъ ухищреніямъ, съ помощью которыхъ доказывалъ или невозможность его практическаго примѣненія, или давалъ ему такую неожиданную формулировку, что отъ провозглашеннаго принципа не оставалось и слѣда. Что касается разсмотрѣнія бумагъ, оставшихся послѣ смерти Александра, то съ этимъ тоже было покончено очень быстро. Затѣмъ комитетъ перешелъ къ

высшимъ государственнымъ учрежденіямъ, чтобы намѣтить усовершенствованія и измѣненія въ нихъ. Здѣсь комитетъ вначалѣ провозгласилъ важный принципъ раздѣленія властей. Послѣдовательное проведеніе его въ устройствѣ высшихъ государственныхъ учрежденій должно было привести къ коренной переработкѣ всего строя имперіи, къ замѣнѣ самодержавной монархіи правовымъ конституціоннымъ государствомъ. Но окружавшіе тронъ Николая сановники не помышляли о возможномъ ограниченіи самодержавія, и вопросъ о реформѣ управленія .былъ снятъ съ очереди. При этомъ принципъ раздѣленія властей былъ оставленъ какъ неосуществимый. Несмотря на то, что въ комитетѣ работалъ Сперанскій, который теперь снова находился на вершинѣ государственной славы и поражалъ всѣхъ блескомъ своего пера, (въ немъ напрасно мы стали бы искать прежняго смѣлаго реформатора),—комитетъ 26-го г. старался только о томъ, чтобы подвести теоретическій фундаментъ подъ существующій порядокъ,—и вопросъ о выборномъ составѣ Сената былъ снятъ съ очереди. Комитетъ объяснялъ неудовлетворительный составъ Сената правилами, согласно которымъ сенаторами могли быть только лица съ чиномъ тайнаго и дѣйствительнаго тайнаго совѣтника. „Поэтому, говорилъ комитетъ, надо расширить этотъ кругъ, назначая сенаторовъ еще и изъ дѣйствительныхъ статскихъ совѣтниковъ, но послѣдніе не должны называться с е н а т о р а м и, (хотя и будутъ засѣдать въ Сенатѣ и пользоваться всѣми правами и преимуществами его членовъ), чтобы не вводить въ соблазнъ общество". Любопытна отмѣтка государя на протоколѣ: „Можно ли и изъ среды дѣйствительныхъ статскихъ совѣтниковъ найти людей, которые удовлетворяли бы назначенію сенаторовъ?" Она показываетъ, что самъ Николай, всецѣло опиравшійся на бюрократію, чрезвычайно скептически относился къ ея способностямъ. Чтобы помочь горю, онъ предложилъ замѣнить на будущее время табель чиновъ табелью должностей, т. е. замѣщать должности независимо отъ чина того или другого лица. Покончивъ съ этимъ, комитетъ перешелъ къ вопросу о независимости суда отъ администраціи. Въ своемъ протоколѣ комитетъ считалъ начала независимости суда отъ ад-

министраціи краеугольнымъ камнемъ государственнаго порядка во всѣхъ просвѣщенныхъ странахъ и необходимымъ условіемъ правильнаго функціонированія суда. Однако, комитетъ, провозгласивши этотъ принципъ, находилъ рискованнымъ примѣненіе его на практикѣ, потому что судьи могутъ допускать иногда такія злоупотребленія, которыя не могутъ быть доказаны по суду и отъ которыхъ они воздержатся только изъ страха передъ административной карой. Этими немногими словами комитетъ покончилъ съ независимостью суда отъ администраціи, и все осталось по старому, даже государь ничего не возразилъ на это въ своей высочайшей отмѣткѣ.

Перейдемъ къ работѣ комитета 26 г. по переустройству министерствъ. Здѣсь комитетъ предназначилъ къ уничтоженію комитетъ министровъ, который постепенно узурпировалъ законосовѣщательную власть Гос. Совѣта, помимо его представляя законопроекты прямо на утвержденіе монарха. Комитетъ нашелъ такое положеніе вещей нарушающимъ принципъ раздѣленія властей: органъ исполнительной власти вмѣшивается въ обсужденіе законопроектовъ. Однако, комитетъ министровъ былъ вскорѣ возстановленъ, только подъ другимъ названіемъ: совѣщаніе министровъ между собою въ составѣ Госуд. Совѣта, что, въ концѣ концовъ, было однимъ и тѣмъ же. Такими отдѣльными, совершенно ничтожными заплатами на обветшавшемъ рубищѣ тогдашней государственной системы и ограничилась работа комитета 26 г. по переустройству высшихъ государственныхъ учрежденій, которыя остались въ своемъ прежнемъ видѣ.

Обсудивъ, такимъ образомъ, вопросъ объ организаціи высшихъ государственныхъ учрежденій, комитетъ 26 г. занялся разработкой плана усовершенствованія строя провинціальныхъ, областныхъ учрежденій. Если при организаціи центральныхъ учрежденій комитетъ руководствовался принципомъ раздѣленія властей, то по отношенію къ провинціальной администраціи онъ поставилъ себѣ весьма важную задачу организовать правильный мѣстный контроль. Учрежденіе контроля, основаннаго на твердыхъ началахъ закона, должно замѣнить слабый контроль губернскаго прокурора и

произвольный—генералъ-губернатора. Это глубокая мѣра при своемъ послѣдовательномъ проведенiи должна была внести существенныя измѣненiя въ строй администрацiи, но комитетъ въ дальнѣйшемъ свелъ ее къ нѣсколькимъ положенiямъ, которыя все оставили по старому. Записку по этому вопросу внесъ Сперанскiй, въ которой онъ предлагалъ въ опредѣленные сроки созывать соединенное присутствiе административныхъ и судебныхъ учрежденiй, чтобы ихъ члены могли совмѣстно разсматривать различные вопросы и случаи въ административной практикѣ. Предполагалось, что чиновники будутъ контролировать другъ друга. При этомъ возникъ вопросъ о председателѣ. Сперанскiй предлагалъ поставить во главѣ такихъ собранiй мѣстныхъ предводителей дворянства. Изъ высочайшей отмѣтки на этомъ протоколѣ комитета видно, что вопросъ о немъ представлялся государю очень сложнымъ: назначать председателями предводителей дворянства онъ считалъ нецѣлесообразнымъ, т. к. они явились бы выразителями желанiй только одного дворянскаго сословiя, а во-вторыхъ, возложенiе на дворянъ новыхъ обязанностей явится нарушенiемъ Жалованной Грамоты и вызоветъ неудовольствiе въ дворянской средѣ. Предоставить губернаторамъ назначать председателей по своему усмотрѣнiю,—но можно ли на нихъ положиться? Присылать изъ центра спецiальныхъ сановниковъ нельзя, потому что негдѣ взять достаточнаго количества лицъ, которымъ можно было бы предоставить это важное дѣло. Николай нашелъ такой выходъ изъ этого безвыходнаго положенiя: председатели этихъ собранiй назначались по усмотрѣнiю министерства внутреннихъ дѣлъ изъ кандидатовъ, половина которыхъ предлагалась мѣстнымъ губернаторамъ, а другая половина выбиралась мѣстнымъ дворянствомъ. Такимъ образомъ, императоръ хотѣлъ найти выходъ въ совмѣщенiи обоихъ раскритикованныхъ имъ же самимъ способовъ, а въ области провинцiальной администрацiя всѣ работы комитета свелись къ оставленiю существующаго порядка въ неприкосновенности съ самыми незначительными практическими измѣненiями. Немудрено, что правительство приходило къ такимъ рѣшенiямъ преобразовательныхъ вопросовъ; чтобы выдвинуть какое-ни-

будь преобразованіе, реально усовершенствующее существующій порядокъ, нужно непремѣнно опираться на вѣру въ какую-нибудь творческую силу: сторонники народоправія вѣрятъ въ самодѣятельность народа, сторонники просвѣщеннаго абсолютизма вѣрятъ въ мудрость и исполнительность бюрократіи. Правительство же Николая I не вѣрило ни въ то, ни въ другое. Въ широкихъ кругахъ общества распространено мнѣніе, что Николай, подавляя общественную самодѣятельность, возлагалъ всѣ надежды на бюрократію, но это не совсѣмъ вѣрно; опасаясь общественной самодѣятельности, онъ не вѣрилъ и въ бюрократію, и въ своихъ отмѣткахъ высказывалъ о ней самыя пессимистическія сужденія.

Теперь мы остановимся на работахъ комитета по крестьянскому вопросу, которымъ Николай заинтересовался по одному частному случаю. Онъ внесъ на обсужденіе комитета вопросъ о запрещеніи на будущее время продажи крестьянъ безъ земли. Комитетъ всполошился, опасаясь, что запрещеніе взволнуетъ и дворянъ и крестьянъ: первые усмотрятъ въ этомъ посягательство на свои права, крестьянъ же взволнуютъ несбыточныя надежды на полное освобожденіе,—все это поведетъ къ опасному броженію въ странѣ. Но, считая невозможнымъ совершенно отвергнуть предложеніе государя, комитетъ 26 г, постановилъ издать указъ о запрещеніи продавать крестьянъ безъ земли. А чтобы не явилось мысли, что правительство думаетъ только о крестьянахъ, комитетъ предположилъ издать его вмѣстѣ съ выработаннымъ цѣлымъ „закономъ о состояніяхъ“, въ которомъ всѣмъ сословіямъ были бы предоставлены какія-нибудь льготы. Однимъ изъ параграфовъ этого закона должно было явиться и „запрещеніе продавать крестьянъ безъ земли“, чтобы оно затерялось въ массѣ льготъ для другихъ сословій. Государь одобрилъ эту мысль, и комитетъ приступилъ къ выработкѣ законопроекта о состояніяхъ, который не получилъ все-таки силы дѣйствующаго закона. Всѣ сословія: духовенство, дворянство, купечество, крестьянство были въ немъ упомянуты Что касается духовенства, то съ самаго начала рѣшено было ограничиться воспроизведеніемъ уже существующихъ узаконеній о духовенствѣ. Хотя въ новомъ законѣ повторялось

то, что уже существовало въ старыхъ, но комитету это было необходимо для соблюденія симметріи, чтобы всѣ сословія были въ немъ одинаково упомянуты. Такимъ образомъ, законъ этотъ начинался съ подлога: подъ именемъ новыхъ льготъ духовенству были воспроизведены существовавшіе ранѣе законы. По отношенію къ дворянству главныя преположенія комитета сводились къ слѣдующему: 1) ввести законъ о майоратѣ для дворянскихъ имѣній, 2) запретить пріобрѣтать дворянское достоинство людямъ недворянскаго происхожденія путемъ выслуги чиновъ.

Вопросъ этотъ давно безпокоилъ дворянскіе круги. Петръ Великій ввелъ законъ и табель о рангахъ, по которому каждый, дослужившійся до 8-го класса, получалъ дворянское званіе, и въ составъ дворянства начался притокъ демократическаго элемента. Представители же старыхъ дворянскихъ родовъ стремились видѣть дворянство замкнутое само по себѣ, какъ аристократическое сословіе, а такъ какъ законъ Петра Великаго продолжалъ дѣйствовать, то комитетъ и рѣшилъ отмѣнить полученіе дворянскаго званія путемъ выслуги чина, предложивъ вмѣсто этого давать дослужившимся только почетное гражданство. Надъ купечествомъ, раздѣленнымъ на гильдіи, предполагалось поставить еще разрядъ средняго сословія — почетнаго гражданства, которому предполагалось давать нѣкоторыя права дворянъ. Эта льгота только отнимала у средняго сословія прежнія права.

Наконецъ, комитетъ впервые при Николаѣ поставилъ на очередь крестьянскій вопросъ, который занялъ важное мѣсто въ дальнѣйшей правительственной работѣ. Докладчикомъ явился Сперанскій, представившій обширную записку, въ которой была дана программа разработки крестьянскаго вопроса. Этой программы держалось правительство и впослѣдствіи. Записка Сперанскаго интересна еще и потому, что она показываетъ, какимъ мастеромъ былъ Сперанскій въ подысканіи теоретическаго обоснованія для тѣхъ мѣропріятій, которыя бы позволили отложить въ дальній ящикъ очередные вопросы. Докладчикъ начинаетъ свою записку разсужденіемъ о томъ, существуетъ ли у насъ крѣпостное право, которое хотятъ отмѣнить? И онъ утверждаетъ, что крѣпостного пра-

ва въ его чистомъ видѣ нѣтъ, т. к. оно подверглось полному искаженію. Значитъ, нужно прежде всего возстановить его въ первоначальной чистотѣ и отмѣнить наслоившееся на немъ позднѣйшее искаженіе. Такъ, проектъ отмѣны крѣпостного права Сперанскій очень хитроумно подмѣнилъ вопросомъ о его возстановленіи. Первоначально, говоритъ авторъ записки, крѣпостное право заключалось въ прикрѣпеніи крестьянина къ землѣ, а не къ господину; крестьянинъ обязанъ былъ работать на опредѣленномъ участкѣ земли, принадлежащемъ государству, который оно только давало въ пользованіе помѣщикамъ вмѣстѣ съ крестьянами, поселенными на немъ. Къ концу 17-го и особенно 18-го в. истинная природа крѣпостного права начала постепенно искажаться: прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ замѣнилось прикрѣпленіемъ къ землевладѣльцу, крестьяне стали рабами, появились случаи продажи крестьянъ безъ земли. Сперанскій и предлагалъ раньше отмѣны крѣпостного права вернуться къ первоначальнымъ чистымъ его формамъ, чего можно достигнуть запрещеніемъ продажи крестьянъ отдѣльно отъ земли. И только уже впослѣдствіи можно будетъ подумать объ облегченіи крѣпостного права. Но и здѣсь, по его мнѣнію, надо дѣйствовать чрезвычайно осторожно: необходимо итти къ постепенному ослабленію крѣпостного права путемъ мелкихъ мѣропріятій, не ставя вопроса ребромъ. Онъ прежде всего предлагаетъ рядъ мѣръ, которыя упрощали бы порядокъ отпуска на волю крестьянъ по желанію помѣщиковъ. Затѣмъ Сперанскій указываетъ на опасность измѣненія въ положеніи крѣпостныхъ крестьянъ. Правительство можетъ пока заняться улучшеніемъ участи государственныхъ крестьянъ, которые поселены на казенныхъ земляхъ и управляются правительствомъ непосредственно, а положеніе ихъ очень тяжело. Это послужитъ благодѣтельнымъ примѣромъ для помѣщиковъ, которые при видѣ благосостоянія казенныхъ крестьянъ начнутъ подражать правительству и вводить улучшенія въ крестьянскую жизнь. Только для отдаленнаго будущаго онъ допускаетъ рѣшительныя мѣры по отношенію къ крѣпостному праву, и только въ видѣ установленія закономъ опредѣленнаго размѣра для оброковъ, чтобы оградить крестьянъ отъ

произвола помѣщиковъ. Дальше этой мысли Сперанскій не пошелъ. Съ особеннымъ удовольствіемъ ухватились члены комитета за мысль объ отсрочкѣ разрѣшенія крестьянскаго вопроса. Въ проектъ закона о состояніяхъ было, такимъ образомъ, введено запрещеніе продавать крестьянъ безъ земли. За эту мѣру высказался и самъ государь, и этимъ дѣло пока и ограничилось. Законъ комитетомъ былъ внесенъ въ Государственный Совѣтъ, прошелъ черезъ него, получилъ санкцію государя и юридически получилъ законную силу. Оставалось только огласить его черезъ Сенатъ во всеобщее свѣдѣніе, но Николаю показаласъ эта мѣра слишкомъ смѣлой, и онъ послалъ законъ на предварительное заключеніе Константина Павловича, который былъ въ то время главнокомандующимъ войсками Варшавскаго округа. Великій князь Константинъ изложилъ свое соображеніе относительно этого закона въ такомъ тонѣ, будто онъ являлся опаснѣйшей революціонной мѣрой, готовой потрясти престолъ. Шелъ 1830 годъ, во Франціи произошла іюльская революція, вызвавшая отголоски во многихъ странахъ Европы, и это напугало Константина Павловича, которому показалось, что революціонная волна захватила уже и Россію. Онъ писалъ Николаю: „Развѣ теперь моментъ начинать какія-нибудь измѣненія въ существующемъ порядкѣ вещей, когда на Западѣ все сотрясается, когда революціонный пожаръ охватываетъ государства? Теперь, наоборотъ, нужно твердо встать на зашиту государственнаго порядка и совершенно не время издавать новые законы, вводящіе измѣненіе въ существующій строй“. Такіе аргументы показались убѣдительными Николаю, и законъ о состояніяхъ никогда не вошелъ въ силу. Пролежавъ до послѣдняго времени въ архивахъ, онъ былъ извлеченъ уже не для практическаго примѣненія, а для историческаго изученія. Такими скромными результатами закончился первый актъ преобразовательной дѣятельности правительства Николая Павловича.

Вопросъ о преобразованіи центральныхъ учрежденій.

Занятія секретнаго комитета 1826 г. за четыре года его работы представляли цѣльную программу тѣхъ вопросовъ, которые ставились на очередь во все продолженіе царствованія Николая I: 1) вопросъ о преобразованіи центральныхъ учрежденій, 2) о преобразованіи областныхъ учрежденій и 3) о переустройствѣ соціальныхъ отношеній. Сдѣлаемъ бѣглый обзоръ главнѣйшихъ начинаній правительства Николая I по этимъ вопросамъ и разсмотримъ ихъ по предметамъ систематически, а не хронологически, начиная съ вопроса о переустройствѣ высшихъ государственныхъ учрежденій. Въ теченіе всего Николаевскаго царствованія въ этой области не было предпринято сколько-нибудь существенныхъ измѣненій. Все оставалось незыблемымъ въ своихъ главныхъ основаніяхъ, въ которыхъ оно существовало въ царствованіе Александра I. Но вѣдь одно дѣло—юридическія основанія того или другого учрежденія, другое дѣло—тотъ духъ, который вкладывается въ эти учрежденія на практикѣ. Въ этомъ отношеніи эпоха Николая I принесла съ собою нѣкоторыя характерныя черты.

Государственный Совѣтъ по комитету 1826 г.

Высшимъ государственнымъ учрежденіемъ въ имперіи являлся Государственный Совѣтъ. Вотъ краткая исторія этого учрежденія,—Государственный Совѣтъ появился въ своемъ настоящемъ видѣ, устройствѣ и положеніи, не въ одно царствованіе и даже не въ одно столѣтіе. Только въ царствованіе Александра I Государственный Совѣтъ получилъ полное устройство, главныя основанія котораго остались неизмѣнными и до послѣдняго времени. Онъ является высшимъ учрежденіемъ въ государственномъ управленіи и подаетъ совѣты по важнѣйшимъ законодательнымъ вопросамъ, которые рѣшаются верховною властью.

Въ Московскомъ государствѣ Государственному Совѣту соотвѣтствовала Боярская Дума изъ знатныхъ бояръ, которые обсуждали въ присутствіи царя законодательные вопросы, дѣла судебныя и дѣла внутренняго и внѣшняго управленія, а царь уже самъ постановлялъ по нимъ рѣшенія. При Петрѣ Великомъ ее замѣнилъ Сенатъ, въ которомъ сосредоточились дѣла внутренняго управленія, судъ и отчасти законодательство. Потомъ, въ теченіе всего 18 в. въ высшемъ управленіи появляются, одно за другимъ, высшія учрежденія подъ разными названіями: при Екатеринѣ I—Верховный Тайный Совѣтъ, при Аннѣ Іоанновнѣ—Кабинетъ, при Елизаветѣ Петровнѣ—Конференція и при Петрѣ III, Екатеринѣ II и Павлѣ I—Совѣтъ при Высочайшемъ Дворѣ. Всѣ эти учрежденія вызывались къ жизни потребностью въ высшемъ правительственномъ и законодательномъ учрежденіи.

На ряду съ ними существуетъ все время и Сенатъ, принимающій участіе въ высшемъ государственномъ управленіи, то, иногда, лишающійся своего первоначальнаго значенія въ государствѣ, то снова возвращающій его себѣ. Вмѣстѣ съ Сенатомъ и другія высшія учрежденія подготовляли появленіе въ Россіи высшаго правительственнаго и законодательнаго учрежденія, которое о д н о могло бы стать во главѣ всего государственнаго управленія.

По восшествіи своемъ на престолъ Екатерина II нашла необходимымъ образовать для обсужденія важнѣйшихъ дѣлъ въ государственномъ управленіи такое высшее учрежденіе. Составленіе проектовъ его было поручено графу Панину въ 1762 г. и фельдмаршалу Миниху въ 1763 г., въ которыхъ первый предлагалъ учредить Императорскій, а второй—Государственный Совѣтъ. Панинъ считалъ необходимымъ учредить законодательный органъ, Минихъ не ставилъ во главѣ верховнаго управленія Совѣтъ, который долженъ быть связующимъ звеномъ между верховной властью и Сенатомъ, облегчающимъ труды Императрицы по управленію имперіей.

Въ первые гг. царствованія Екатерины II такой совѣтъ и существовалъ неофиціально, состоя изъ нѣсколькихъ приближенныхъ лицъ, которыя собирались тайно раза два въ недѣлю. Въ 1768 г. былъ учрежденъ болѣе постоянный Со-

вѣтъ, который съ вопросовъ начатой тогда турецкой войны перешелъ къ вопросамъ государственнаго управленія: законодательства, администраціи и суда. Въ этомъ видѣ онъ продолжалъ свою дѣятельность и въ царствованіе Павла I. Такимъ образомъ, къ началу царствованія Александра I почва для созданія законодательнаго учрежденія въ высшемъ государственномъ управленіи Россіи была готова. Въ это время исполнительная власть перешла къ министрамъ, судебная же—къ Сенату.

Непремѣнный Совѣтъ, который потомъ сталъ называться Государственнымъ, былъ образованъ 30 марта 1801 г. Такъ онъ названъ, во-первыхъ, въ отличіе отъ Совѣта при Высочайшемъ Дворѣ, а во-вторыхъ, для обозначенія постояннаго характера своей дѣятельности, независимо отъ лицъ, которыя входили въ его составъ.

Въ Совѣтъ были назначены 12 членовъ изъ числа важнѣйшихъ сановниковъ и членовъ Совѣта при Павлѣ I. Ему предоставлялась власть законодательная, разсмотрѣніе государственныхъ дѣлъ, предсѣдателемъ же являлся самъ государь. Канцелярія Совѣта состояла изъ 4-хъ отдѣленій: 1) иностранныхъ и коммерческихъ дѣлъ, 2) военныхъ дѣлъ, 3) гражданскихъ и духовныхъ и 4) хозяйственныхъ дѣлъ. Дѣла поступали въ Совѣтъ по Высочайшему повелѣнію или по иниціативѣ одного изъ членовъ Совѣта—о злоупотребленіяхъ.

Въ „Наказѣ" Совѣту рекомендуется обратить вниманіе на положеніе крестьянъ, на развитіе земледѣлія, промышленности и торговли, народное просвѣщеніе, внѣшнюю политику и внутреннее гражданское устройство. Непремѣнный Совѣтъ существовалъ до 1810 г., какъ законодательное учрежденіе имѣя право толковать, дополнять и отмѣнять законы. Но скоро въ дѣлѣ законодательства съ Совѣтомъ стали соперничать Сенатъ и Комитетъ министровъ, и его авторитетъ сталъ падать. Въ 1810 г. Госуд. Совѣтъ былъ преобразованъ при энергичномъ содѣйствіи Сперанскаго, вмѣстѣ съ переустройствомъ всѣхъ государственныхъ учрежденій, при чемъ реформаторъ отводитъ Совѣту первое мѣсто въ ряду высшихъ учрежденій.

Торжественное открытіе преобразованнаго Совѣта про-

изошло 1 января 1810 г. рѣчью самого Ал-дра I, въ которой онъ высказалъ пожеланіе, чтобы „благосостояніе имперіи утвердилось на законѣ“, а законы были непоколебимы. Далѣе онъ называетъ Совѣтъ однимъ изъ важнѣйшихъ государственныхъ установленій, которое будетъ составлять средоточіе всѣхъ дѣлъ высшаго управленія. Манифестъ, изданный при образованіи Совѣта, содержитъ „коренные законы Государственнаго Совѣта“, опредѣляющіе все важное значеніе этого учрежденія въ высшемъ русскомъ управленіи. Черезъ Совѣтъ долженъ былъ проходить всякій проектъ закона, который послѣ его обсужденія шелъ на утвержденіе государя. Государственный Совѣтъ призывался теперь къ постоянному участію въ законодательствѣ въ качествѣ законо-совѣщательнаго учрежденія при главѣ государства. Ему было предоставлено право обсуждать вопросы объ отмѣнѣ, ограниченіи или дополненіи истиннаго смысла законовъ и учрежденій. Кромѣ того Государственный Совѣтъ имѣлъ право объявлять войну, заключать миръ, предпринимать чрезвычайныя финансовыя и общія внутреннія мѣры, необходимыя въ важныхъ случаяхъ. Государственный Совѣтъ обсуждалъ государственный бюджетъ, смѣты расходовъ и приходовъ и отчеты всѣхъ министерствъ. Предсѣдателемъ Совѣта состоялъ самъ государь, члены назначались верховною властью, министры состояли членами по своему званію.

Государственный Совѣтъ дѣлится на 4 департамента: 1) законовъ, 2) дѣлъ военныхъ, 3) дѣлъ гражданскихъ и 4) государственной экономіи. Въ каждомъ департаментѣ находится опредѣленное число членовъ, изъ которыхъ одинъ—предсѣдатель департамента. Изъ четырехъ департаментовъ только одинъ департаментъ законовъ занимается разсмотрѣніемъ законовъ и учрежденій: проекты ихъ вносятся государственнымъ секретаремъ въ Комиссію составленія законовъ, откуда они поступаютъ въ департаментъ законовъ, а оттуда въ общее собраніе Государственнаго Совѣта.

Преобразованный въ 1810 г., Совѣтъ сосредотачиваетъ свою дѣятельность въ области законодательства, къ которому онъ предназначенъ. Департаментъ законовъ широко пользовался предоставленнымъ ему правомъ обсужденія разнообраз-

ныхъ проектовъ (напр. проекта общаго учрежденія министерствъ и отдѣльныхъ изъ нихъ, проекта Сперанскаго объ образованіи Сената, проектовъ Гражданскаго Уложенія, общихъ губернскихъ учрежденій, плана финансовъ и мн. др.). Въ томъ же департаментѣ законовъ Совѣтъ занимался толкованіемъ законовъ, уставовъ и учрежденій, дополненіемъ и объясненіемъ и обсужденіемъ условій примѣненія законовъ. Госуд. Совѣтъ проводилъ въ своей дѣятельности основной взглядъ на законъ, какъ высшее выраженіе воли государя; облеченное въ формы манифестовъ и мнѣній Государственнаго Совѣта. Законодательная дѣятельность Совѣта касается самыхъ разнообразныхъ предметовъ: онъ обсуждаетъ вопросы финансовые, государственнаго хозяйства, устройства арміи и флота, торговли, промышленности, земледѣлія, народнаго продовольствія, образованія и путей сообщенія. Каждый изъ трехъ департаментовъ Государственнаго Совѣта, кромѣ д-та законовъ, также вырабатываетъ законодательныя мѣры, но только не обсуждаетъ проекты новыхъ законовъ.

Въ общее собраніе поступаютъ или дѣла изъ департаментовъ или по Высочайшему повелѣнію. Къ Государственному Совѣту принадлежатъ: 1) комиссія составленія законовъ, 2) комиссія прошеній и 3) государственная канцелярія. Въ первой изъ нихъ составляются проекты всѣхъ законовъ и вносятся ею въ департаментъ, въ комиссіи прошеній разсматриваются прошенія, жалобы и проекты. Государственной Канцеляріей, гдѣ производились всѣ дѣла, входящія и исходящія изъ Совѣта, завѣдуетъ государственный секретарь. Въ ней хранятся всѣ журналы и архивъ. Государственный Совѣтъ стремился къ развитію частнаго почина въ экономической жизни, уравненію въ отправленіи всякаго рода повинностей и уплаты податей разными сословіями, развитію торговли и промышленности, улучшенію земледѣлія, распространенію образованія во всей странѣ и развитію путей сообщенія.

Въ области частнаго права Государственный Совѣтъ ставилъ главной своей задачей сохраненіе выработавшихся исторически основъ семьи и исправленіе разныхъ ненормальныхъ въ ней отношеній. Такого же взгляда Совѣтъ держался

при обсужденіи вопросовъ изъ области имущественнаго и наслѣдственнаго права. Государственный Совѣтъ прилагалъ большія усилія къ тому, чтобы установить правильность и однообразный порядокъ отправленія правосудія во всей странѣ, который долженъ былъ обезпечить отдѣльнымъ гражданамъ и цѣлымъ сословіямъ ихъ личные и имущественные интересы. По отношенію къ уголовнымъ преступленіямъ законодательная дѣятельность Государственнаго Совѣта отличается мягкимъ, гуманнымъ характеромъ.

Въ послѣдующія царствованія, начиная съ Николая I и оканчивая настоящимъ царствованіемъ, Государственный Совѣтъ 1810 г. сохранилъ главныя свои основанія. Дѣлались различныя измѣненія въ его устройствѣ, но всѣ они только еще болѣе укрѣпляли высшее мѣсто Совѣта въ государственномъ управленіи, какъ законодательнаго и правительственнаго учрежденія. Поэтому Государственный Совѣтъ участвуетъ во всѣхъ важнѣйшихъ реформахъ и событіяхъ прошлаго вѣка, какъ и въ обыкновенномъ текущемъ законодательствѣ. Наиболѣе важныя измѣненія произошли въ устройствѣ Госуд. Совѣта при императорахъ Николаѣ I и II. Измѣненія въ устройствѣ Совѣта начались введеніемъ въ его составъ въ 1832 г. особаго департамента по дѣламъ Царства Польскаго. Немного ранѣе (1826 г.) учреждена комиссія составленія законовъ, преобразованная во II отдѣленіе собственной Е. И. Величества канцеляріи. Въ 1835 г. изъ Совѣта выдѣлена комиссія прошеній, которая сдѣлалась самостоятельнымъ учрежденіемъ. Но за годъ до ея отдѣленія отъ Совѣта въ него стали поступать изъ Сената разнообразныя и многочисленныя, гражданскія и уголовныя дѣла. Наконецъ, съ 1842 г. появляется новое учрежденіе Госуд. Совѣта. (Извлеченіе изъ кн. В. Г. Щеглова „Государственный Совѣтъ въ Россіи“).

Еще въ царствованіе Ал-дра I на мѣсто Сената началъ выдвигаться, пользуясь большимъ значеніемъ, комитетъ министровъ. По своей идеѣ комитетъ не долженъ былъ выходить изъ круга дѣлъ исключительно исполнительнаго характера, которыя подлежатъ вѣдѣнію министерствъ; вопросы же, влекущіе за собою измѣненіе дѣйствующихъ законовъ, должны были разсматриваться въ Госуд. Совѣтѣ. Теперь же

комитетъ министровъ началъ самъ разсматривать вопросы законодательные и представлять свое сужденіе прямо на разсмотрѣніе монарха, минуя Госуд. Совѣтъ. Этимъ умалялся и тотъ незначительный авторитетъ, которымъ сталъ пользоваться Госуд. Совѣтъ. При Николаѣ I узурпація комитетомъ министровъ правъ Совѣта была значительно затруднена тѣмъ, что первый былъ введенъ въ свои границы, хотя это не укрѣпило авторитета послѣдняго. Наоборотъ, Николай не довѣрялъ этому учрежденію, хотя оно имѣло только законосовѣщательную власть, и не ограничивало даже частично власти монарха. Но въ его представленіи съ мыслью и Совѣтѣ всегда соединялось предложеніе Сперанскаго ограничить монархическую власть введеніемъ конституціоннаго порядка; это заставляло императора относиться къ Совѣту съ нескрываемымъ недоброжелательствомъ. Узурпація правъ Госуд. Совѣта шла еще и съ другой стороны: законопроекты теперь стали разсматриваться въ секретныхъ и секретнѣйшихъ комитетахъ. Для обсужденія каждаго законодательнаго вопроса организовывался спеціальный комитетъ, а Госуд. Совѣтъ оставался въ сторонѣ.

Въ 1842 г. было издано новое положеніе о Госуд. Совѣтѣ, но оно только воспроизводило старое, не измѣнивъ сущности этого учрежденія: была сдѣлана только новая редакція закона. Николай I какъ будто только терпѣлъ Госуд. Совѣтъ и постоянно наносилъ ему чувствительные уколы. Между монархомъ и предсѣдателемъ Госуд. Совѣта—кн. Васильчиковымъ часто происходили недоразумѣнія, но отстаивать авторитетъ Совѣта передъ Николаемъ, конечно, было невозможно. Такъ, однажды для обсужденія вопроса о положеніи дворовыхъ людей былъ учрежденъ особый комитетъ. Кн. Васильчиковъ сдѣлалъ представленіе объ этомъ, считая вопросъ законодательнымъ, который необходимо внести сначала на разсмотрѣніе Совѣта. Николай съ неудовольствіемъ возразилъ: „Неужели я, самодержавный государь, если что-нибудь признаю полезнымъ, долженъ спрашивать на это согласія Госуд. Совѣта?“ Кн. Васильчиковъ настаивалъ въ отвѣтѣ, что не согласія, а мнѣнія Совѣта надо спрашивать непремѣнно, въ противномъ случаѣ нужно его совсѣмъ уничтожить. Од-

нако, положенiе Госуд. Совѣта оказывалось еще печальнѣе, когда законодат. вопросъ вносился въ него для обсужденiя, свободѣ же мнѣнiй заранѣе ставились существенныя преграды. Такъ было съ вопросомъ о нѣкоторыхъ финансовыхъ реформахъ, которыя министръ финансовъ, гр. Канкринъ, возбудилъ въ законодательномъ порядкѣ, внесши его сначала въ Госуд. Совѣтъ. Послѣднiй большинствомъ голосовъ отклонилъ предложенiе гр. Канкрина. Тогда онъ, не желая перерабатывать свой проектъ, согласно мнѣнiю Госуд. Совѣта, внесъ его въ первоначальномъ видѣ на усмотрѣнiе государя; получилъ аудiенцiю и склонилъ Николая въ пользу проекта. Кн. Васильчиковъ пришелъ въ большое волненiе и въ бурномъ разговорѣ съ государемъ указалъ ему на невозможность нарушать самимъ закономъ утвержденное положенiе о Госуд. Совѣтѣ. Послѣ этого Николай согласился снова передать проектъ Канкрина на разсмотрѣнiе Совѣта, но съ характерной оговоркой въ своей резолюцiи: „внести этотъ вопросъ въ Госуд. Совѣтъ, но съ тѣмъ, чтобы въ Совѣтѣ не послѣдовало излишнихъ пренiй". Въ этой оговоркѣ Николай прямо высказалъ взглядъ на него, какъ на учрежденiе, которое ему только приходится терпѣть. Когда вопросъ былъ снова внесенъ въ Совѣтъ, гр. Канкринъ громко называлъ это неслыханнымъ посягательствомъ на власть монарха, желанiемъ изъ Госуд. Совѣта сдѣлать камеру, т. е. мѣсто соцарствующихъ. Наконецъ, гр. Канринъ опять получилъ высочайшую аудiенцiю и разыгралась слѣдующая сцена: едва только кн. Васильчиковъ открылъ засѣданiе Гос. Совѣта и приготовился возбудить пренiя по этому вопросу, какъ ему подали письмо отъ государя, гдѣ говорилось: „Желательно мнѣ, чтобы Госуд. Совѣтъ принялъ..." и дальше шелъ неизмѣнный проектъ гр. Канкрина. Так. обр., выходило, что засѣданiе Гос. Совѣта было созвано не для обсужденiя вопроса, возбужденнаго Канкринымъ, а для безмолвнаго одобренiя его, по желанiю государя. Вотъ въ какомъ положенiи находилось высочайшее учережденiе имперiи въ царствованiе Николая I. Уже по закону 1810 г. ему была дана незначительная роль, а на практикѣ отнималась и она.

Министерства по Комитету 1826 г.

Что касается министерствъ, то они оставались попрежнему въ предѣлахъ закона 1811-го года. Только въ 30-хъ гг. возникаетъ новое министерство государственныхъ имуществъ для завѣдыванія государствен. крестьянами, созданное по типу остальныхъ министерствъ на чисто бюрократической основѣ, на началѣ единоличнаго усмотрѣнія министра.

Собственная Его Величества канцелярія.

Въ царствованіе Николая выростаетъ новое учрежденіе, которое въ цѣломъ рядѣ вопросовъ забираетъ въ свои руки дѣла, подлежащія вѣдѣнію министерствъ; это Собственная Его Величества канцелярія. Къ концу царствованія Ал-дра I она состояла только изъ одного департамента, который занимался разсмотрѣніемъ различныхъ просьбъ и заявленій, на высочайшее имя приносимыхъ, являясь въ то же время и личной канцеляріей монарха. При Николаѣ I она бысто разростается, организуются новые департаменты, которые получаютъ въ свое завѣдываніе обширныя отрасли государственнаго управленія, которыя были изъяты изъ вѣдѣнія соотвѣтствующихъ министерствъ. Въ 1826 г. организуется II Отдѣленіе Собств. Е. В. канцеляріи, кодификаціонное, т. е. приводящее существующіе законы въ строго-согласованную систему. Въ томъ же 1826 г. учреждается знаменитое Ш-ье Отд. Е. В. канцеляріи, которому было поручено завѣдываніе политической полиціей, во главѣ съ гр. Бенкендорфомъ, подъ начальствомъ котораго находился и корпусъ жандармовъ. Ш-е Отд., какъ сказано въ данной ему инструкціи, должно было вѣдать укрѣпленіе въ странѣ законнаго порядка, слѣдить за злоупотребленіями, не допускать покушеній на существующій строй, охранять слабыхъ отъ насилія со стороны сильныхъ, по мысли основателя „вытирать слезы несчастныхъ, всегда оставаясь на стражѣ закона“. Когда гр. Бенкендорфъ просилъ у Николая руководящей инструкціи въ его дѣятель-

ности, императоръ въ отвѣтъ вынулъ изъ кармана платокъ и, подавая его гр. Бенкендорфу сказалъ: „вотъ тебѣ инструкція. Этимъ платкомъ ты долженъ будешь вытирать слезы несчастнымъ, сиротамъ, вдовамъ и всѣмъ обиженнымъ“. Извѣстно, какую роль сыгралъ этотъ платокъ въ III отдѣленіи: вообразите себѣ только николаевскаго жандарма, утѣшающаго безутѣшную вдову. Это отдѣленіе сдѣлалось органомъ политическаго сыска, который въ царствованіе Николая подавлялъ всякую общественную самодѣятельность.

Черезъ нѣсколько лѣтъ возникаетъ IV-е Отдѣленіе Собств. Е. В. канцеляріи, которое должно было завѣдывать училищами и благотворительными учрежденіями, руководимыми императрицей-матерью, Маріей Федоровной. Это такъ наз. „Вѣдомство учрежденій императрицы Маріи“, которое и до сихъ поръ продолжаетъ занимать какое-то исключительное положеніе въ общемъ строѣ государственныхъ учрежденій; исключительность эта выражается въ томъ, что бюджетъ вѣдомства не вносится въ общій государственный, а составляется особо, и усилія четырехъ Государственныхъ Думъ включить бюджетъ 4-го Отдѣленія въ общій государственный бюджетъ до сихъ поръ не привели ни къ чему. Въ 30-хъ годахъ создается V-е отдѣленіе для обсужденія реформы быта госуд. крестьянъ и VI-ое—отдѣленіе для разсмотрѣнія дѣлъ въ Закавказьѣ. Так., обр., выработался такой порядокъ: всѣ дѣла государственнаго управленія, уже налаженныя оставались въ вѣдѣніи министерствъ, а каждый вновь возникающій вопросъ, требующій особеннаго вниманія власти, изымался изъ министерскихъ учрежденій и передавался въ вѣдѣніе Собств. Е. В. Канцеляріи. По своей же внутренней организаціи всѣ „Отдѣленія“, представляли собою тѣ же министерства.

Реформа мѣстнаго управленія по Комитету 1826.

Что касается учрежденій провинціальныхъ, областной администраціи, то здѣсь, при всемъ желаніи власти сохранить незыблемымъ прежній порядокъ, жизнь все-таки выдвинула очень робкіе зародыши новаго знаменательнаго процесса.

Мысль объ установленіи правильнаго контроля надъ дѣйствіями мѣстныхъ властей, серьезно занимавшая Николая, была ему не подъ силу, такъ какъ для этого необходима была наличность гласности и свободы общественнаго мнѣнія, чего николаевское правительство допустить не могло. Въ исторіи областной администраціи при Николаѣ наступила эпоха расцвѣта безудержнаго произвола мѣстной власти, который достигъ чудовищныхъ размѣровъ. При чтеніи комедій Сухово-Кобылина, воспроизводящаго это время, волосы встаютъ дыбомъ на головѣ отъ развертывающихся передъ нами картинъ. Учрежденія всякаго рода: канцеляріи, палаты и конторы получили характеръ разбойничьихъ притоновъ, гдѣ всякому, начавшему дѣло, грозила опасность быть до-чиста ограбленнымъ. Центральное правительство безъ помощи подавленнаго общественнаго мнѣнія было совершенно безсильно бороться со зломъ,

Особенно ярко сказалась его безпомощность въ слѣдующемъ фактѣ: въ московскомъ судѣ 40-хъ гг. разбиралось одно дѣло, обратившее на себя особенное вниманіе вопіющими злоупотребленіями, которыя допускались мѣстными правителями и судьями въ веденіи его. Злоупотребленія тогда были обычнымъ явленіемъ, но въ данномъ случаѣ они приняли грандіозные размѣры, и въ дѣло вмѣшался самъ государь: все дѣлопроизводство онъ приказалъ доставить изъ Москвы въ Петербургъ на личное разсмотрѣніе. Желѣзныхъ дорогъ не было, дѣло повезли на 40 подводахъ, которыя по дорогѣ куда-то безслѣдно пропали вмѣстѣ съ лошадьми и погонщиками. Такъ его и не могли потомъ нигдѣ сыскать. Вотъ яркій примѣръ того, въ какое безпомощное положеніе былъ поставленъ самодержавный монархъ, имѣвшій такое высокое представленіе о безпредѣльности своей власти.

Но въ эту мрачную пору въ силу практическихъ жизненныхъ потребностей, безсознательно стали обозначаться первые проблески будущаго земскаго самоуправленія. Атмосфера николаевскаго царствованія, правда, была неблагопріятна для этихъ зачатковъ земской самодѣятельности, но управленіе безъ всякаго участія представителей населенія оказалось совершенно несбыточной кабинетной фантазіей именно въ цар-

ствованіе Николая. Къ общественному самоуправленію пришлось прибѣгнуть уже потому, что сама увѣренная въ своей власти администрація оказывалась безсильной. При Николаѣ I составляются нѣсколько смѣшанныхъ комиссій, въ составъ которыхъ входятъ 1) представители коронной администраціи и 2) выборные отъ общества: предводители дворянства, выборные дворяне, городскіе головы и выборные отъ городскихъ обществъ. Ихъ было 3: 1) комиссія дорожная, 2) комиссія продовольственная и, наконецъ, 3) комиссія по земскимъ раскладкамъ. Всѣ эти вопросы впослѣдствіи вошли въ кругъ земскихъ учрежденій при Ал-дрѣ II и, так. обр., явились историческими зародышами будущаго земства. Комиссіи эти вначалѣ занимали самое незамѣтное положеніе въ общей системѣ администраціи, не имѣли никакого авторитета и несли только подготовительную черную работу по соотвѣтствующимъ вопросамъ. Рѣшающая роль въ нихъ, конечно, принадлежала коронной администраціи, а выборному элементу предоставлено было второстепенное значеніе, хотя и въ такой формѣ они все таки являлись характернымъ показателемъ того, что управленіе совершенно безъ всякаго участія общества невозможно.

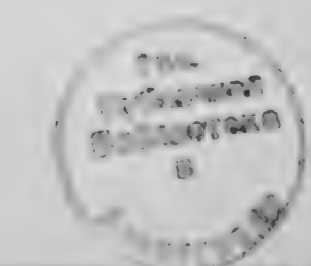
Законы о дворянахъ при Николаѣ I.

Теперь перейдемъ къ разсмотрѣнію мѣропріятій въ области соціальныхъ отношеній. Еще первый секретный комитетъ 26-го года намѣтилъ двѣ мѣры, касающіяся положенія дворянства: 1) установленіе майората для дворянскихъ имѣній и 2) отмѣну на будущее время полученія дворянства путемъ выслуги чина. Обѣ эти мѣры не получили осуществленія въ цѣломъ, а только частично. Дворянамъ было предоставлено право устанавливать майоратъ въ своихъ имѣніяхъ, но только въ наиболѣе крупныхъ, такъ что эта мѣра не захватила дворянской массы въ цѣломъ. Этимъ правительство старалось поднять благосостояніе дворянскаго класса, запрещая раздроблять крупныя дворянскія имѣнія. Полученіе же дворянства выслугою чина не было вполнѣ отмѣнено, былъ только

до крайности затрудненъ доступъ въ дворянство поднятіемъ того чина, до котораго надо было дослуживаться для полученія потомственнаго дворянства. Вотъ главнѣйшія мѣропріятія, осуществленныя при Николаѣ по отношенію къ дворянамъ.

Кромѣ того, прав-во приняло нѣсколько мѣръ для оживленія сословнаго дворянскаго самоуправленія. Еще при Екатеринѣ II Жалованной Грамотой дворянству въ 1785 г. была установлена дворянская самоуправляющаяся корпорація въ губерніи, которая могла выбирать изъ своей среды предводителей дворянства, засѣдателей губернскихъ палатъ и капитанъ-исправника для уѣзднаго управленія. Дворянскія общества могли создавать свои кассы путемъ самообложенія и на эти средства устраивать для сословія образовательныя и филантропическія учрежденія. Но вскорѣ дворяне стали манкировать посѣщеніями этихъ собраній, и въ царствованіе Николая I были предприняты мѣры для оживленія дѣятельности дворянскаго самоуправленія. Въ 1831-мъ году издается новое положеніе о дворянскомъ самоуправленіи, согласно которому были болѣе разграничены вѣдомства губернскихъ и уѣздныхъ дворянскихъ собраній и даровано право выбирать не только засѣдателей въ палату губернскихъ, гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ, и предсѣдателя, который раньше назначался короной. Затѣмъ дворянскому собранію было предоставлено новое и очень важное преимущество: Екатерина II дала дворянскимъ собраніямъ право петицій, т. е. коллективнаго обращенія къ верховной власти съ заявленіями о нуждахъ своего сословія. Въ царствованіе Николая I это право уже распространяется и на вопросы обще-государственные. Впрочемъ послѣднее было отнято у дворянъ при Ал-дрѣ II, когда дворянскія собранія стали выступать съ заявленіями конституціоннаго характера. Также для оживленія дѣятельности дворянскихъ собраній былъ повышенъ имущественный цензъ, чтобы устранить отъ участія въ собраніяхъ мелкихъ дворянъ. Но и эти мѣры не особенно содѣйствовали посѣщаемости собраній, такъ что прав-во стало прибѣгать къ штрафамъ за это. А не принесли они положительныхъ результатовъ потому, что отсутствіе интереса къ дворянскому

самоуправленію объяснялось административнымъ надзоромъ, которымъ собранія были стѣснены. Прав-во же Николая никакихъ уступокъ въ этомъ отношеніи сдѣлать не могло. Вотъ все, что было сдѣлано для дворянъ.

Но на ряду съ этимъ, при Николаѣ былъ изданъ и рядъ ограничивающихъ права дворянъ мѣръ, которыя проистекали изъ общеохранительной политики Николая, напр., запрещалось дворянамъ выдавать заграничные паспорта. Этимъ путемъ Николай стремился затруднить общеніе русскаго общества съ З. Европой, въ которой тогда какъ разъ развилось оппозиціонное движеніе по отношенію къ старому порядку. На западной границѣ по его приказанію было даже устроено нѣчто вродѣ политическаго карантина. Другія же мѣры, стѣснительныя для дворянъ, вытекали изъ стремленія прав-ва ослабить крѣпостное право, и такимъ образомъ, стѣсняли дворянъ въ ихъ правахъ по отношенію къ душевладѣнію; хотя эти стѣсненія ограничивались только узкимъ кругомъ явленій, но важно отмѣтить самый принципъ. Перечислимъ главныя законоположенія, направленныя на ограниченія, показывающія, что правительство начинаетъ исподволь приступать къ переработкѣ крѣпостного права.

Такъ: въ 1827 г.—указъ, запрещающій помѣщикамъ отдавать крестьянъ на заводы.

Въ 1828 г.—указъ, ограничивающій право помѣщиковъ ссылать крестьянъ въ Сибирь.

Въ 1841 г.—указъ, запрещающій пріобрѣтать крестьянъ безъ земли, тѣмъ дворянамъ, у которыхъ не было населенныхъ земель.

Въ 1842 г.—указъ, запрещающій продавать крестьянъ безъ земли съ публичнаго торга для удовлетворенія сдѣланныхъ владѣльцами долговъ.

Въ 1853 г.—запрещеніе сдавать въ аренду земли, населенныя крестьянами.

Въ 1854 г.—Управители потеряли право по своему усмотрѣнію удалять крестьянъ изъ имѣній,

Ни одинъ изъ указовъ не представляетъ общей мѣры, но важно отмѣтить тенденцію, которая именно и состояла въ

проявленіи рѣшимости положить законодательные предѣлы для, прежде неограниченной, помѣщичьей власти.

Городское самоуправленіе при Николаѣ I.

Въ царствованіе Николая не была проведена реформа городского управленія во всемъ объемѣ, но частично, въ видѣ опыта, было предпринято переустройство городского самоуправленія въ Петербургѣ. Надъ выработкой городового положенія, видоизмѣнившаго городовое положеніе обще-россійское, установленное Екатериной II въ 1785 г., въ началѣ 40-хъ гг. трудился Николай Алексѣевичъ Милютинъ, тогда только начинавшій свою карьеру молодой чиновникъ, а впослѣдствіи извѣстный дѣятель по крестьянской реформѣ. Это было его первымъ государственнымъ шагомъ. Задача, правда, сводилась къ тому, чтобы оживить зачахшее городское самоуправленіе. По Городовому Положенію Ек. II было образовано всесословное городское общество. Раньше въ городахъ существовали магистраты, учрежденные Петромъ Великимъ, которые состояли изъ выборныхъ купцовъ и ремесленниковъ; дворяне же, духовенство и крестьяне, жившіе въ городахъ, стояли въ сторонѣ. Городъ, какъ цѣльная корпорація со всей совокупностью различныхъ сословій, тогда не существовалъ. Въ административномъ отношеніи городъ разбивался какъ бы на кусочки, изъ которыхъ каждый управлялся на особыхъ началахъ. Екат. II въ 1785 г. сдѣлала первую попытку объединить городское населеніе въ рамкахъ городского самоуправленія, прежніе петровскіе магистраты она замѣнила городской Думой, которая должна была состоять изъ представителей всѣхъ классовъ или сословій городского населенія, обладающаго въ чертѣ города извѣстной недвижимостью. Это было всесословное представительство, вмѣсто прежняго исключительно торгово-промышленнаго. Планъ Екатерины II завершался проектомъ дать всесословному обществу самоуправленіе, предоставивъ ему самостоятельное завѣдываніе городскимъ хозяйствомъ. Но оба эти плана не получили на практикѣ должнаго примѣненія. Го-

родскія общества все-таки были лишены самоуправленія и исключительно по винѣ законодательницы: какъ извѣстно, наряду съ городской Думой она создала чисто-коронное учрежденіе—„Управу благочинія“ и сообщила ей тѣ же права и тѣ же области вѣдомствъ, что и городскимъ думамъ, не разграничивъ ихъ отчетливо. Получились взаимныя постоянныя пререканія и, наконецъ, верхъ одержало надъ выборнымъ начало коронное, какъ болѣе сильное. На практикѣ роль Городской Думы ограничивалось лишь сборами платежей, которыми распоряжалась коронная власть съ губернаторомъ во главѣ. Объединеніе всѣхъ сословій въ городской Думѣ тоже не удалось: дворяне брезгливо сторонились отъ участія въ управленіи вмѣстѣ съ „мужичьемъ“, тогда какъ для устраненія такого взгляда требовалось измѣненіе всего соціальнаго распорядка въ смыслѣ большей его демократизаціи. Городовое Положеніе считалось въ то время самой смѣлой и либеральной мѣрой николаевскаго прав-ва, дальше которой оно не рѣшилось итти. „Городовое Положеніе для Петербурга“ дѣлаетъ усилія привлечь къ участію въ городскомъ самоуправленіи дворянъ, живущихъ въ городахъ, а такъ же и всѣхъ членовъ городского общества, которые прямо поименовались: купцовъ, ремесленниковъ, дворянъ и т. д. Но привлекая дворянъ къ участію въ городскомъ самоуправленіи и сознавая, что они не пожелаютъ смѣшиваться съ купцами и ремесленниками, составители Положенія включили дворянъ въ составъ городскихъ обществъ съ условіемъ, чтобы они, становясь членами ихъ, не смѣшивались съ другими элементами, а составляли бы отдѣльную группу. Прав-во думало, что этимъ оно побудитъ дворянъ принять участіе въ городскомъ самоуправленіи. Этимъ, какъ мы видимъ, подрывался основной принципъ реформы—ея всесословность. Всѣ сословія въ городѣ должны были выбирать гласныхъ общей Гор. Думы и шестигласной, которую замѣнила теперешняя Управа. Но по Положенію гласные не собирались совмѣстно для разрѣшенія вопросовъ городского хозяйства, а дѣлились на нѣсколько отдѣленій по сословіямъ, и каждое засѣдало отдѣльно по тѣмъ вопросамъ, которые касались только его. Мнѣнія, поданныя по сословіямъ, затѣмъ объединялись по числу го-

лосовъ каждаго сословія въ общія рѣшенія. Характерной чертой новаго Положенія является увѣренность правительства, что привлеченіемъ къ участію въ городскомъ самоуправленіи дворянства, оно рѣшало задачу оживленія городского самоуправленія, тогда какъ другую сторону дѣла, предоставленіе городскому самоуправленію самостоятельности, прав-во игнорировало. Составители новаго Положенія именно отъ коронныхъ элементовъ ожидали успѣха, полагая, что само населеніе не приспособлено еще къ самостоятельному веденію своихъ дѣлъ. И только этимъ объясняли неуспѣхъ екатерининскаго городского самоуправленія. Вотъ почему въ составъ городскихъ—Думы и Управы были привлечены разнообразные представители власти: военный губернаторъ Петербурга, гражданскій губернаторъ, члены городского присутствія и т. д. А между тѣмъ, эта реформа считалась наиболѣе либеральной и настолько рѣшительной, что составитель ея Милютинъ прослылъ даже опаснымъ, и когда при Ал-рѣ II редакціонная комиссія по крестьянскому вопросу предложила пригласить въ свой составъ Милютина, то государь долго колебался, считая его краснымъ. Но даже и такое скромное преобразованіе не распространилось на всѣ города Россіи, ограничившись однимъ Петербургомъ.

Крестьянскій вопросъ въ царствованіе Николая I.

Очень важный соціальный вопросъ объ отмѣнѣ крѣпостного права занималъ прав-во Николая I въ теченіе всего его царствованія. Прав-во ясно сознавало остроту выдвигавшагося самой жизнью вопроса, дальнѣйшее существованіе котораго грозило прежде всего государственному спокойствію, устойчивости государственнаго порядка. Поэтому николаевское пра-во постоянно возвращалось къ вопросу о крестьянской реформѣ, но всегда попадало поистинѣ въ трагическое положеніе: сознавая его неотложность, оно въ то же время боялось его радикальнаго рѣшенія. Созывался рядъ секретныхъ и секретнѣйшихъ комитетовъ спеціально для разработки крестьянскаго вопроса, но каждый изъ нихъ старался

отложить дѣло въ долгій ящикъ, потому что членами комитета являлись сановные крѣпостники, вовсе нежелавшіе утрачивать своихъ правъ. Практически, конечно, всѣ эти комитеты не сдвинули ни на шагъ крестьянскаго вопроса съ его мертвой точки, но теоретически, въ смыслѣ отвлеченной постановки его, они дали результаты, которые пригодились для будущаго. Обсужденіе вопроса о крѣпостномъ правѣ въ комитетахъ началось при рѣшительномъ преобладаніи того взгляда, что съ уничтоженіемъ крѣпостного права въ отдаленномъ будущемъ, конечно, крестьяне будутъ освобождены безъ земли, которая должна остаться вся въ рукахъ помѣщиковъ. Но съ ходомъ работъ въ комитетахъ стала выдвигаться и укрѣпляться и новая мысль о необходимости обезпечить крестьянъ при освобожденіи земельными надѣлами. Сдѣлаемъ обзоръ работъ секретныхъ комитетовъ, характерныхъ для обрисовки того, какъ двигалось обсужденіе важнаго госуд. вопроса въ правящихъ сферахъ.

Крестьянскій вопросъ былъ возбужденъ еще въ первомъ комитетѣ 26 г., выработавшемъ „законъ о состояніяхъ", въ которомъ была запрещена продажа крестьянъ безъ земли, но онъ такъ и не вошелъ въ силу. Вскорѣ послѣ закрытія перваго секретнаго комитета, созывается второй, уже спеціально для разсмотрѣнія крестьянскаго вопроса. Работа его ограничилась нѣсколькими засѣданіями и закончилась составленіемъ протокола, въ которомъ указывалось на сложность вопроса о крѣпостномъ правѣ, рекомендовалось итти къ отмѣнѣ его медленно и осторожно, путемъ чрезвычайно незамѣтныхъ измѣненій. Послѣднія, по дословному выраженію протокола, „отнюдь не должны были имѣть вида какой-нибудь перемѣны".

Составленіемъ вышеуказаннаго протокола исчерпывались работы 2-го комитета, въ составъ котораго входили старые дѣльцы—Кочубей, Сперанскій, Канкринъ и т. п. Правда, былъ и новый человѣкъ — гр. Киселевъ, которому предстояла въ дальнѣйшемъ видная роль въ разработкѣ крестьянск. реформы, но во 2-мъ комитетѣ онъ только еще присматривался къ дѣлу. Однако, ему въ дальнѣйшемъ, въ царствованіе Николая пришлось занять самое видное мѣсто въ работахъ по кре-

стьянскому вопросу. Онъ является самой крупной фигурой среди сотрудниковъ Николая, будучи человѣкомъ государственной идеи, а не бюрократомъ, имѣя свою государственную программу разработки крестьянскаго вопроса. Самъ Николай называлъ его „начальникомъ штаба по крестьянскому дѣлу". Еще во время русско-турецкой войны, когда русскія войска временно заняли Придунайскія княжества—Валахію и Молдавію, гр. Киселевъ былъ поставленъ во главѣ временной русской администраціи въ этихъ княжествахъ. Въ это время въ Румыніи происходила крестьянская реформа, и Киселевъ, заинтересовавшись ею, принялъ дѣятельное участіе въ работахъ по крестьянскому дѣлу, широко знакомясь съ его сущностью изъ литературныхъ источниковъ. Вернувшись въ Россію, онъ поставилъ себѣ задачей сдвинуть русскій крестьянскій вопросъ съ мертвой точки. Что въ обществѣ на Киселева смотрѣли, какъ на главнаго дѣятеля по разрѣшенію крест. вопроса, видно изъ слѣдующаго эпизода. Какъ-то разъ государь пригласилъ Киселева изъ театра въ Зимній дворецъ на чай. На слѣдующій же день Бѣлинскій въ письмѣ къ своему пріятелю сообщалъ: „Очевидно, въ крестьянскомъ вопросѣ назрѣваетъ новое движеніе: вчера государь повезъ Киселева къ себѣ пить чай".

Проектъ Киселева объ улучшеніи участи казенныхъ крестьянъ.

Въ промежуткѣ между вторымъ и третьимъ секретными комитетами, въ 30-хъ гг., Киселевъ, выжидая удобнаго момента для рѣшительной постановки вопроса о крѣпостномъ крестьянствѣ, рѣшилъ начать, по возможности, хотя бы съ переустройства государств. крестьянъ, а для этого вздумалъ воспользоваться проектомъ Сперанскаго, внесеннымъ еще въ первый комитетъ: если нельзя сразу приняться за отмѣну крѣпостного права, то прав-во могло бы сперва приступить къ улучшенію быта казенныхъ крестьянъ.

Учрежденіе министерства государственныхъ имуществъ.

Съ этой цѣлью, по мысли Киселева, учреждается новое министерство государственныхъ имуществъ для завѣдыванія казенными землями и крестьянами, на нихъ поселенными. До этого времени казенные крестьяне находились въ вѣдѣніи министерства финансовъ, которое смотрѣло на нихъ только съ фискальной точки зрѣнія, какъ на источникъ государственнаго дохода, а объ ихъ личномъ матеріальномъ благосостояніи не заботилось. Дѣйствительно, положеніе казенныхъ крестьянъ въ это время было очень незавидно. Киселевъ, ставъ во главѣ новаго министерства, поставилъ своей задачей возможное улучшеніе внѣшняго благосостоянія казенныхъ селеній. Взамѣнъ фискальной, Киселевъ сталъ на точку зрѣнія попечительства, и ему многаго удалось достигнуть. Такъ, онъ провелъ очень важную земельную реформу, пересмотрѣвъ размѣры надѣловъ и вездѣ, гдѣ было можно, увеличивъ ихъ. Благодаря этому матеріальное положеніе казенныхъ крестьянъ значительно улучшилось, и площадь земли, предоставленной въ ихъ пользованіе, увеличилась. Кромѣ того, Киселевъ ревностно заботился о распространеніи среди казенныхъ крестьянъ агрономическихъ свѣдѣній и грамоты. Пересмотрѣвъ порядокъ управленія на мѣстахъ, онъ ввелъ окружныхъ начальниковъ для завѣдыванія казенными поселеніями, значительная же часть дѣлъ этихъ селеній была предоставлена крестьянскимъ сходамъ. Конечно, ошибка Киселева, стоящаго во главѣ мин-ства государств. имуществъ, хотя и настроеннаго благожелательно къ крестьянамъ, но все таки носящаго бюрократическій характеръ, заключалась въ томъ, что онъ хотѣлъ благодѣтельствовать крестьянамъ только сверху, путемъ циркулярныхъ распоряженій, не считаясь съ желаніями ихъ самихъ. Какъ всякій послѣдователь просвѣщеннаго абсолютизма, Киселевъ былъ склоненъ проводить имъ установленную однажды мѣру настойчиво и властно, не останавливаясь передъ репрессіями противъ тѣхъ, кого она старалась благодѣтельствовать, и не смущаясь указаніями съ

мѣстъ на ея непрактичность. Такъ иногда проводимыя мѣры настраивали даже враждебно крестьянъ противъ нихъ. Извѣстны, напр., картофельные бунты, когда Киселевъ увлекся идеей культуры картофеля, который тогда мало былъ распространенъ между казенными крестьянами. Свое мнѣніе, что картофель очень полезный, дешевый и могущій сыграть крупную роль въ крестьянскомъ хозяйствѣ продуктъ, Киселевъ началъ проводить съ присущей ему властностью. Крестьянамъ не только не потрудились разъяснить благодѣтельность этой мѣры, напр. устройствомъ опытныхъ полей, которыя на практикѣ показали бы ея выгоду, но вмѣсто того, циркулярами приписывалось чуть ли ни весь земельный надѣлъ засаживать картофелемъ. Тогда между крестьянами и агентами министерства государственныхъ имуществъ возникли недоразумѣнія, закончившіяся, такъ наз., картофельными бунтами. Все-таки въ свое управленіе министерствомъ Киселевъ провелъ цѣлый рядъ мѣръ, очень полезныхъ для крестьянъ, направленныхъ къ поднятію ихъ благосостоянія.

Указъ объ обязанныхъ крестьянахъ.

Вся дѣятельность Киселева по улучшенію быта казенныхъ крестьянъ въ его собственныхъ глазахъ была лишь прелюдіей къ осуществленію главной задачи—измѣненія положенія крестьянъ крѣпостныхъ. Онъ только выжидалъ момента, чтобы приступить къ ея разрѣшенію. Такимъ моментомъ явилось образованіе 3-го секретнаго комитета по крестьянскому вопросу, въ которомъ Киселевъ принялъ живѣйшее участіе. Комитетъ былъ основанъ въ 1839 году, но проработалъ до 1842 года, и его дѣятельность разрѣшилась извѣстныхъ практическимъ результатомъ—изданіемъ указа объ „обязанныхъ крестьянахъ“, созданнаго всецѣло по мысли Киселева. Этотъ указъ знаменателенъ тѣмъ, что въ немъ была впервые выражена идея, шедшая въ разрѣзъ съ ранѣе господствовавшимъ образомъ мыслей о безземельномъ освобожденіи, о необходимости при отпускѣ крестьянъ на волю обезпечивать ихъ землей.

Третій комитетъ первоначально былъ образованъ по желанію группы крѣпостниковъ, какъ разъ для утвержденія прежней идеи безземельнаго освобожденія крестьянъ: имъ не давалъ покоя указъ „О свободныхъ хлѣбопашцахъ“, который гласилъ, что помѣщикъ, отпуская крестьянина на волю, долженъ войти съ послѣднимъ въ соглашеніе о предоставленіи ему въ собственность земельнаго надѣла, послѣ чего освожденный входилъ въ сословіе „свобныхъ хлѣбопашцевъ“. Сановные крѣпостники николаевскаго времени особенно смущались фактомъ надѣленія крестьянина землей за извѣстный выкупъ и настаивали на образованіи третьяго комитета съ цѣлью пересмотра этого указа въ томъ смыслѣ, чтобы изъ него изъять требованіе земли для освобождаемыхъ крестьянъ. Въ комитетѣ была сильная партія во главѣ съ княземъ Меньшиковымъ, которая стояла за провозглашеніе принципа безземельнаго освобожденія.

Противъ нихъ выступилъ гр. Киселевъ, детально развивши свою программу разрѣшенія крестьянскаго вопроса. Послѣдняя отличалась нѣкоторыми своеобразными чертами; такъ, Киселевъ являлся одинаковымъ противникомъ какъ безземельнаго освобожденія, такъ и принудительнаго отчужденія части земель у помѣщиковъ. Освобожденіе крестьянъ безъ земли онъ считалъ прежде всего опаснымъ съ точки зрѣнія государ. спокойствія, боясь породить въ Россіи классъ сельскихъ пролетаріевъ, легко воспламеняемый горючій матеріалъ при всякомъ недовольствѣ своимъ положеніемъ. Но на ряду съ этимъ Киселевъ возражаетъ и противъ отчужденія у помѣщика части его земли при освобожденіи крестьянъ. Онъ видѣлъ въ этомъ потрясеніе основного принципа собственности, который долженъ быть утвержденъ законодательствомъ и не долженъ подвергаться никакимъ колебаніямъ. И Киселевъ намѣчалъ оригинальный выходъ, который совмѣщалъ бы освобожденіе крестьянъ съ землей и оставленіе всей земли попрежнему въ рукахъ помѣщиковъ: помѣщикъ отпускаетъ крестьянъ на волю, если пожелаетъ (въ этомъ случаѣ онъ не хотѣлъ насиловать волю помѣщика), и крестьяне лично становятся свободными, а вся помѣщичья земля остается въ собственности помѣщика—отчужденія не происходитъ. Но,

сохраняя право собственности на всю свою землю, помѣщикъ обязывается нѣкоторую ея часть выдѣлить крестьянамъ не въ собственность, а въ пользованіе. Собственникомъ этой части остается помѣщикъ, однако, ни крестьянинъ не долженъ сходить съ этой земли, ни помѣщикъ не можетъ его съ нея согнать. Право собственности помѣщика на эту землю заключается въ оброкѣ и повинностяхъ со стороны крестьянина. Вотъ комбинація Киселева. Крестьянинъ так. обр., получивъ свободу, получалъ бы и клочокъ земли и матеріальное обезпеченіе на всю жизнь, а помѣщикъ не былъ бы лишенъ права собственности на землю, и только былъ бы нѣсколько ограниченъ въ формахъ распоряженія ею.

Проектъ Киселева, внесенный въ 3-ій комитетъ, вызвалъ тамъ бурю протестовъ со стороны партіи Меньшикова, могло даже показаться, что проектъ Киселева не пройдетъ въ комитетѣ. Но Киселевъ, какъ опытный государственный дѣятель, заручился заранѣе на это согласіемъ государя, что сильно связывало и обезкураживало его оппонентовъ. Оспаривать поэтому основную идею проекта было трудно, и противники его рѣшили на проектъ Киселева согласиться, но внести въ него поправку, которая бы обезвредила его, вынувъ изъ вышеуказаннаго проекта всю душу. Одинъ изъ членовъ кабинета, баронъ Корфъ, взялся написать контръ-проектъ, вмѣсто обширныхъ положеній Киселева, давшій краткій указъ изъ трехъ параграфовъ. Онъ оставилъ неприкосновеннымъ весь Киселевскій проектъ за исключеніемъ слѣдующаго положенія: крестьяне получаютъ личную свободу, помѣщикъ остается собственникомъ всей своей земли, надѣляетъ крестьянина земельнымъ участкомъ и получаетъ съ него оброкъ. Но въ замалчиваніи способовъ, которыми будутъ опредѣляться размѣры надѣла и оброка, и заключалась вся сущность контръ-проекта Корфа. Киселевъ предполагалъ, во избѣжаніе помѣщичьяго произвола точно нормировать въ законѣ размѣры надѣловъ и оброковъ. Корфъ же предлагалъ размѣръ надѣловъ и оброковъ не опредѣлять въ самомъ законѣ, а предоставить это свободному соглашенію между помѣщикомъ и отпускаемымъ на волю крестьяниномъ.

Поправка эта имѣла чрезвычайно важное значеніе, такъ какъ, предоставляя соглашенію между помѣщикомъ и крестьяниномъ вопросъ о размѣрѣ надѣла и оброка за надѣлъ, отдавала разрѣшеніе этого вопроса всецѣло на усмотрѣніе помѣщиковъ. А соглашеніе между двумя сторонами только тогда дѣйствительно, когда обѣ онѣ одинаково свободны, поэтому осуществленіе проекта Киселева становилось очень проблематичнымъ. Однако, Киселевъ долженъ былъ согласиться на эту поправку, и проектъ вошелъ въ Госуд. Совѣтъ, гдѣ засѣданіе по его обсужденію было обставлено особенной торжественностью, какъ будто предстояло издать законодательный актъ первостепенной важности. Самъ Николай явился предсѣдательствовать въ засѣданіи, открывъ его обширной рѣчью, въ которой подчеркивалъ мысль, что издаваемый указъ не отличается новизною, а представляетъ лишь усовершенствованіе указа „О свободныхъ хлѣбопашцахъ". При этомъ государь произнесъ характерныя для отношенія его прав-ва къ крестьянскому вопросу слова: „Крѣпостное право есть несомнѣнное зло русской жизни, но прикоснуться къ крѣпостному праву я считаю зломъ еще болѣе опаснымъ". Въ этихъ словахъ онъ прекрасно обрисовалъ то двусмысленное положеніе, въ которомъ находилось прав-во по отношенію къ этому вопросу. Въ Госуд. Совѣтѣ возникли пренія по поводу внесеннаго законопроекта, кн. Голицынъ сказалъ: „Въ сущности этотъ указъ не будетъ имѣть особенно большихъ практическихъ послѣдствій, такъ какъ отпускъ крестьянина на волю всецѣло предоставляется желанію помѣщика поэтому эта мѣра останется бумажной мѣрой; лучше было бы, говорилъ Голицынъ, установить опредѣленную норму оброковъ и надѣловъ". Николай отвѣтилъ: „Я, конечно, самовластный и самодержавный государь, но на такую мѣру никогда не рѣшусь". Въ концѣ концовъ „указъ объ обязанныхъ крестьянахъ" вышелъ изъ Госуд. Совѣта въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ принятъ въ 3-емъ секретномъ комитетѣ, т. е. съ поправкой Корфа. Этотъ указъ прав-во разсылало вмѣстѣ съ конфиденціальнымъ циркуляромъ, въ которомъ предписывалось губернаторамъ не допускать распространительнаго толкованія его во избѣжаніе волненій въ народѣ.

Въ первое время среди помѣщиковъ дѣйствительно раздавались толки и упреки по адресу гр. Киселева, но скоро помѣщики замѣтили, что указъ, какъ и указъ „о свободныхъ хлѣбопашцахъ“, начинается съ фразы: „если помѣщикъ пожелаетъ“... т. е. законъ не имѣлъ принудительной силы, а скорѣе носилъ характеръ благожелательнаго совѣта со стороны прав-ва. Помѣщики вскорѣ успокоились, и, какъ предсказалъ кн. Голицынъ, большихъ практическихъ результатовъ указъ не далъ, оставшись лишь бумажной мѣрой.

Такимъ образомъ, практически „указъ объ обязанныхъ крестьянахъ“ не отразился на жизни крѣпостной деревни. Но теоретически онъ все-таки имѣлъ большое значенiе: въ немъ, хотя въ очень робкой редакцiи, была высказана мысль о необходимости при отпускѣ крестьянъ на волю обезпечивать ихъ земельными надѣлами. Указъ вышелъ въ 1842 году и былъ реформой наиболѣе рѣшительной при Николаѣ I. Дальнѣйшiя мѣропрiятiя по крестьянскому вопросу касались только отдѣльныхъ его сторонъ.

Въ заключенiе обзора мѣръ николаевскаго прав-ва по крестьянскому вопросу познакомимся съ тѣмъ, какъ прав-во, издавая какой-нибудь законодательный актъ, шедшiй хоть немного навстрѣчу практическимъ нуждамъ народа, спѣшило взять его назадъ. Въ этомъ отношенiи характеренъ эпизодъ, разыгравшiйся въ началѣ 40-хъ гг., съ изданiемъ указа о правѣ крестьянъ требовать выкупа на волю при продажѣ земли помѣщика съ аукцiона за долги. Такое правило существовало у крестьянъ Грузiи. Въ 40-хъ гг. 19 в. возникла мысль о распространенiи этого права и на русскихъ крестьянъ. Законъ прошелъ черезъ Государственный Совѣтъ и получилъ санкцiю верховной власти. Но съ того момента, когда указъ вошелъ въ силу, онъ сталъ бѣльмомъ на глазу у сановныхъ крѣпостниковъ, которые употребляли всевозможныя усилiя, чтобы его уничтожить. Прямо объявить его отмѣну прав-во не рѣшилось. И бюрократiя повела обходную тактику: императору стали часто подавать заявленiя о необходимости отмѣнить этотъ указъ. Созывалось нѣсколько спецiальныхъ секретныхъ комитетовъ для сужденiя о его судьбѣ. Но Киселеву удавалось отстаивать существованiе указа. Тогда

противники его пошли другимъ путемъ: они воспользовались французской революціей 48-го года, чтобы напугать императора грозными послѣдствіями ея для Россіи, и подали записку Николаю „О возмутительныхъ началахъ, развивающихся въ Россіи, вслѣдствіе новаго распоряженія, предоставляющаго крестьянамъ право выкупа при продажѣ съ аукціона земель ихъ прежнихъ владѣльцевъ“. Начиналась она такъ: „Передъ глазами всѣхъ идетъ кровавый мятежъ, грозящій гибелью всей Европѣ; онъ возникъ тамъ, гдѣ давно уничтожена помѣстная власть дворянства (намекъ на Францію), гдѣ раздроблена поземельная собственность. Неужели Господь прогнѣвался на насъ и допуститъ Россію пойти по гибельнымъ стезямъ? Нѣтъ, Великъ Богъ земли русской, не совсѣмъ погибла надежда, государь въ силѣ возстановить спокойствіе умовъ своего народа, взволнованнаго Европой“. Такого рода языкъ былъ для Николая очень убѣдительнымъ. Наконецъ, былъ созванъ еще одинъ секретный комитетъ для обсужденія вопроса, что дѣлать съ указомъ, и онъ пришелъ къ неожиданному постановленію: отложить рѣшеніе этого вопроса на полгода, а черезъ полгода вышло новое изданіе правилъ о порядкѣ продажи съ аукціона помѣщичьихъ земель, при чемъ параграфъ о правѣ крестьянъ выкупаться на волю—въ него не былъ включенъ, хотя юридически никѣмъ не отмѣнялся. Такъ, чисто типографическимъ путемъ бюрократія похищала у Россіи законы.

Этимъ заканчивается та часть нашего курса, которая посвящена разсмотрѣнію сознательныхъ усилій прав-ва и общества по части подготовки государственныхъ преобразованій.

Обзоръ состоянія русскаго общества передъ эпохой преобразованій.

Во вторую половину царствованія Николая I, послѣ 1849 года, напуганное взрывомъ революціоннаго движенія въ Европѣ, прав-во окончательно отказывается отъ преобразовательныхъ попытокъ. Наступаетъ застой въ преобразовательной дѣятель-

ности, и правительство сосредоточивается на поддержанiи существующаго порядка путемъ полицейскаго террора, развитія шпіонажа, страшныхъ цензурныхъ гоненій; самыя невинныя проявленія общественнаго интереса къ государственной политикѣ строго преслѣдовались. Такъ поступили съ кружкомъ Петрашевцевъ. Вотъ этотъ періодъ въ царствованіи Николая окрашиваетъ въ сознаніи русскаго общества въ мрачные тона его царствованіе. Господствующее положеніе дѣлъ прекрасно было охарактеризовано Глѣбомъ Успенскимъ въ одномъ изъ его очерковъ. Помня впечатлѣнія ранняго дѣтства, которое совпало со второй половиной царствованія; онъ писалъ: „Не шевелиться, хотя мечтаешь, не показать виду, что думаешь, не показать виду, что не боишься, напротивъ, показать, что боишься и трепещешь, хотя для этого и основаній особенныхъ не было,—вотъ что выработала въ эти годы русская толпа. Надо постоянно бояться—это корень жизненной правды; вотъ что носилось тогда въ воздухѣ, угнетало толпу, отнимало отъ нея умъ и охоту думать. Увѣренности, что человѣкъ имѣетъ право жить, не было. Атмосфера была полна страха. Пропадешь! кричали небо и земля, воздухъ и вода, люди и звѣри, и все пряталось и бѣжало отъ бѣды“. Казалось, будто Россія застыла въ летаргическомъ снѣ, будто прекратилось движеніе впередъ, и нерѣдко это время характеризуетъ, какъ неподвижное состояніе вплоть до начала преобразовательной поры 60-хъ гг.

Но эту характеристику можно принять лишь съ существенной оговоркой; прекратилась преобразовательная дѣятельность прав-ва и передовыхъ общественныхъ группъ подъ гнетомъ правительственныхъ репрессій, но въ исторіи не бываетъ вообще моментовъ остановки жизненнаго развитія; то, что мы называемъ періодами реакціи, есть время, противоположное другому періоду, когда съ особенной силой развертывается преобразовательное творчество. Но и въ періоды реакцій жизнь не останавливается совершенно (остановка жизни означала бы прекращеніе существованія человѣческаго общества), движеніе жизни только перемѣщается въ болѣе глубокіе слои народа. Такъ именно и было во вторую четверть 19 ст.: на поверхности было все тихо—молчаніе, клад-

бище, но въ нѣдрахъ народнаго хозяйства въ это время совершался глубокій процессъ подготовки послѣдующихъ преобразованій соціальныхъ отношеній въ странѣ. Такимъ образомъ, преобразованія 60-хъ гг. подготовлялись въ теченіе 40—50 гг. не въ правительственныхъ канцеляріяхъ и секретныхъ комитетахъ, не въ передовыхъ общественныхъ кругахъ, а въ глубинѣ народной жизни, въ нѣдрахъ самой крѣпостной деревни.

Вторая часть нашего курса и будетъ посвящена обозрѣнію самой крѣпостной деревни, барскихъ усадебъ, дореформенныхъ городовъ, опредѣленію признаковъ постепеннаго жизненнаго роста Россіи путемъ статистическихъ данныхъ того времени. Разсмотримъ, на какіе составные элементы распадалось населеніе Россіи, какова была его соціальная физіономія. Для этого воспользуемся данными двухъ ревизій (ревизіей называлась перепись податного населенія, которая производилась черезъ опредѣленные сроки и вела свое начало съ царствованія Петра Великаго), которыя даютъ намъ детальную картину соціальнаго строенія Россіи; 8-ой ревизіи, произведенной въ 30-хъ гг. и 9-ой—въ серединѣ 50-хъ гг. Это намъ поможетъ бросить взглядъ на устройство русскаго общества въ то время. По 8-ой ревизіи общая совокупность населенія Россіи была исчислена въ 52,000,000 ревизскихъ душъ, по 9-ой въ 58,000,000 душъ.

	Данныя 8-ой ревизіи.	Данныя 9-ой ревизіи.
Крестьяне	84,25%	78,39%
Мѣщане, цеховые ремесленники и городск. обыват. .	5,57%	6,07%
	Данныя 8-ой ревизіи.	Данныя 9-ой ревизіи.
Войско.	4,22%	6,08%
Дворяне.	1,44%	1,95%
Разночинцы.	0,44%	0,08%
Духовенство	1,82%	1,03%
Иностранцы	0,05%	—
Купцы 3-хъ гильд. . .	0,49%	0,67%

Эта таблица очень краснорѣчиво указываетъ на чрезвычайно малую расчлененность общества на отдѣльныя группы,

что свидѣтельствуетъ о первобытномъ складѣ тогдашняго общества. Чѣмъ жизнь сложнѣе и интересы разнообразнѣе, тѣмъ расчлененнѣе бываетъ социальное строеніе. Всю массу населенія почти цѣликомъ составляли крестьяне, а всѣ остальныя группы—едва возвышающіеся наросты на этой громадной массѣ. Другая особенность заключается въ томъ, что количественное развитіе сословія является обратно пропорціонгльнымъ размѣрамъ правъ и преимуществъ, предоставленныхъ этому сословію: чѣмъ сословіе безправнѣе, тѣмъ оно многочисленнѣе. Почти все населеніе состояло изъ крестьянъ, въ юридическомъ же отношеніи этотъ классъ былъ наиболѣе обдѣленъ, тогда какъ всѣ права и преимущества принадлежали маленькой кучкѣ привилегированнаго класса. Такимъ образомъ, рѣзкая непропорціональность между количественнымъ развитіемъ даннаго сословія и объемомъ принадлежащихъ ему правъ и преимуществъ—второе заключеніе, выводимое нами изъ разсмотрѣнія этой таблицы. Эта непропорціональность—явленіе нерѣдкое въ исторіи обществъ въ различныхъ сранахъ, но здѣсь она слишкомъ рѣзка и указываетъ на такой общественный строй, который не можетъ оказаться твердымъ и устойчивымъ, и самой жизнью предназначенный къ дальнѣйшему преобразованію. Сопоставляя данныя 8-ой и 9-ой ревизіи мы видимъ, что за 20 лѣтъ, которыя протекли между ними, общій социальный строй Россіи почти не измѣнился, только крестьянская масса къ 9-ой ревизіи нѣсколько уменьшилась подъ вліяніемъ какихъ то условій.

Крестьяне передъ эпохой преобразованій.

Разсмотримъ условія жизни отдѣльныхъ разрядовъ тогдашняго населенія. Громадное большинство составляли крестьяне. По 8-ой ревизіи послѣдніе разбивались на слѣдующія группы: крѣпостные крестьяне составляли изъ общаго количества крестьянской массы 51,84%; (беремъ % отношенія не ко всему населенію Россіи, а только къ крестянскому классу); 2,56% падало на долю крестьянъ, собственно тоже

крѣпостныхъ, но принадлежавшихъ не частнымъ лицамъ, а цѣлымъ учрежденіямъ, фабрикамъ и общественнымъ учрежденіямъ; 3,54% составляли удѣльные крестьяне и 42,06% крестьяне государственные. По 9-ой ревизіи на долю крѣпостныхъ крестьянъ приходилось 49,3%, фабричныхъ и принадлежащихъ общественнымъ учрежденіямъ—2,07%, удѣльныхъ—3,97% и государственныхъ—44,66%. Если удѣльныхъ крестьянъ присоединимъ къ государственнымъ, а принадлежащихъ фабрикамъ и учрежденіямъ—къ крѣпостнымъ, то вся эта классификація сведется къ двумъ рубрикамъ: 1) крестьяне крѣпостные и 2) государственные. Тогда у насъ получатся слѣдующія %-ныя отношенія: по 8-ой ревизіи крѣпостные крестьяне составляли 54,4%, свободные 45,6%. Слѣдовательно, болѣе половины всѣхъ крестьянъ находилось въ крѣпостной зависимости, а государственные (свободные) составляли меньшую часть. По 9-ой же ревизіи крѣпостные крестьяне составляли 51,37%, свободные 48,63%. Эта таблица наводитъ насъ на слѣдущія заключенія: такъ какъ болѣе половины всего крестьянства было закрѣпощено, то такого важнаго факта было достаточно, чтобы и весь строй народнаго хозяйства былъ въ зависимости отъ существованія въ странѣ крѣпостного права, даже и въ такихъ имѣніяхъ, гдѣ крестьяне не были крѣпостными. Второй выводъ можно сдѣлать такой: за время отъ 8-ой ревизій до 9-ой, % крѣпостныхъ крестьянъ сравнительно со свободными, нѣсколько уменьшился—по 8-ой ревизіи крѣпостные крестьяне составляли 54,4%, а по 9-ой 51,37%; слѣдовательно, на 3% сокращается количество крѣпостной массы. Для насъ здѣсь важно отмѣтить тенденцію въ сторону сокращенія. Возьмемъ цифры абсолютныя и получимъ: по 8-ой ревизіи 1836 г. крѣпостныхъ душъ считалось въ Россіи 22,788,090, а по 10-ой 1859 г. было 22,563,086 душъ. Такимъ образомъ, за время, интересующее насъ, крѣпостные крестьяне составляли большинство, но эта масса медленно сокращалась. Чтобы понять причины этого, мы должны войти въ типичную крѣпостную вотчину тогдашней Россіи и посмотрѣть, какой процессъ совершался въ строѣ самого крѣпостного хозяйства.

Россія переживала въ это время очень важный экономи-

ческій процессъ, который произвелъ глубокую соціальную перемѣну во всемъ складѣ жизненныхъ отношеній страны и подготовилъ собою реформы 60-хъ гг. 19 ст. Сущность перелома состояла въ томъ, что въ теченіе 1-й половины 19 в. Россія начала выходить изъ рамокъ натуральнаго и переходить къ хозяйству мѣновому, денежному. Вотъ крупнѣйшій соціальный фактъ въ русской жизни того времени. Подъ натуральнымъ разумѣется такого рода хозяйство, при которомъ каждая отдѣльная вотчина потребляетъ то, что сама производитъ, т.-е. работаетъ не на сбытъ, а только на собственное потребленіе. Поэтому каждое отдѣльное хозяйство представляло собою въ экономическомъ отношеніи замкнутый въ себѣ мірокъ. Мѣновымъ же хозяйствомъ называется то, когда въ странѣ развивается торговый обмѣнъ, когда каждое хозяйство специализируется на производствѣ какого-нибудь одного продукта, и затѣмъ на городскомъ рынкѣ совершаетъ его обмѣнъ. Въ теченіе 1-ой половины 19 в. крѣпостная Россія и стала постепенно выходить изъ прежнихъ рамокъ натуральнаго хозяйства и втягиваться въ обороты мѣнового. Этотъ переломъ и наложилъ отпечатокъ на рядъ явленій крѣпостной вотчины.

Основнымъ экономическимъ признакомъ, который указываетъ на господство натурально-хозяйственныхъ отношеній въ крѣпостной вотчинѣ, были, во-первыхъ, очень слабая связь крѣпостной вотчины съ рынкомъ: ничего не пріобрѣтая съ рынка, крѣпостное хозяйство все необходимое производило въ рамкахъ данной вотчины руками крестьянъ и дворовыхъ, на рынкѣ же покупались только тѣ продукты, которые нельзя было производить самимъ—чай, кофе, металлическія принадлежности одежды, сельскохозяйственныя орудія, соль, свѣчи, мыло и лѣсъ въ безлѣсныхъ мѣстностяхъ; всѣ остальные продукты—пищевые. предметы домашней обстановки, одежда, мебель и т. д.—производились руками крѣпостныхъ крестьянъ; во вторыхъ, отличительной чертой вотчины являлось обиліе дворовыхъ людей, т.-е. такихъ, которые не были посажены на землю, а жили во дворѣ господина (отсюда и ихъ названіе) и прямо отъ него получали содержаніе. Всѣ свидѣтельства, какъ иностранцевъ, такъ и русскихъ, дошедшія до насъ,

согласно указываютъ на то, что изобиліе дворовыхъ людей въ господскомъ домѣ бросалось въ глаза всякому постороннему наблюдателю. Многочисленность дворни часто объясняютъ у насъ просто прихотью помѣщика, который держалъ ихъ для удовлетворенія требованій своей барской натуры. Но намъ хорошо извѣстно, что дворовые люди въ началѣ 19 ст. имѣли свои самостоятельныя экономическія функціи, которыя вытекали иаъ господства натурально-хозяйственныхъ отношеній, такъ какъ вотчина сама потребляла то, что производила, то нужно было не только добывать сырье, но и перерабатывать его въ предметы домашней необходимости. Эти функціи и распредѣлялись тогда между крестьянами, сидѣвшими на надѣлѣ, и дворовыми. Крѣпостные крестьяне, сидѣвшіе на земельномъ надѣлѣ, занимались добывающей промышленностью въ данномъ хозяйствѣ, а дворовые — обрабатывающей. Вотъ почему нужно было обиліе дворовыхъ. Третьей отличительной чертой крѣпостной вотчины являлся натуральный характеръ крестьянскаго оброка, который они должны были платить помѣщику за надѣлъ, выдѣленный имъ въ пользованіе, при чемъ этотъ оброкъ вносился не столько деньгами, сколько натурой, т.-е. деревенскими издѣліями или сырыми продуктами—хлѣбомъ, грибами, ягодами, полотнами и т. д. Наконецъ, четвертой типичной чертой такого хозяйства являлась сравнительно большая величина земельныхъ надѣловъ, получавшихся крестьянами отъ помѣщика въ пользованіе. Послѣднее стояло въ непосредственной связи съ господствомъ натуральнаго хозяйства, такъ какъ помѣщикъ тогда не работалъ на сбытъ, а старался о томъ, что бы въ рамкахъ своего хозяйства добыть только то, что бы было необходимо для потребленія, не имѣя стремленія расширить свою барскую запашку. Итакъ отличительныя черты крѣпостного хозяйства въ началѣ 19 в., которыя всей своей совокупностью указывали на господство его натуральнаго характера были слѣдующія: 1) малое количество покупныхъ предметовъ потребленія, 2) обиліе дворни, 2) натуральный составъ крѣпостного оброка и 4) значительный размѣръ земельныхъ надѣловъ крестьянъ. Весь этотъ очерченный нами укладъ неуклонно измѣнялся по мѣрѣ того, какъ Россія переходила отъ хозяй-

ства натуральнаго къ мѣновому, при чемъ переходъ обусловливался прежде всего увеличенiемъ народонаселенiя: вѣдь, чѣмъ плотнѣе населенiе, тѣмъ скорѣе страна переходитъ къ болѣе сложной и усовершенствованной формѣ хозяйства.

По мѣрѣ того, какъ въ Россiи развивались мѣновыя отношенiя, осложнялся и ходъ экономической жизни, а это не могло не отразиться на всемъ хозяйственномъ обиходѣ страны, какъ въ городахъ, такъ и въ захолустныхъ деревушкахъ, затерянныхъ въ необъятномъ просторѣ полей. Крѣпостное хозяйство стало, такимъ образомъ, втягиваться въ обиходъ мѣновыхъ отношенiй, а это, въ свою очередь, привело къ глубокому переустройству послѣдняго. Какое влiянiе это оказало на измѣненiе внутренняго строя крѣпостной вотчины? Прежде всего измѣнилось отношенiе самого помѣщика къ своему имѣнiю: раньше онъ видѣлъ въ немъ только средство спокойно жить на лонѣ природы и на плечахъ дарового труда; съ развитiемъ же въ странѣ мѣновыхъ отношенiй и рынка, помѣщикъ превращается въ предпринимателя, въ поставщика на рынокъ хлѣбнаго товара. Сейчасъ же на всемъ строѣ крѣпостного хозяйства отразилась перемѣна въ положенiи помѣщика, который не сталъ ограничиваться извлеченiемъ изъ имѣнiя необходимаго только дтя его обихода, а старался получить возможно большее количество продуктовъ для сбыта ихъ на рынокъ. Значитъ, помѣщикъ начинаетъ въ своей хозяйственной дѣятельности повышать производительность имѣнiя.

Въ связи съ этимъ намѣчается цѣлый рядъ новыхъ явленiй и въ прiемахъ хозяйства и во внутреннемъ обиходѣ самой жизни вотчины. Первое заключается въ томъ, что крѣпостное хозяйство разбивается на двѣ системы, которыя необыкновенно правильно располагаются по двумъ половинамъ русской равнины: крѣпостное хозяйство оброчное, которое укореняется въ центрѣ и на сѣверѣ Россiи, и барщинное—на черноземномъ югѣ. И до такой степени это распредѣленiе правильно, что тѣ губернiи, которыя лежатъ на рубежѣ черноземной и суглинковой полосы, какъ бы разбиваются на двѣ половины: сѣверные уѣзды —

суглинковые, а южные — черноземные. Такъ въ Рязанской губ. сѣверные уѣзды нечерноземные, а къ югу отъ Оки начинается черноземъ. И система крѣпостного хозяиства въ нихъ также разбивалась на двѣ половины: въ сѣверныхъ уѣздахъ преобладала оброчная, а въ южныхъ — барщинная. Оброчнымъ хозяйствомъ называется такое, при которомъ крѣпостные крестьяне, получая отъ помѣщика земельный надѣлъ въ пользованіе, должны были въ уплату за него вносить послѣднему оброкъ натурою или деньгами. Барщинная же система заключалась въ томъ, что крестьянинъ, получая въ пользованіе земельный надѣлъ, долженъ былъ въ уплату за него являться въ назначенное время на барское поле для его обработки. Распредѣленіе этихъ двухъ системъ по сѣверной и южной полосамъ Россіи стоитъ въ зависимости отъ стремленія помѣщика извлечь возможно большее количество продуктовъ, которые можно было бы поставлять на рынокъ. А такъ какъ наибольшій доходъ теперь можно было получать примѣнительно къ мѣстнымъ географическимъ и хозяйственнымъ условіямъ, то и крѣпостное хозяйство дифференцируется на двѣ системы: въ центрѣ Россіи наиболѣе выгодно было получать доходъ при помощи оброковъ, такъ какъ вслѣдствіе неплодородія почвы здѣсь были развиты отхожіе промыслы, а на югѣ — главнымъ источникомъ благосостоянія была земля, отличавшаяся плодородіемъ, и владѣлецъ ея считалъ болѣе доходнымъ требовать, чтобы крестьянинъ являлся на барское поле и обрабатывалъ его. Наконецъ, послѣдствіемъ перехода отъ натуральнаго хозяйства къ мѣновому является и постепенное уменьшеніе земельныхъ надѣловъ въ барщинной полосѣ. При натуральномъ хозяйствѣ помѣщику незачѣмъ было расширять свою запашку, но съ превращеніемъ въ предпринимателя, онъ старался расширить ее, чтобы получать больше хлѣба для рынка. Свою же запашку онъ могъ расширять только на счетъ крестьянскихъ надѣловъ, отсюда и происходило увеличеніе барской запашки и уменьшеніе крестьянскаго надѣла въ черноземной полосѣ. Итакъ, превращеніе помѣщика въ предпринимателя приводило къ раздѣленію крѣпостного хозяйства на барщинное и оброчное, съ правильнымъ рас-

предѣленіемъ ихъ по двумъ полосамъ Россіи, и уменьшенію крестьянскаго надѣла въ барщинной полосѣ.

Измѣненія, которыя произошли въ это время въ крѣпостномъ хозяйствѣ и въ положеніи оброчныхъ и барщинныхъ крестьянъ, были таковы: крѣпостное хозяйство слагалось изъ двухъ порядковъ отношеній — 1) помѣщикъ изъ состава своей земли часть выдѣлялъ крестьянину въ пользованіе, а 2) крестьянинъ, пользуясь ею и содержа себя, долженъ былъ въ отплату вносить помѣщику оброкъ или работать на барщинѣ.

Разсмотримъ поочередно, 1) какъ слагалось земельное обезпеченіе крестьянъ и 2) какъ крестьяне отплачивали помѣщику за пользованіе надѣломъ. Что касается земельнаго обезпеченія крестьянъ въ первой половины 19 в., то оно въ среднемъ выражается въ слѣдующихъ цифрахъ: наканунѣ отмѣны крѣпостного права за помѣщиками считалось 105,200,108 десятинъ земли; она распредѣлялась такъ: помѣщики предоставляли крестьянамъ 25,779,014 десятинъ земли, а за собой удержали 69,421,094 десятянъ, иначе говоря, они уступали крестьянамъ $^1/_3$, а себѣ оставляли $^2/_3$ земли. Это средняя цифра.

Въ хозяйственномъ отношеніи Россія разбивается на рядъ районовъ, изъ которыхъ каждый отмѣченъ своеобразными чертами. Сначала нужно опредѣлить общіе контуры хозяйственнаго процесса по отношенію ко всей странѣ, а затѣмъ ужъ разсматривать его по отдѣльнымъ районамъ. Можно установить общій фактъ: чѣмъ менѣе нуждался въ землѣ самъ помѣщикъ, тѣмъ щедрѣе онъ надѣлялъ ею своихъ крестьянъ. Опредѣлить цифровыя нормы для земельныхъ надѣловъ крѣпостныхъ крестьянъ очень трудно, такъ какъ онѣ очень варьировались по отдѣльнымъ полосамъ и даже имѣніямъ. Немалое значеніе здѣсь имѣлъ, конечно, помѣщичій произволъ, и вообще, совокупность случайныхъ обстоятельствъ. Принявъ это наблюденіе за руководящую нить, можно опредѣлить, что крестьянскіе надѣлы расширялись отъ юга къ сѣверу, т.-е. отъ черноземной полосы къ суглинковой. Въ центрѣ и на сѣверѣ помѣщики предоставляли крестьянамъ значительные надѣлы, наоборотъ, въ южной

черноземной полосѣ земельные надѣлы становились все меньше и меньше. Если въ суглинковой оброчной полосѣ бывали такіе случаи, что въ отдѣльныхъ имѣніяхъ почти вся земля предоставлялась крестьянамъ, а помѣщикъ оставлялъ въ своемъ хозяйственномъ распоряженіи ничтожный клочокъ земли около усадьбы, то въ черноземной, наоборотъ, земля предоставлялась крестьянамъ лишь въ такомъ количествѣ, какое было необходимо для прокормленія крестьянской семьи. Согласныя свидѣтельства нѣкоторыхъ статистическихъ изслѣдованій, предпринятыхъ уже въ то время относительно размѣровъ крестьянскихъ надѣловъ, а также данныя нѣкоторыхъ теоретическихъ руководствъ по сельскому хозяйству приводятъ насъ къ выводу, что наиболѣе типичнымъ размѣромъ земельнаго надѣла во вторую половину 19 в. въ черноземной полосѣ былъ надѣлъ въ двѣ десятины на душу. Если принять во вниманіе средній уровень потребностей крестьянской семьи и среднюю урожайность тогдашней десятины, то выходитъ, что двѣ десятины на душу были надѣломъ въ обрѣзъ.

Теперь посмотримъ, какъ платилъ крѣпостной крестьянинъ и оброчный и барщинный, помѣщику за пользованіе этой землей. Что касается оброка, то онъ вносился сначала натурою, затѣмъ, въ теченіе второй половины 19 в., вытѣснился денежнымъ. Опредѣлить здѣсь размѣръ его невозможно, слишкомъ пестро варьировались его нормы въ отдѣльныхъ имѣніяхъ и по отдѣльнымъ полосамъ, всецѣло завися отъ личнаго усмотрѣнія господина. Законодательство не устанавливало никакихъ обязательныхъ правилъ при опредѣленіи размѣра оброка. Но все-таки можно уловить одно общее руководящее начало. Опредѣляя размѣръ оброка, помѣщикъ старался взять съ крестьянина, что было можно, т. е. высота оброка не обусловливалась количествомъ и качествомъ земельнаго надѣла, а независимо отъ него въ составъ оброка входилъ всякаго рода крестьянскій доходъ: отхожіе промыслы, городскіе заработки и т. д. и со всего помѣщикъ обязательно взималъ часть въ свою пользу. Это бросаетъ свѣтъ на юридическую и экономическую сущность крестьянскаго оброка: онъ по своей финансовой природѣ вовсе не былъ взносомъ,

который помѣщикъ получалъ исключительно какъ землевладѣлецъ, онъ взималъ его и какъ душевладѣлецъ, въ силу факта владѣнія личностью крѣпостного крестьянина. Слѣдовательно, крѣпостной оброкъ не былъ поземельнымъ обложеніемъ, но доходомъ, который вытекалъ изъ права помѣщика какъ на землю, такъ и на личность крестьянина. Въ общемъ, крѣпостной оброкъ въ теченіе первой половины 19 в. послѣдовательно повышается; иногда эти повышенія принимали характеръ внезапныхъ скачковъ вверхъ подъ вліяніемъ случайныхъ обстоятельствъ; такъ въ 1815 г. размѣръ оброка быстро повысился въ зависимости отъ измѣненія тарифной политики правительства. Еще при Петрѣ Великомъ былъ введенъ весьма высокій тарифъ на привозимые изъ-за границы фабрикаты, съ цѣлью поддержать и устранить отъ конкуренціи. Но въ 1815 г. былъ сдѣланъ опытъ пониженія ввозныхъ пошлинъ, что, понизивъ цѣны на заграничныя издѣлія, сдѣлало болѣе дешевой жизнь для трудового населенія. Помѣщики сейчасъ же учли это обстоятельство и сдѣлали соотвѣтствующую прибавку къ крѣпостному оброку. Однако, хотя запретительный тарифъ и былъ впослѣдствіи снова введенъ, но оброкъ, разъ повышенный, уже не понижался. Независимо отъ такихъ отдѣльныхъ случаевъ, оброкъ въ 1-ую половину 19 в. послѣдовательно повышался и прямо подъ вліяніемъ роста въ странѣ мѣнового хозяйства въ зависимости отъ стремленія помѣщика извлечь изъ имѣнія возможно большій доходъ. Положеніе оброчнаго крестьянина въ общемъ было въ неблагопріятныхъ условіяхъ: онъ не былъ ни въ чемъ обезпеченъ, такъ какъ законъ не ограничивалъ произволъ помѣщика: крестьянинъ не могъ спокойно пользоваться результатами своихъ трудовъ, потому что помѣщикъ всегда могъ отобрать все, что первый пріобрѣлъ. Далѣе, оброчный не былъ обезпеченъ въ пользованіи своимъ земельнымъ участкомъ: владѣлецъ всегда могъ снять его съ земли и перевести въ дворовые, что подрывало его хозяйственную энергію. Каждое увеличеніе заработка оброчнаго крестьянина влекло за собою повышеніе оброка. Такъ напр., въ Костромской губ., гдѣ земли было сравнительно достаточно, оброкъ былъ не особенно высокъ, но въ Ярославской, гдѣ размѣръ зе-

мельныхъ надѣловъ былъ незначительный, оброкъ достигъ весьма значительныхъ размѣровъ, вслѣдствіе развитія различныхъ промысловъ. Въ селѣ Ивановѣ, принадлежавшемъ гр. Шереметеву со множествомъ фабрикъ, изъ которыхъ часть была въ арендѣ у крестьянъ, нанимавшихъ на эти фабрики другихъ крестьянъ, помѣщикъ соотвѣтственнымъ образомъ поднялъ оброкъ.

Положеніе оброчныхъ крестьянъ все таки считалось легче положенія крестьянъ барщинныхъ. Пушкинъ такъ характеризуетъ хозяйственныя заботы Евгенія Онѣгина, поселившагося въ деревнѣ и пожелавшаго облегчить участь крестьянъ:

„Яремъ онъ барщины старинной
Оброкомъ легкимъ замѣнилъ, —
И рабъ судьбу благословилъ".

Въ тогдашней практикѣ примѣнялся пріемъ, который показываетъ, что барщина считалась болѣе тяжелой повинностью, чѣмъ оброкъ. Въ оброчныхъ имѣніяхъ существовали такъ называемыя штрафныя, барщинныя запашки, т. е. крестьянъ, сидѣвшихъ на оброкѣ и запускавшихъ его платежи, снимали съ оброка и сажали на эту барскую запашку, очевидно, считавшуюся тяжелѣй оброчной.

Перейдемъ теперь къ характеристикѣ этого рода повинности.

Барщинные крестьяне, юридически, стояли какъ будто въ лучшемъ положеніи, чѣмъ оброчные, такъ какъ относительно первыхъ дѣйствовалъ законъ Павла I; размѣръ же оброка не былъ установленъ. Законъ этотъ, опредѣлившій размѣръ барщины на три дня, изданный Павломъ, собственно, заключалъ въ себѣ запрещеніе барщинныхъ работъ по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ, въ качествѣ же дополнительнаго мотива онъ прибавлялъ, что для помѣщика, вообще, достаточно работы крестьянина на него въ теченіе 3-хъ дней въ недѣлю, остальные дни онъ можетъ работать на себя. Такимъ образомъ, категорическаго запрещенія требовать барщинной работы болѣе трехъ дней — въ указѣ не было. Обычно, крестьянинъ работалъ полъ-недѣли на помѣщика, а полъ-недѣли на себя. Это объяснялось

тѣмъ, что въ 18 и началѣ 19 столѣтія и земля въ большинствѣ случаевъ дѣлилась пополамъ: полъ-имѣнія было подъ барской запашкой, а полъ-имѣнія дѣлилось между крестьянами. Но уже въ концѣ 18 вѣка встрѣчались случаи, когда барщина увеличивалась. У Радищева въ „Путешествіи изъ Петербурга въ Москву“ приводится разсказъ о томъ что онъ проѣзжая видѣлъ крестьянина, пахавшаго поле въ воскресный день. На вопросъ Радищева, почему онъ пашетъ въ праздникъ, крестьянинъ отвѣтилъ: „некогда больше работать“. Въ первую же половину 19 вѣка этотъ ростъ барщинныхъ работъ пошелъ быстро впередъ въ зависимости отъ расширенія барской запашки.

Указъ Павла I запрещалъ требовать только полевыхъ работъ болѣе 3-хъ дней, масса же другихъ тяжелыхъ повинностей, съ обработкой полей не имѣвшихъ ничего общаго, но чрезвычайно изнурявшихъ барщинныхъ крестьянъ, (всякаго рода издѣлія, натуральныя повинности) не ограничивались ни въ какомъ случаѣ тремя днями. Вотъ образчикъ цѣлаго ряда повинностей. Въ Саратовской губ. было имѣніе въ 81.780 десятинъ земли съ 5000 крестьянъ, барщина же заключалась въ слѣдующемъ: каждое тягло (т. е. семья изъ 5 — 6 человѣкъ) обрабатывало у помѣщика 14 десятинъ земли, такъ какъ въ имѣніи было очень развито овцеводство (болѣе 30.000 овецъ), то нужно было приготовить 14.000 пудовъ сѣна, 135.000 пудовъ соломы, ежедневно выстилать ею 20 помѣщеній въ 12.000 кв. саженъ каждое, весною же вывозить навозъ въ одинъ аршинъ толщины; затѣмъ, отвезти 200,000 пудовъ муки въ Саратовъ и т. д. Особенно много времени и силъ брала повинность извозная: такъ какъ подводы и трудъ были даровые, то помѣщики не стѣснялись посылать свой продукты очень далеко для сбыта на рынкѣ. Это занимало иногда всю зиму и являлось тяжелымъ придаткомъ къ лѣтней полевой страдѣ на барскихъ запашкахъ, становясь все тяжелѣе пропорціонально росту связи крѣпостной вотчины съ рынкомъ. На положеніи барщинныхъ крестьянъ мы наблюдаемъ усиленіе мѣнового хозяйства въ странѣ: барщинный крестьянинъ, работая все больше, получаетъ все меньше и меньше земли, потому что расширеніе барской запашки происходило только за счетъ умеьншенія крестьянскаго надѣла.

Самой тяжелой изо всѣхъ повинностей, которыи несли барщинные крестьяне, была повинность извозная. Подводы и трудъ были даровые, поэтому помѣщики не стѣснялись ни количествомъ ихъ, ни разстояніемъ, и крестьянамъ приходилось возить барскую кладь за нѣсколько тысячъ верстъ, на что часто уходила вся зима. Насколько самъ помѣщикъ смотрѣлъ на нее, какъ на важную отрасль обихода крѣпостной вотчины; видно изъ того, что за уклоненіе отъ повинности крестьяне должны были уплачивать крупный штрафъ, равнявшійся годовому оброку. И чѣмъ тѣснѣе становилась связь вотчины съ рынкомъ, тѣмъ тяжелѣе была извозная повинность. Мы видимъ, что съ переходомъ отъ натуральнаго хозяйства къ мѣновому и съ установленіемъ связи между вотчиной и рынкомъ усиливались тягости, ложившіяся на плечи крѣпостныхъ крестьянъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ все уменьшался земельный надѣлъ, который давался въ пользованіе барщиннымъ крестьянамъ. Барская же запашка росла потому, что помѣщикъ старался доставить на рынокъ возможно большее количество хлѣба.

Въ хозяйствѣ 2-й четверти 19 вѣка мы наблюдаемъ два параллельно развивающіеся процесса: первый заключался въ ростѣ барщинныхъ повинностей, второй—въ сокращеніи надѣловъ барщинныхъ крестьянъ, въ ихъ постепенномъ обезземеливаніи. Процессы эти развиваются безостановочно въ теченіе всей первой половины 19 вѣка и пріобрѣтаютъ ускоренный темпъ въ теченіе царствованія Николая I, при чемъ первый—въ своемъ логическомъ завершеніи долженъ былъ привести барщинныхъ крестьянъ къ полному превращенію ихъ изъ крестьянъ, сидящихъ на надѣлахъ, въ безземельныхъ батраковъ.

Проэктъ Вилькинса.

Уже въ 30-хъ гг. эта мысль, превратить крестьянъ въ безземельныхъ батраковъ, стала появляться въ сознаніи нѣкоторыхъ помѣщиковъ, найдя полное выраженіе въ одномъ сочиненіи по сельскому хозяйству, принадлежавшемъ нѣкоему Вилькинсу, который былъ въ одно время помѣщикомъ

практикомъ и теоретикомъ. Въ этомъ сочиненіи есть любопытный проектъ—образовать, такъ называемыя сводныя семейства изъ барщинныхъ крестьянъ. Указывая, на то, что помѣщику очень выгодно расширять свою запашку на счетъ надѣловъ крѣпостныхъ Вилькинсъ считаетъ самымъ раціональнымъ способомъ использованія крестьянскаго труда слѣдующій: снять барщинныхъ крестьянъ съ надѣловъ и присоединить послѣдніе къ барскому полю, а изъ крестьянъ образовать такъ называемыя сводныя семейства. Онъ совѣтуетъ въ особо построенныхъ баракахъ размѣстить снятыхъ съ надѣла крестьянъ по нѣсколько семействъ въ одинъ баракъ, а надъ каждымъ изъ нихъ поставить особаго старосту для надзора за ними и правильнымъ ходомъ ихъ работъ; содержаніе же крестьяне должны были получать уже не отъ земли, а прямо отъ господина: пищу, одежду и все необходимое. Вотъ осуществленіе этого идеала, начертаннаго Вилькинсомъ, и представило бы собою превращеніе барщинныхъ крестьянъ въ безземельныхъ батраковъ, работающихъ на господина за извѣстное вознагражденіе. Однако самъ Вилькинсъ въ своемъ сочиненіи замѣчаетъ; „врядъ ли какой-нибудь хозяинъ рѣшится на такую крутую ломку всѣхъ старыхъ отношеній своей вотчины“.

Сочиненіе это вышло въ 30 хъ гг., а уже въ 40-хъ сталъ появляться особый разрядъ крестьянъ, такъ называемыхъ, мѣсячниковъ, т. е. снятыхъ съ надѣла, (который присоединялся къ барской запашкѣ) работающихъ на господина и получающихъ за это мѣсячину (мѣсячное содержаніе). Такимъ образомъ, процессъ обезземеливанія барщинныхъ крестьянъ къ срединѣ 40 хъ гг. изъ области теоретическихъ разсужденій сталъ превращаться въ жизненный фактъ. Юрій Самаринъ въ своихъ обширныхъ запискахъ о крѣпостномъ правѣ, вышедшихъ! въ 50-хъ гг., указываетъ на распространеніе новаго разряда крестьянъ—мѣсячниковъ — въ различныхъ частяхъ Россіи, особенно въ Малороссіи и въ степяхъ Приволжья. Отмѣчая это явленіе, онъ считаетъ его грознымъ несущимъ съ собою большую соціальную опасность. И дѣйствительно, оторванное отъ земли, поселенное въ казармахъ, опутанное сѣтью неограниченнаго произвола помѣщика, за-

битое каторжнымъ трудомъ, напоминавшимъ военныя поселенія Аракчеева, — тогдашнее крестьянство могло найти изъ этого только два выхода: или склониться къ полному физическому и нравственному одичанію, или вступить на путь открытаго мятежа противъ тяжелыхъ жизненныхъ условій. И чѣмъ ближе мы подвигаемся къ интересующей насъ эпохѣ, тѣмъ все больше развертываются явленія, показывающія, что ко второму исходу крестьяне стали обращаться гораздо чаще. Никогда за все время существованія крѣпостного права, крестьянство не мирилось со своимъ положеніемъ: возстанія и вспышки неудовольствія иногда принимали видъ широкихъ народныхъ движеній, какъ разиновщина въ 17 и пугачевщина въ 18 вв. И во второй четверти 19 ст., чѣмъ ближе подходилъ часъ отмѣны крѣпостного права, тѣмъ нервнѣе становилось крѣпостное крестьянство. „Народъ портится"—вотъ фраза, которая была постоянно на устахъ у помѣщиковъ: это значило, что чаша народнаго терпѣнія переполнилась. Наблюдатели деревенской жизни говорятъ, что во второй четверти вѣка были нерѣдко случаи, когда крестьяне, выведенные изъ терпѣнія, возставали противъ своихъ помѣщиковъ, подвергая ихъ жестокимъ истязаніямъ.

Только разсмотрѣвъ въ совокупности всѣ эти явленія, можно понять справедливость словъ Александра II, который сказалъ на пріемѣ въ Москвѣ, дворянамъ: „пора начать отмѣну крѣпостного права сверху, иначе оно само начнетъ отмѣняться снизу". Это не было эффектной фразой въ устахъ императора, а являлось отголоскомъ непосредственныхъ наблюденій надъ тогдашней жизнью. Крѣпостное право стало обращать на себя вниманіе правительственной власти. Этотъ политическій моментъ явился слѣдствіемъ экономическихъ условій.

Крѣпостная деревня.

Теперь намъ нужно посмотрѣть на экономическое положеніе крѣпостной деревни. Нерѣдко у насъ слышится противоположеніе крестьянина дореформеннаго, голодающаго — якобы сытому, крѣпостному. Говорятъ, что хотя отъ крѣ-

постного права страдала личность крестьянина, зато онъ былъ обезпеченъ на черный день. Такъ ли это? Здѣсь вообще нельзя говорить о сытости и о голоданіи, а только о различныхъ степеняхъ голоданія. Если послѣ освобожденія для многихъ крестьянскихъ семействъ даже возможность существованія безъ страха передъ нуждой являлась несбыточной мечтой, то при крѣпостномъ правѣ экономическое положеніе крестьянъ было очень немногимъ лучше. Помѣщикъ вообще мало заботился о поднятіи матеріальнаго благосостоянія крестьянъ, а только старался выколачивать изъ нихъ подати. Ясная мысль о томъ, что ихъ собственное благосостояніе находится въ зависимости отъ благосостоянія крѣпостныхъ, рѣдко приходила въ помѣщичьи головы. Даже въ нормальные годы при среднемъ урожаѣ экономическій бытъ деревни стоялъ на низкомъ уровнѣ: крѣпостная деревня представляла рядъ убогихъ лачугъ, курныхъ избъ, въ которыхъ крестьяне жили совершенными дикарями, въ первобытныхъ жизненныхъ условіяхъ; когда же Россію посѣщалъ неурожай,—а при крѣпостномъ правѣ неурожаи повторялись такъ же хронически, какъ и послѣ реформы,—она встрѣчалась со всѣми ужасами голода, съ которыми знакомимся мы еще и теперь. Вотъ описаніе положенія крестьянъ во время голода въ 1840 г. въ Тульской губ. Свѣдѣнія нарочно беремъ изъ офиціальнаго источника — „Журнала министерства внутреннихъ дѣлъ",—который нельзя заподоздрить въ намѣренномъ сгущеніи мрачныхъ красокъ: „въ голодныя зимы положеніе крестьянина ужасно: онъ ѣстъ всякую гадость, желуди, древесную кору, солому и т. д. Ему не на что купить соли. Появляются страшныя болѣзни, у женщинъ пропадаетъ молоко въ груди, и грудные младенцы гибнутъ, какъ мухи". Въ томъ же журналѣ было отмѣчено, какъ во многихъ уѣздахъ Калужской губ. ходили блѣдные, изнуренные крестьяне и просили милостыню. Когда въ томъ же 1840 г. случайно пріѣхалъ въ Тамбовъ товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ, то крестьяне массами направились въ городъ съ прошеніями о томъ, чтобы казна вошла въ ихъ положеніе. Мѣстнымъ властямъ стоило большихъ усилій прекратить это нашествіе голодающихъ на Тамбовъ—обѣщаніями,

что начальство приметъ во вниманіе ихъ положеніе. Несмотря на существованіе закона, обязывавшаго помѣщиковъ кормить крестьянъ въ голодные годы, крестьяне во время недорода оставлялись на произволъ судьбы и разсчитывали на помощь жертвователей и разныхъ вспомоществованій, которыя получали путемъ прошеній. Въ „Обзорѣ дѣйствій департамента сельскаго хозяйства“, въ офиціальномъ изданіи, можно видѣть довольно высокія цифры ссудъ, которыя казна выдавала крестьянамъ. Вотъ что пишетъ въ 1858 г. Кошелевъ, одинъ изъ вдумчивыхъ наблюдателей деревенской жизни: „обѣдненіе помѣщичьихъ крестьянъ возрастаетъ, оброки увеличиваются, оброки въ 25—30 руб. считаются умѣренными, доходятъ до 40 — 50 руб. Господская запашка удваивается и утраивается, способы извлеченія выгодъ изъ крестьянъ усиливаются, осложняются и разнообразятся, и доходятъ до такой утонченности, что страшно объ этомъ подумать. Обѣдненіе крестьянъ идетъ быстро впередъ“. Такимъ образомъ, при свѣтѣ историческихъ фактовъ, передъ нами разсѣивается иллюзія обезпеченнаго сытаго крѣпостного крестьянства.

Крѣпостное право, изнуряя крестьянъ и не давая имъ матеріальнаго обезпеченія, и барскую усадьбу держало на очень низкой ступени матеріальнаго благосостоянія. Конечно, подъ окномъ барской усадьбы призракъ нужды не стоялъ такъ грозно, какъ подъ окномъ крестьянской избушки, но насъ постоянно поражаетъ хозяйственная заброшенность барскихъ имѣній. Безспорно были и исключенія, (хотя они только подтверждали общее правило), но вѣдь мы говоримъ о среднемъ, типичномъ барскомъ хозяйствѣ крѣпостной эпохи. Во первыхъ, въ барскомъ хозяйствѣ насъ поражаетъ затяжная хроническая задолженность помѣщичьяго землевладѣнія. Вотъ цифры ея: въ 1859 г. числилось 10 милліоновъ крѣпостныхъ душъ и изъ нихъ 7 милліоновъ т. е. 66,3% было заложено. Кошелевъ пишетъ: „положеніе дворянскихъ помѣстій, вообще, бѣдственно: никогда не было столько описанныхъ имѣній, назначенныхъ въ продажу, какъ нынѣ. Никогда кредитъ между дворянствомъ не былъ такъ низокъ, никогда дворянство не было болѣе обременено долгами, частными и казенными“.

Какую же причину имѣла эта задолженность помѣщиковъ, куда шли всѣ ссуды, получаемыя ими, благодаря залогу ихъ имѣній? У насъ есть неопровержимыя доказательства, что ссуды не шли на улучшеніе хозяйства, а бросались на вѣтеръ, на прихоти. Когда съ началомъ Крымской кампаніи къ правительству стало поступать множество просьбъ объ отсрочкахъ и пониженіи % на платежи по имѣніямъ, мотивировавшихся ссылками на бѣдствія войны, то оно назначило особую комиссію для изслѣдованія этого вопроса и комиссія открыла интересную картину: наиболѣе задолженными оказались именно крупныя имѣнія, онѣ же были и наиболѣе неаккуратными въ платежѣ %%.

Если мы бросимъ взглядъ на способы сельскаго хозяйства того времени, то увидимъ, что какъ на крестьянскихъ надѣлахъ, такъ и на барскихъ запашкахъ, практиковались самые первобытные пріемы. Графъ Мордвиновъ, предсѣдатель Вольнаго Экономическаго Общества, пишетъ: „Крестьяне пашутъ, сѣютъ, жнутъ, также, кахъ пахали, сѣяли, жали сто лѣтъ тому назадъ. Одна треть пахатной земли ежегодно остается безплодной, жатва едва приноситъ 4 зерна, вмѣсто 15—20, которыя она можетъ приносить при усовершенствованномъ способѣ, да и скудныя зерна суть рожь, пшеница, греча, малоцѣнныя и истощающія землю“. О сельско-хозяйственныхъ машинахъ и не помышляли. Только послѣ отмѣны крѣпостного права, въ Россію въ 69 г. было ввезено машинъ на 711,000 р., а въ 85 г. уже на 5,502,000 р. Сельско-хозяйственныя машины являлись въ то время такою же рѣдкостью, какъ въ наше время дирижабли и аэропланы. Многіе думали, что низкое состояніе сельскаго хозяйства объясняется недостаткомъ агрономическаго образованія и предлагали увеличить поэтому количество школъ. Но мы замѣчаемъ, что въ самомъ строѣ крѣпостного хозяйства были условія, которыя являлись тормазомъ для сельскаго хозяйства и не давали возможности, хотя бы немногимъ помѣщикамъ, перейти къ усовершенствованному способу земледѣлія.

Въ какомъ же отношеніи основныя условія крѣпостного хозяйства были причиной пріостановки сельско-хозяйственнаго прогресса? Можно отмѣтить нѣсколько условій этого:

во-первыхъ, при существованіи крѣпостного труда для помѣщиковъ было невыгодно пріобрѣтать сельско-хозяйственныя машины, такъ какъ послѣднія сейчасъ же сокращали количество рабочихъ рукъ, производя больше продуктовъ. Черезъ это часть крестьянъ оставалась бы безъ дѣла, помѣщикъ же все равно обязанъ былъ ихъ содержать даромъ, посредствомъ ли земельнаго надѣла или мѣсячины. Вотъ это то соображеніе и удерживало помѣщика отъ примѣненія машинъ, указанія на что мы встрѣчаемъ въ запискахъ Ю. Самарина, который разсказываетъ о своей бесѣдѣ съ просвѣщеннымъ, сосознательно относящимся къ интересамъ окружающей жизни, помѣщикомъ. Самаринъ объяснилъ ему всѣ преимущества новой молотилки. Помѣщику машина понравилась и онъ высказалъ мысль, что ея примѣненіе быстро подняло бы производительность хозяйства. Но на совѣтъ Самарина пріобрѣсти ее, помѣщикъ сказалъ: „нѣтъ, мнѣ она невыгодна; что же будутъ дѣлать мои бабы“. Это было въ тогдашнихъ условіяхъ правильнымъ логическимъ разсужденіемъ, такъ какъ помѣщикъ не могъ отпустить лишнюю часть крестьянъ, какъ вольнонаемныхъ слугъ, а они попрежнему оставались на его рукахъ.

Была и другая сторона, которая тоже ставила предѣлы стремленію помѣщиковъ повысить производительность своего хозяйства: условія, въ которыхъ жила крѣпостная Россія, дѣлали не особенно выгодной хлѣбную торговлю, являвшуюся главнымъ предпріятіемъ землевладѣльца. Если развитіе хлѣбныхъ операцій теперь пошло быстрѣе, чѣмъ раньше, то оно все-таки оказывалось очень невелико, если мы возьмемъ абсолютныя цифры. Здѣсь мы снова наталкиваемся на крѣпостное право, какъ на основную причину жизненнаго распорядка того времени. Состояніе внѣшней и внутренней торговли хлѣбомъ можно возстановить по цифрамъ, взятымъ изъ офиціальнаго изданія „Обзора дѣйствій департамента сельскаго хозяйства“. Тамъ мы находимъ таблицу о вывозѣ хлѣба заграницу. При среднемъ урожаѣ ежегодный сборъ хлѣба въ Россіи составлялъ 250,000,000 четв. Изъ этого количества на продовольствіе земледѣльческаго населенія шло 132,000,000 четв., на продовольствіе городовъ и войска

18,000,000, на винокуреніе 10,000,000 и на обсѣмененіе полей 60,000,000. Всего для внутренняго потребленія шло 220,000,000 четв. Оставалось, слѣдовательно, 30,000,000, которыя можно было сдавать за-границу. На самомъ дѣлѣ туда отправлялось только 5,743,000 т. е. $^1/_6$ всего излишка, а $^5/_6$ пропадало даромъ. Происходило это оттого, что русскій хлѣбъ не могъ соперничать на заграничномъ рынкѣ съ американской пшеницей, такъ какъ онъ былъ слишкомъ дорогъ вслѣдствіе отсутствія правильныхъ путей сообщенія, и хлѣбный экспортъ, такимъ образомъ, не могъ получить большого развитія. Авторъ „Обзора дѣйствій департамента сельскаго хозяйства" говоритъ: „если бы соединить внутреннія мѣстности Россіи желѣзной дорогой, хотя бы съ Ригой,—все бы измѣнилось" Но тутъ же онъ меланхолически прибавляетъ: „Развѣ возможно объ этомъ помышлять?" Дѣйствительно, пока существовало крѣпостное право, появленіе свободныхъ капиталовъ въ странѣ было невозможно, при наличности же свободныхъ капиталовъ только и можно осуществлять такія грандіозныя предпріятія, какъ постройка желѣзныхъ дорогъ. Такъ, при совокупности этихъ условій хлѣбному товару въ Россіи нельзя было помышлять о завоеваніи иностраннаго рынка. Въ основѣ этой цѣпи явленій лежала закрѣпощенность народнаго труда и невозможность развернуть во всю ширь народную производительность.

Что касается внутренней хлѣбной торговли, то и здѣсь замѣчается рядъ ненормальныхъ явленій, которыя мѣшали развитію торговыхъ операцій. Всѣ наблюдатели тогдашней жизни Россіи отмѣчаютъ хаотическое состояніе хлѣбныхъ цѣнъ: въ нихъ не замѣчалось никакого упорядоченія и устойчивости. Пестрота хлѣбныхъ цѣнъ наблюдалась не только одновременно въ двухъ сосѣднихъ мѣстностяхъ, но и въ одной и той же мѣстности въ два слѣдующіе другъ за другомъ года, напр. съ 1825—35 гг. среднія цѣны на рожь въ Тульской губ. составляли отъ 18 до 12 руб. четверть, а въ то же время въ Воронежской губ. отъ 7 до 9 руб. Еще рѣзче скачекъ цѣнъ по годамъ. До насъ дошли записки помѣщика Усманскаго уѣзда, Бунина. Онъ говоритъ, что въ 1818 г. четверть ржи стоила 5 руб. ассигнаціями, въ 21 г.

10 руб., въ 22 г.—5 руб., въ 32 г. 9 руб., а въ 33 г.—20 р.. Въ Воронежскомъ уѣздѣ:

въ 1834 г. чт. ржи стоила	. . . .	13 р. 87 к.
„ „35“ „ „ „ „	. . . .	8 „ — „
„ „36“ „ „ „ „	. . . .	4 „ — „
„ „39“ „ „ „ „	. . . . . .	4 „ — „
„ „40“ „ „ „ „	. . . . . .	20 „ — „
„ „41“ „ „ „ „	. . . .	9 „ — „

Въ Кавказской области одинъ пудъ ржаной муки въ 1833 г. стоилъ одинъ рубль ассигнаціями, а въ 1835 г.—5 р. ассигн. Словомъ, наблюдалась полная неустойчивость цѣнъ въ области хлѣбнаго производства. Отправленія хлѣба на тотъ или иной рынокъ были соединены съ рискомъ, такъ какъ нельзя было составить сколько-нибудь правильнаго плана хлѣбнаго сбыта. На рынкѣ ожидалась цѣна въ 20 руб. а оказывалась въ—5 р. за четверть и т. д. Приходилось ограничивать размѣры своей предпріимчивости. Пестрота и неустойчивость цѣнъ объясняется съ одной стороны, отсутствіемъ правильныхъ путей сообщенія, а съ другой—условіями самаго производства: при крѣпостномъ трудѣ помѣщику трудно было исчислить издержки на производство, самыя же цѣны на хлѣбъ назначались наугадъ, а не на основаніи точныхъ хозяйственныхъ расчетовъ. Такія обстоятельства могли только охлаждать предпріимчивость помѣщика. Такимъ образомъ, подъ сѣнью крѣпостного права плохо жилось не только крестьянину, но и самому помѣщику. Когда пало крѣпостное право, Некрасовъ такъ характеризовалъ освобожденіе крестьянъ:

„Порвалась цѣпь великая,
Порвалась и ударила
Однимъ концомъ по барину
Другимъ—по мужику“.

Можно увѣренно сказать, что и все крѣпостное право являлось именно такой цѣпью, которая била и по барину и по мужику. Вскорѣ вопросъ объ отмѣнѣ крѣпостного права, къ серединѣ 19 ст., перешелъ изъ области отвлеченно-гуманитарной въ экономическую.

Городъ во второй половинѣ 19 ст.

До сихъ поръ мы разсматривали, какъ крѣпостное хозяйство отразилось на вотчинѣ. Теперь обратимъ вниманіе на русскій городъ того времени, на жизнь городской Россіи. Прежде всего разсмотримъ статистическія данныя, а потомъ перейдемъ къ анализу ихъ реальнаго значенія. Въ 50 гг. въ Россіи было всего 733 города, если же къ нимъ приложить мѣстечки и посады, то получится 1985. Чтобы опредѣлить реальное значеніе этихъ цифръ, нужно сравнить: 1) количество городовъ съ селами, 2) развитіе городовъ Россіи съ развитіемъ ихъ въ западныхъ государствахъ, 3) на какую территорію приходился въ Россіи одинъ городъ и одно земледѣльческое селеніе, 4) сравнить количество городовъ Россіи и западныхъ государствъ, 5) на какую территорію приходится одинъ городъ въ Россіи и въ западныхъ государствахъ, 6) сравнить количество городскихъ жителей въ Россіи и на западѣ и, наконецъ, 7) сколько приходится деревенскихъ жителей на 100 город. жителей въ Россіи и другихъ государствахъ.

50-ые годы.

Государства.	Колич. город.	съ посадами и мѣст.	деревень.	1 гор. на 1кв. в.	город. жит.	сколько. на 100т. ж. пр. д.	1 гор жит. на 1 кв.
Россія . .	733	1985	284426.	$130^1/_2$.	5000000	1148	2289
Пруссія. .	979	--	—	$5^1/_5$	4500000	262	—
Франція. .	961	—	—	$10^2/_3$	6000000	464	—
Австрія. .	776	—	—	$15^1/_2$	4700000	712	—

Вотъ въ какомъ $^0/_0$-номъ отношеніи находилось городское населеніе ко всей совокупности населенія въ Россіи.

Теперь посмотримъ, каковъ же былъ составъ городского населенія? Здѣсь мы наталкиваемся на характерный фактъ въ тогдашней русской жизни: въ городѣ того времени мы не находимъ буржуазіи. Въ составъ этого слоя входятъ представители торгово-промышленнаго капитала и профессіональнаго умственнаго труда, совокупность этихъ двухъ элемен-

товъ даетъ то, что мы называемъ буржуазіей въ экономическомъ смыслѣ слова, а не въ обще-культурномъ. (Вѣдь представители торгово-промышленнаго труда относятся къ пролетаріату, а представители капитала земельнаго къ землевладѣльческому дворянству, къ аграріямъ). Если мы условимся въ такомъ пониманіи термина „буржуазія", то окажется, что въ дореформенномъ городѣ совсѣмъ не было того общественнаго класса, который придаетъ наиболѣе яркую окраску городу и составляетъ основу городского населенія, если не въ количественномъ, то въ качественномъ отношеніи.

Кто же жилъ въ русскомъ городѣ? На это можно отвѣтить таблицей, относящейся къ 1847 г. Городского населенія было 5 милл., во Франціи—6 милл. Въ Австріи—4600, въ Пруссіи—4800. Болѣе 50% падало на мѣщанъ, купцовъ 3 хъ гильдій былъ 4,5%, дворянъ и чиновниковъ 5,5%, духовенства 1,4% и низшихъ слоевъ городского населенія: ремесленниковъ, поденщиковъ и крестьянъ—было 38,6%. Около 88% всего городского населенія составляли мѣщане и городской пролетаріатъ, а на долю остальныхъ—купцовъ, дворянъ и духовенства—падало ничтожное количество.

Теперь разсмотримъ экономическое положеніе каждаго разряда городского населенія, начиная съ мѣщанъ. Городскіе мѣщане того времени въ громаднѣйшемъ большинствѣ по своему экономическому облику и бытовой обстановкѣ сливались съ земледѣльческимъ крестьянствомъ; они занимались земледѣліемъ, снимая участки земли у города, у сосѣднихъ помѣщиковъ и у казны. Такъ губернскіе города, какъ Воронежъ, Тамбовъ и Рязань, были опоясаны пашнями мѣщанъ и даже на городскихъ пустыряхъ послѣдніе занимались сельскимъ хозяйствомъ. Уѣздные же города представляли собою сплошь земледѣльческія поселенія. Мы видѣли, что большая часть всего населенія Россіи была сельская, деревня доминировала надъ городомъ, а теперь оказывается, что и въ самый городъ вторгалась деревня.

Далѣе, купцы трехъ гильдій составляли 4,5%, наибольшее количество изъ нихъ падало на купцовъ 3-й гильдіи, купцы же 1-ой и 2-ой—составляли ничтожную группу. Вотъ цифры. Наибольшее количество купцовъ было въ городахъ Нижего-

родской губ. На долю всѣхъ трехъ гильдій приходилось 12%, изъ которыхъ $11\frac{1}{2}$% приходилось на купцовъ 3-й гильдіи, а $\frac{1}{2}$% падало на I и II гильдію. Если мѣщанство неуловимо сливалось съ крестьянствомъ, то купцы 3-й гильдіи незамѣтно смѣшивались съ мѣщанами. По уставу о пошлинахъ доходъ купцовъ 3-й гильдіи не превышалъ 60-ти р. въ годъ, а по торговому уставу купцы этой гильдіи могли заниматься только разносной торговлей, транспортомъ кладей и содержаніемъ шинковъ. Однако, мы видимъ, что принадлежащіе къ 3-й гильдіи составляли большую часть. Многіе записывались въ нее только фиктивно, оставаясь на дѣлѣ мѣщанами, для того, чтобы избѣжать воинской повинности. По выходѣ изъ призывнаго возраста купцы снова возвращались въ мѣщанское состояніе. Что касается дворянъ и чиновниковъ, то самый высокій % дворянъ былъ въ городахъ Якутской области—11,3%, а въ Вятской губ., гдѣ совсѣмъ не было помѣстнаго землевладѣнія, въ городахъ числилось ихъ 3%, наконецъ, наибольшее количество дворянъ было въ Петербургѣ. Наблюденіе это убѣждаетъ насъ въ томъ, что это были не помѣстные землевладѣльческіе дворяне, а дворяне-чиновники, которые, попадая въ города въ силу служебнаго назначенія, своимъ присутствіемъ придавали имъ характеръ административнаго центра въ гораздо большей степени, чѣмъ—торгово-промышленной и умственной культуры.

Города дореформенной Россіи имѣли двѣ яркія черты, которыя ихъ отличаютъ отъ современнаго города и которыя ихъ роднятъ съ селами. Городъ 40-хъ и 50-хъ гг. это административный центръ, то-же село, но съ наличностью „присутственныхъ мѣстъ". Вторая важная особенность дореформеннаго города состоитъ въ томъ, что мы не находимъ въ немъ важнаго слоя населенія, безъ котораго теперь городъ не можетъ быть мыслимъ—буржуазіи.

Подъ терминъ буржуазія, какъ мы его теперь понимаемъ, подходитъ классъ общества, состоящій изъ представителей торгово-промышленнаго капитала и представители профессіональнаго умственнаго труда—ученые, преподаватели, доктора, художники. Вотъ этихъ то элементовъ мы и не находимъ среди населенія тогдашнихъ городовъ.

Торговля и промышленность въ 1-ую половину 19-го вѣка.

Бросимъ взглядъ на состояніе торгово-промышленной жизни въ дореформенной Россіи. Передъ нами развертывается картина низкаго состоянія городскихъ ремеслъ, промышленности и торговыхъ операцій, при чемъ всѣ эти стороны народной дѣятельности совершенно не могли получить развитія; этому препятствовалъ весь складъ экономическихъ отношеній и прежде всего закрѣпощенность народнаго труда: притокъ населенія въ городъ изъ деревни былъ связанъ, благодаря чему въ странѣ не было свободныхъ капиталовъ, необходимыхъ для промышленныхъ предпріятій.

Что городскія ремесла были въ зачаточномъ состояніи, на это мы имѣемъ слѣдующія данныя: въ 1843 г. въ городахъ Пруссіи приходилось въ среднемъ 46 ремесленниковъ на каждую тысячу городскихъ жителей, въ Россіи же, въ Ярославлѣ, (гдѣ ремесленниковъ было больше) ихъ приходилось только 10 чел. на каждую тысячу, а въ остальныхъ городахъ Россіи—не болѣе 5 человѣкъ на 1000 гор. жит. Въ состояніи торговыхъ операцій въ теченіе первой половины 19 в. мы наблюдаемъ постепенное развитіе внѣшней торговли и увеличеніе сношеній съ Западомъ. Въ этомъ сказалось вліяніе процесса нарожденія торговаго обмѣна въ нашей странѣ. Однако, отъ этихъ цифръ, рисующихъ количество нашихъ торговыхъ оборотовъ съ Западомъ, интересно перейти къ обзору самаго состава этихъ товаровъ, того, что мы получали изъ З. Европы и что сами туда посылали. Эта сторона дѣла раскрываетъ передъ нами характерныя данныя, которыя рисуютъ господство натуральнаго хозяйства въ странѣ и указываютъ, что вліяніе торговаго обмѣна было еще очень незначительно, чтобы измѣнить общее хозяйственное положеніе Россіи того времени. Мы вывозили за границу всякаго рода сырые продукты, которые поступали на зап.-европ. заводы и перерабатывались тамъ. Къ намъ же, несмотря на высокія пошлины, привозились готовыя фабричныя издѣлія. Слѣдо-

вательно, Россія представляла собою поставщицу сырья на заводы за границу, а сама всецѣло жила фабричными издѣліями Запада. Конечно, ни о какой конкуренціи съ Европой не могло быть и рѣчи.

Излишекъ отпуска надъ ввозомъ, весь періодъ 525½ мил.

Отпускъ:	Привозъ:
сырье—54,3%	жизн. прип.—58,8.
жизн. прип.—31,8.	фабрик.—26,6.
фабрик.—10,1.	сырье—10,8.
разн. тов.—3,8.	разн. тов.—3,8.

1865—67.

Отпускъ:	Привозъ:
сырье—50%—4,3	сырье—44,3+33,3.
жизн. прип.—39+7.	жизн. пр.—27,6—31,2.
фабр.—7,5—2,6.	фабр.—27,5+02.

Внутренняя торговля Россіи того времени также отличалась слабымъ развитіемъ, на что всего лучше указываетъ статистика тогдашнихъ банковыхъ операцій. Ламанскій произвелъ анализъ операцій банковъ дореформенной Россіи, и вотъ, что оказалось: они были переполнены внесенными въ нихъ вкладами, но никто не бралъ изъ нихъ ссудъ на хозяйственныя и промышленныя предпріятія, потому что и тѣ и другія были очень неразвиты. И вотъ, капиталы лежали неподвижно, покрываясь процентами на проценты.

Въ области фабрично-заводской обрабатывающей промышленности мы также не можемъ отмѣтить замѣтнаго прогресса. Къ концу 18 ст. только 2 отрасли обрабатывающей промышленности стали обнаруживать признаки нѣкотораго роста: желѣзодѣлательная и суконная, но обѣ онѣ оживились исключительно благодаря казеннымъ заказамъ (оружіе и обмундированіе арміи). Другія же отрасли производства не получили такого развитія, несмотря даже на то, что съ Петра В. правительство усиленно покровительствуетъ развитію промышленности въ Россіи всевозможными мѣрами. Только въ хлопчатобумажномъ производствѣ въ первую половину 19 в. мы уже можемъ отмѣтить немалый прогрессъ. Это иллюстрируется цифровыми данными: начиная съ 1810 по 1860 г. хлоп-

чатобумажная промышленность въ Россіи въ среднемъ возросла въ 16 разъ, о чемъ свидѣтельствуетъ увеличеніе ввоза хлопка: съ 1812—15 г. въ Россію ввозилось ежегодно хлопка до 17,000 пуд., а уже въ 1856—60 гг.—283,000 пуд. ежегодно. Было, положимъ, одно случайное обстоятельство, которое дало толчокъ развитію этого производства въ Россіи: Англія въ это время переживала тяжелый экономическій кризисъ, благодаря которому промышленники предприняли средство для удешевленія производства, т. е. ввели вновь изобрѣтенную въ Англіи прядильную машину (удешевившую пряжу), которая скоро распространилась и въ Россіи, что дало возможность употреблять на русскихъ ткацкихъ фабрикахъ пряжу не заграничную, а русскую. Это удешевило самое производство и помогло фабрикантамъ расширить свои предпріятія.

Отрасль обрабатывающей промышленности, которая тоже сдѣлала въ то время нѣкоторые успѣхи, было производство суконное. Въ теченіе первой половины 19 в., въ 1814 г., въ Россіи было 235 сукон. фабр., а въ 1856 г. ихъ насчитывалось уже 492. Нѣкоторый прогрессъ въ этомъ дѣлѣ иллюстрируется уже и тѣмъ, что оно начинаетъ мало-по-малу эмансипироваться отъ казенныхъ заказовъ. Раньше, въ 18 ст., суконныя фабрики работали исключительно на казну, въ первую же половину 19 в. онѣ получаютъ и частные заказы, а вновь возникающія фабрики на казну совсѣмъ не работаютъ, предоставляя это раньше учрежденнымъ. Двумя отраслями промышленности—хлопчато-бумажной и суконной—и приходится ограничить всѣ указанія на развитіе обрабатывающей промышленности.

Напротивъ, всюду мы наблюдаемъ либо остановку, либо регрессъ. Такъ, въ полотняномъ производствѣ замѣчается упадокъ. Въ 1804 году въ Россіи считалось 285 полотняныхъ фабрикъ, а въ 1861—всего 100, между тѣмъ къ концу 18 ст. парусное полотно, выдѣлываемое въ Калужской губ. и Серпуховскомъ уѣздѣ Московской губ., начинало пробивать себѣ дорогу на зап.-европ. рынки, конечно, не въ силу своей особой доброкачественности, а только благодаря дешевизнѣ. Упадокъ послѣдняго производства сказался прежде всего на

сокращенiи фабрикъ: напр., въ Калужской губ. съ 1830—49 г. количество полотняныхъ фабрикъ сократилось съ 17 до 4-хъ, а размѣры производства—съ 57 тыс. кусковъ въ годъ до 2-хъ тыс. Замѣтный упадокъ наблюдается и въ области желѣзодѣлательной промышленности, которая въ концѣ 18 в. стояла на довольно высокой степени развитiя. Въ 30-хъ гг. 19 ст. у насъ добывалось желѣза 12% всей мiровой добычи, а въ 59 г. уже только 4%. Значитъ, за исключенiемъ хлопчато-бумажн. и суконнаго, во всѣхъ другихъ областяхъ производства мы замѣчаемъ упадокъ. Когда мы пытаемся отыскать причины этого, то проходимъ все къ тому же основному явленiю русской жизни—къ крѣпостному праву. Любопытно между прочимъ отмѣтить, что только тѣ отрасли промышленности получали извѣстное развитiе, въ которыхъ примѣнялся вольнонаемный трудъ. Напр., желѣзодѣлательная опиралась исключительно на крѣпостной трудъ посессiонныхъ крестьянъ; отчего она постепенно глохнетъ и падаетъ. Въ суконномъ же производствѣ примѣнялся въ одинаковыхъ размѣрахъ и крѣпостной трудъ и вольнонаемный. Такъ, на каждомъ фактѣ русской жизни мы видимъ разлагающее влiянiе крѣпостного права.

Въ результатѣ этого обзора состоянiя различныхъ отраслей народнаго хозяйства, сельскаго и городского, и добывающей и обрабатывающей промышленности, мы приходимъ къ общему заключенiю, что народная хозяйственная жизнь Россiи въ это время покоилась на глубокомъ внутреннемъ противорѣчiи: съ одной стороны, благодаря уплотненiю населенiя начинался переходъ отъ натуральнаго хозяйства къ мѣновому, развивались торговые обороты. Это тяжело отзывалось на крѣпостной вотчинѣ, такъ какъ по всему своему складу она была приспособлена къ натуральному хозяйству. Поэтому ей приходилось напрягать всѣ свои силы, чтобы поспѣвать за мѣновыми оборотами въ странѣ; вслѣдствiе этого увеличивались оброки и барщинныя работы, при чемъ земельная обезпеченность барщинныхъ крестьянъ быстро сокращалась. Все это туго стягивало петлю крѣпостной неволи и порождало глухой ропотъ и недовольства въ средѣ крестьянъ, вызывавшiй броженiя, угрожавшiя государственному спокойствiю.

Съ другой стороны, напротивъ, самое существованіе крѣпостного права тормозило успѣхи мѣнового хозяйства: развернуться во всю ширь ему мѣшала крѣпостная деревня. Оно лишало городъ экономич. развитія, удерживая массу населенія въ деревнѣ, и не давало городскому рынку достаточнаго оживленія, такъ какъ значительное количество предметовъ обмѣна производилось силами крѣпостной вотчины, отсутствіе же свободныхъ капиталовъ не оказывало поддержки развитію хозяйственныхъ предпріятій. Такимъ образомъ, отъ существованія крѣпостного права въ экономическомъ отношеніи страдала и деревня и городъ, и добывающая и обрабатывающая промышленность. Было ясно, что крѣпостное право стало анахронизмомъ, и его отмѣна необходима для экономическаго развитія Россіи. Этотъ вопросъ не имѣлъ характера отвлеченной гуманности, онъ являлся вопросомъ чисто экономическимъ, имѣющимъ въ виду интересы всего государственнаго хозяйства. При этомъ возбужденное состояніе крѣпостной массы дѣлало дальнѣйшее существованіе крѣпостной зависимости крестьянъ настолько опаснымъ, что сама власть съ цѣлью охраны общественнаго спокойствія отъ внутреннихъ потрясеній должна была поставить на очередь вопросъ объ ея отмѣнѣ, совершенно независимо отъ господства въ правит-ныхъ сферахъ тѣхъ или другихъ временныхъ настроеній.

Наконецъ, и положеніе государственныхъ финансовъ вело къ тому же выводу, такъ какъ расшатанное состояніе народнаго хозяйства отражалось тяжело и на состояніи государственнаго. Бюджетъ государства за І-ю половину 19 в. раскрываетъ передъ нами картину финансоваго кризиса страны. Дефицитъ идетъ изъ года въ годъ, такъ что государству приходилось прибѣгать къ внѣшнимъ займамъ, а внутри выпускать массу бумажныхъ денегъ, которыя не были обезпечены металлическимъ фондомъ и составляли поэтому внутренній безпроцентный долгъ казны. Въ теченіе этого времени (въ І-ю полов. 19 в.), какъ выше было указано, финансы Россіи не выходили изъ состоянія хроническаго дефицита, несмотря на всѣ старанія правительства нажать какъ можно сильнѣй „податной прессъ". Не будучи въ состояніи его по-

крыть, вынужденное прибѣгать къ все болѣе стѣснительнымъ заграничнымъ займамъ, правительство чрезвычайно старалось скрыть отъ общества настоящее положеніе дѣлъ. Мало того, оно боялось и своихъ собственныхъ органовъ: даже раболѣпствующему Госуд. Совѣту оно опасалось сообщать подлинныя свѣдѣнія о состояніи финансовъ, нерѣдко составлялись двѣ редакціи „государственной росписи доходовъ и расходовъ", изъ которыхъ одна, настоящая, шла къ государю, а другая, завѣдомо ложная, представлялась съ его согласія и вѣдома на разсмотрѣніе и утвержденіе Госуд. Совѣта. Теперь намъ вполнѣ ясно, почему реформы 60-хъ гг. созданы не въ министерскихъ кабинетахъ, а выдвинулись на очередь самой жизнью, явились естественнымъ выводомъ изъ хозяйственной эволюціи Россіи.

Крестьянская реформа.

Крестьянская реформа явилась краеугольнымъ камнемъ всѣхъ другихъ реформъ 60-хъ гг.—судебной, земской и городской,—которыя представляютъ собою лишь логическое завершеніе первой. Изъ предшествующаго выясненія видно, что она къ серединѣ 19 в. сдѣлалась неизбѣжной. Крымская кампанія въ концѣ царствованія Николая I всколыхнула общественное настроеніе и ярко обнаружила всю несостоятельность стараго порядка. Это былъ важный поводъ, но не главная причина реформъ 60-хъ гг. Характерная особенность: когда правитнльственная власть въ началѣ царствованія Александра II приступила къ разработкѣ крестьянской реформы, то ни у правительства, ни у передовыхъ элементовъ русскаго общества еще не было опредѣленной программы дѣятельности. Неизбѣжность реформы уже была сознана и тѣми, и другими, но какъ провести ее, на какихъ началахъ—это было неясно. Основныя положенія крестьянской реформы выяснилось постепенно, по мѣрѣ развитія работъ надъ этимъ вопросомъ, что составляло одну изъ особенностей реформы. При вступленіи на престолъ Ал-дра II населенію совершенно не было извѣстно, какъ императоръ относится къ этому оче-

редному вопросу русской жизни. Были даже основанія опасаться, что новый царь окажется сторонникомъ крѣпостного права, какъ его отецъ, если не больше. Николай I все-таки созывалъ нѣсколько комитетовъ для разработки крестьянскаго вопроса, относительно же Ал-дра II было извѣстно, что еще будучи наслѣдникомъ и принимая участіе въ нѣкоторыхъ секретныхъ комитетахъ, онъ высказывался за сохраненіе крѣпостного права. Затѣмъ неблагопріятное впечатлѣніе на сторонниковъ отмѣны крѣпост. права произвела отставка министра внутр. дѣлъ Бибикова, данная ему Ал-дромъ II, и замѣна его Ланскимъ. Съ именемъ Бибикова у большинства связывается введеніе инвентарей въ юго-западныхъ губерніяхъ, въ которыхъ, не отмѣняя крѣпостн. права, прав-во Николая ввело закономъ утвержденные размѣры крестьянскихъ надѣловъ и получаемыхъ за нихъ оброковъ. На эту мѣру прав-во рѣшилось только потому, что въ Западн. краѣ большинство помѣщиковъ было польскаго происхожденія, которымъ послѣ мятежа 1831 г. оно, такъ сказать, объявило войну и ввело ограниченіе помѣщичьей власти законодательнымъ путемъ. Замѣна Бибикова Ланскимъ, совершенно неизвѣстнымъ по своимъ политическимъ убѣжденіямъ, произвела неблагопріятное впечатлѣніе на сторонниковъ отмѣны крѣпостн. права.

Однако, вопросъ о необходимости этой реформы былъ твердо поставленъ въ правительств. сферахъ. Первый намекъ на это былъ сдѣланъ въ манифестѣ о заключеніи Парижскаго мира, которымъ закончилась крымская кампанія. Въ манифестѣ было сказано: „Теперь, закончивъ войну, Россія получитъ возможность обратиться къ пользованію плодами мирныхъ трудовъ и къ пользованію правами для всѣхъ одинаковыми“. Намекъ былъ очень неопредѣленный, но въ немъ усмотрѣли приближеніе крестьянской реформы и уравненіе крестьянъ въ правахъ со всѣми остальными классами населенія. Опредѣленнѣе, яснѣе и рѣшительнѣе этотъ вопросъ былъ поставленъ въ извѣстной рѣчи Ал-дра II къ московскому дворянству: „Наступаетъ время начать отмѣну крѣпостного права сверху, иначе оно само начнетъ отмѣняться снизу“. Эти слова не оставляли никакого сомнѣнія въ томъ, что въ правящихъ

сферахъ вопросъ объ отмѣнѣ крѣп. права рѣшенъ, хотя у прав-ва не было опредѣленной программы его разрѣшенія.

Ал-дръ II началъ съ подражанія Николаю I: онъ учредилъ секретный комитетъ (бывшій уже послѣднимъ), которому поручилъ заняться вопросомъ объ отмѣнѣ крѣпостного права. Въ составъ его вошли крупные сановники по назначенію государя, но подборъ лицъ оказался неблагопріятнымъ для дѣла: въ комитетъ попали либо лица индифферентныя къ крестьянскому вопросу, какъ бар. Корфъ, обычный участникъ секретн. комитетовъ, либо какъ Яковъ Ростовцевъ, (который еще тогда не принимался за изученіе крестьянск. вопроса, какъ онъ сдѣлалъ это впослѣдствіи), еще неопытные. На ряду съ ними въ составъ ком-та вошли крѣпостники по убѣжденію и интересамъ, враждебно настроенные противъ реформы. Ясно, что такой контингентъ лицъ не могъ приступить къ разработкѣ крестьянской реформы сколько нибудь, энергично и началъ съ рѣшенія заняться составленіемъ историческаго обзора всѣхъ предпринятыхъ раньше мѣропріятій по крестьянскому вопросу, т. е. поступилъ по примѣру прежнихъ лѣтъ и отложилъ дѣло въ долгій ящикъ.

Но если въ секретномъ ком-тѣ работа пошла черепашьимъ шагомъ, то значительный толчокъ ей дало министерство внутр. дѣлъ, во главѣ котораго стоялъ Ланской, человѣкъ не очень талантливый, но имѣвшій нѣкоторую иниціативу. Въ составѣ этого министерства были люди, которые тоже имѣли опредѣленную программу дѣйствій по возбужденному вопросу. Два теченія намѣчались въ министерствѣ: во главѣ одного стоялъ товарищъ мин. внутр. дѣлъ, Левшинъ, либералъ на манеръ англійскаго лэндъ-лорда, который защищалъ свободу личнаго раскрѣпощенія крестьянъ, при условіи оставленія въ рукахъ помѣщиковъ всей ихъ земельной собственности, т. е. стоялъ за безземельное освобожденіе крестьянъ; директоръ же хозяйственнаго департамента министерства внутр. дѣлъ, Николай Алексѣевичъ Милютинъ, имѣлъ другой взглядъ на это, желая разрѣшенія крестьянскаго вопроса на болѣе широкихъ основаніяхъ. Вотъ эти люди и дали первоначальный толчокъ дальнѣйшему движенію поднятаго во-

проса, которому грозило окончательно подернуться плѣсенью бюрократической рутины въ секретномъ комитетѣ.

Первоначально изъ двухъ теченій въ министерствѣ внутр. дѣлъ получило преобладаніе первое. Милютинское же оставалось на второмъ планѣ. Такимъ обр., Левшинъ явился въ это время главнымъ двигателемъ крестьянскаго вопроса въ первой стадіи его развитія. Онъ составилъ докладную записку, въ которой изложилъ начала осуществленія крестьянской реформы. Онъ предлагалъ безвозмездно отмѣнить личное закрѣпощеніе крестьянъ, причемъ они при освобожденіи могутъ получить только въ пользованіе—но не въ собственность—извѣстный земѣльный надѣлъ за опредѣленную повинность, вся же земля должна остаться въ собственности помѣщиковъ. Левшинъ считалъ необходимымъ также предоставить крестьянамъ право выкупа въ собственность усадьбы, въ которую входили: изба, дворъ, огородъ, коноплянникъ и предъусадебный выгонъ, предлагая въ уплату занее включить въ замаскированномъ видѣ уплату за личное освобожденіе. Образцомъ для этого проекта Левшина послужила Киселевская идея указа „Объ обязанныхъ крестьянахъ“: у Киселева крестьяне получали личную свободу и земельный надѣлъ въ пользованіе, Левшинъ же сдѣлалъ еще два важныхъ добавленія къ Киселевскому указу: „Указъ объ обязанныхъ крестьянахъ“ не имѣлъ обще-принудительной силы, а Левшинъ, во-первыхъ, предложилъ придать своей реформѣ принудительный характеръ, что, конечно, являлось важнымъ шагомъ впередъ: во-вторыхъ, авторъ настаивалъ на выкупѣ усадьбы крестьянами уже въ собственность. Правда, о пріобрѣтеніи вновь освобожденнымъ полевого надѣла въ запискѣ Левшина не было сказано ни слова—онъ по-прежнему стоялъ за безземельное освобожденіе. Левшинская записка была внесена въ секретный ком-тъ, и, несмотря на свою умѣренность, возбудила въ немъ страстныя пренія, вызвавъ сильное противодѣйствіе со стороны членовъ-крѣпостниковъ. Въ концѣ концовъ, секр. ком-тъ, послѣ продолжительнаго обсужденія этого проекта, постановилъ разойтись до того времени, пока не будетъ готовъ предварительный историческій обзоръ движенія крестьянскаго дѣла въ предшествующее время въ Россіи и др

странахъ. Получалось впечатлѣніе, что правительство, приступивъ къ реформѣ, снова остановилась передъ ней въ нерѣшимости.

Но съ этой мертвой точки вопросъ о реформѣ былъ сдвинутъ однимъ обстоятельствомъ: въ Петербургъ пріѣхалъ литовскій генералъ-губернаторъ Назимовъ и привезъ съ собою прошеніе литовскихъ дворянъ на имя государя, въ которомъ они просили разрѣшить имъ образовать на мѣстѣ губернскій, комитетъ изъ дворянъ для обсужденія проекта предстоящей реформы. Почему первое заявленіе пришло именно изъ среды литовскихъ дворянъ? Безспорно, дѣло здѣсь не обошлось безъ давленія со стороны Назимова, который дѣйствовалъ, конечно, по секретному предписанію изъ Петербурга: правительство желало, чтобы въ дѣлѣ реформы иниціатива, хотя бы по внѣшности, принадлежала самимъ помѣщикамъ, такъ какъ оно серьезно опасалось вызвать отмѣной крѣпостного права недовольство рабовладѣльческой среды и потому всячески старалось починъ предоставить ей. На литовскихъ дворянъ были направлены надежды прав-ва въ этомъ отношеніи именно потому, что дѣйствовавшее въ литвѣ инвентарное положеніе связывало помѣщиковъ по рукамъ и по ногамъ и пересмотръ крѣпостныхъ отношеній для нихъ являлся болѣе желательнымъ, чѣмъ для помѣщиковъ внутреннихъ областей Россіи. Въ отвѣтъ на обращеніе литовскихъ дворянъ, вызвавшихъ дѣло реформы изъ неопредѣленнаго положенія былъ изданъ высочайшій рескриптъ на имя Назимова, въ которомъ, во-первыхъ, мѣстнымъ помѣщикамъ разрѣшалось образовать комитетъ изъ дворянъ для обсужденія проекта реформы, а, во-вторыхъ, въ немъ были изложены основныя начала реформы, которыя помѣщикамъ предлагалось обсудить. Стараніями Милютина, вышеназванный рескриптъ былъ въ одну ночь отпечатанъ въ громадномъ количествѣ экземпляровъ и къ утру разосланъ всѣмъ губернаторамъ и правительственнымъ учрежденіямъ. Такая поспѣшность не была излишней: лишь только рескриптъ былъ сданъ на почту, какъ пришелъ приказъ остановить его опубликованіе, но было уже поздно. Изданіе его имѣло очень важное значеніе для дѣла реформы: 1) въ немъ прав-во излагало свою первоначальную

программу реформы и 2) какъ бы приглашало всѣхъ помѣщиковъ воспользоваться примѣромъ литовскихъ дворянъ т. е. просить объ образованіи на мѣстахъ соотвѣтствующихъ комитетовъ для разработки крестьянской реформы. Прямого приглашенія не было, но то, что рескриптъ былъ разосланъ всюду, являлось косвеннымъ вызовомъ помѣщикамъ.

Общія положенія въ рескриптѣ представляли собою первоначальный очеркъ правительственной программы по крестьянскому вопросу и были таковы: 1) крестьяне получаютъ личную свободу безвозмездно, 2) право выкупить въ собственность усадьбу въ теченіе опредѣленнаго срока, 3) до выкупа усадьбы освобожденные получаютъ въ пользованіе земельный надѣлъ за извѣстный оброкъ въ пользу помѣщика. О дальнѣйшей же судьбѣ этихъ надѣловъ, послѣ выкупа усадьбы крестьянами въ рескриптѣ ничего не говорилось. Такимъ обр., вопросъ о выкупѣ въ собственность, кромѣ усадьбы, еще и полевой земли,—въ первоначальный очеркъ правительственной программы по крест. вопросу еще не вошелъ: въ рескриптѣ просто воспроизводилась записка Левшина цѣликомъ. Послѣ изданія этого акта прав-во стало ожидать, какъ дворянство различныхъ губерній отнесется къ его призыву, и отъ характера заявленій, какія стали бы поступать отъ послѣдняго, зависѣлъ дальнѣйшій ходъ реформы.

Первое заявленіе пришло изъ Нижняго Новгорода. Губернаторомъ въ это время тамъ былъ бывшій декабристъ Муравьевъ, который очень сочувствовалъ идеѣ освобожденія крестьянъ. Получивъ изъ Петербурга указаніе, онъ началъ оказывать давленіе на мѣстныхъ помѣщиковъ въ томъ смыслѣ, что на высочайшій рескриптъ необходимо отозваться. Нижегородскіе дворяне, поколебавшись, согласились просить у государя разрѣшенія на образованіе крестьянскаго комитета, на что послѣдовалъ тоже высочайшій рескриптъ, удовлетворявшій ихъ просьбу. Въ это же время правительство вспомнило затѣмъ, что еще въ прежнія времена петербургское дворянство просило разрѣшенія на образованіе мѣстнаго комитета, (хотя вовсе не по крестьянскому вопросу) и потому дало рескриптъ и на его имя. Правительство стало ожидать, какъ отнесется Москва къ почину верховной власти, но мо-

сковскіе дворяне долгое время хранили глубокое молчаніе. Являясь крупными землевладѣльцами, они относились къ реформѣ враждебно, да при томъ во главѣ московской администраціи стоялъ заядлый представитель стараго порядка—генералъ-адъютантъ Закревскій, настоящій Цезарь—стараго порядка, который не сдѣлалъ никакой попытки расшевелить московскихъ дворянъ. Послѣ открытія въ Петербургѣ и въ Н. Новгородѣ губернскихъ комитетовъ, правительствомъ по ихъ адресу былъ сдѣланъ намекъ, что дальнѣйшее молчаніе становится неприличнымъ. И только тогда и они принялись за образованіе комитета.

Мало-по-малу вся европ. Россія покрылась сѣтью такихъ мѣстныхъ дворянскихъ комитетовъ каждый долженъ былъ разработать свой проектъ крестьянской реформы на тѣхъ общихъ началахъ, которыя были выражены въ рескриптѣ на имя Назимова. Это—очень важный поворотный пунктъ въ дѣлѣ разработки программы: обсужденіе реформы впервые извлекалось изъ нѣдръ канцелярской тайны и предавалось гласности. Составъ дворянскихъ комитетовъ былъ слѣдующій: дворянство каждаго уѣзда посылало въ него своего выборнаго представителя, а мѣстный губернаторъ назначалъ двухъ членовъ отъ правительства изъ среды губернскихъ дворянъ. Впослѣдствіи всѣ проекты этихъ комитетовъ были соединены въ одинъ общій уже въ Петербургѣ.

Лишь только начались работы въ комитетахъ, какъ въ составѣ ихъ столкнулись весьма разнообразныя мнѣнія, повлекшія за собою острую борьбу. Образовалось нѣсколько группъ. То было время большого общественнаго возбужденія: страсти разгорались иногда во время засѣданія комитетовъ настолько бурно, что Юрій Самаринъ, сочувствующій освобожденію, членъ самарскаго комитета, въ одномъ изъ своихъ писемъ сообщаетъ, что приходитъ на засѣданіе съ револьверомъ въ карманѣ. Онъ былъ сторонникомъ освобожденія крестьянъ на болѣе широкихъ началахъ, и представители крѣпостническихъ идей были настроены очень враждебно противъ него, такъ что онъ даже прибѣгалъ къ спеціальной охранѣ своей личности изъ своихъ дворовыхъ людей. Нѣко-

торые предполагаютъ, что борьба шла только между сторонниками освобожденія и крѣпостниками. Такое объясненіе, хотя правильно, но далеко неполно. Правда, большая часть дворянства продолжала желать сохраненія крѣп. права въ силу того, что съ трудомъ могла отказаться отъ налаженнаго порядка. Но, когда началась разработка реформы, противники ея отошли въ архивъ исторіи, особенно послѣ того, какъ сама верховная власть опредѣленно высказалась за нее.

Нѣтъ, огромная борьба шла между самими сторонниками освобожденія за различные проекты отпуска крестьянъ на волю. Изучая во всей совокупности планы губернскихъ комитетовъ, мы получаемъ возможность увидѣть самые разнообразные оттѣнки общественной мысли того времени по этому кардинальному вопросу русской жизни. Ограничимся характеристикой наиболѣе крупныхъ теченій въ дворянской средѣ Мы замѣчаемъ, что разнообразіе точекъ зрѣнія различныхъ группъ на реформу стояло въ самой тѣсной связи съ различіемъ мѣстныхъ хозяйственныхъ условій и интересовъ разныхъ полосъ Россіи. Нерѣдко группируютъ представителей комитетовъ на сторонниковъ дворянскихъ и крестьянскихъ интересовъ, но упускаютъ изъ виду, что самые дворянскіе интересы были неодинаковы въ различныхъ областяхъ Россіи, варьируясь примѣнительно къ разнообразнымъ мѣстнымъ условіямъ, такъ что даже сторонники помѣщичьихъ интерересовъ расходились между собою во взглядахъ на различные пункты реформы.

Въ зависимости отъ мѣстныхъ условій члены комитетовъ распадались на слѣдующія 3 группы: 1) представителей дворянства черноземной полосы, 2) нечерноземной и 3) степной (Самарская, Оренбургская, Уфимская губ. и нѣкоторыя приволжскія). Каждая изъ нихъ представила свою программу. Начнемъ съ черноземной полосы. Главной основой благосостоянія здѣсь была земля и поэтому помѣщики допускали личное освобожденіе безъ земельнаго обезпеченія крестьянъ, а всю совокупность земли попрежнему оставляли въ своихъ рукахъ. Привязать крестьянъ къ данному мѣсту и тѣмъ самымъ обезпечить себѣ дешевыя рабочія руки — помѣщики предполагали слѣдующимъ образомъ: дать при отпускѣ на

волю своимъ крѣпостнымъ извѣстный надѣлъ, но только 1) не въ собственность, а въ пользованіе за оброкъ и 2) въ самомъ небольшомъ размѣрѣ, чтобы этимъ не освобождать ихъ отъ нужды въ лишнемъ заработкѣ, почему крестьяне принуждены были или арендовать землю у того же помѣщика, или сдѣлаться у него батракомъ. Совершенно другую комбинацію предлагали помѣщики нечерноземной полосы: (Москов., Тверск., Яросл., сѣверн. часть Костромской губ.), такъ какъ тамъ земля не составляла главнаго источника благосостоянія землевладѣльца, то помѣщику было гораздо выгоднѣе сбыть ее по приподнятымъ цѣнамъ крестьянамъ и получить капиталъ. Поэтому помѣщики нечерноземной полосы соглашались на увеличеніе надѣла съ условіемъ, чтобы онъ немедленно былъ крестьянами выкупленъ въ собственность по повышеннымъ выкупнымъ цѣнамъ, чтобы получить въ свои руки немедленно нужный имъ оборотный капиталъ.

Такимъ образомъ, изъ среды помѣщиковъ нечерноземной полосы и вышла впервые идея выкупа земельныхъ надѣловъ въ собственность, которая совершенно не входила въ первоначальную правительственную программу реформы. Наконецъ, третья группа, помѣщики степной полосы, занимала промежуточное положеніе между двумя первыми. Тамъ владѣльцы, имѣя много земли, при рѣдкомъ населеніи, дорожили больше рабочими руками, чѣмъ земельнымъ владѣніемъ. Подобно нечерноземнымъ помѣщикамъ, степные соглашались увеличить надѣлы, а подобно черноземнымъ—были противъ выкупа, боясь, чтобы крестьяне, продавши выкупленные надѣлы, не разошлись по разнымъ мѣстамъ и не оставили бы ихъ безъ рабочихъ рукъ.

Такимъ образомъ, программы каждой изъ трехъ группъ комитетовъ можно формулировать такъ:

1) помѣщики черноземной полосы стояли: а) за личную свободу крестьянъ, b) возможно малый земельный надѣлъ и, наконецъ, с) были противъ выкупа земли въ собственность крестьянъ;

2) помѣщики нечерноземной полосы предлагали въ проектѣ: а) личную свободу, b) большой надѣлъ и с) обязательный

выкупъ земельнаго надѣла въ собственность по высокимъ цѣнамъ;

3) степные помѣщики выдвигали пункты: a) личную свободу, b) большой надѣлъ, но c) были противъ выкупа.

Вотъ насколько разнообразны программы даже и сторонниковъ освобожденія крестьянъ въ комитетахъ. Около этихъ пунктовъ и закипѣла борьба различныхъ группъ, но изъ столкновеній разнообразныхъ мнѣній вышло расширеніе первоначальныхъ рамокъ реформы.

Редакціонныя комиссіи. Подъ вліяніемъ обсужденія основъ предстоящей реформы въ дворянскихъ комитетахъ, къ проекту реформы прибавился новый важный пунктъ— о предоставленіи крестьянамъ земельныхъ надѣловъ не только въ пользованіе, но и въ собственность посредствомъ выкупа, хотя въ первоначальной правительственной программѣ о выкупѣ ничего не говорилось. Прав-во не сразу пошло на эту уступку: только подъ вліяніемъ нѣсколькихъ настойчивыхъ представленій комитетовъ нечерноземной полосы оно разрѣшило всѣмъ имъ составить два положенія: одно—общее, на основаніи рескрипта на имя Назимова, и другое—особое о выкупѣ крестьянами земельныхъ надѣловъ въ собственность.

По окончаніи работъ въ губернскихъ комитетахъ, явилась необходимость свести всѣ ихъ рѣшенія въ одинъ проектъ для всей Россіи. Этотъ трудъ предполагалось возложить на главный комитетъ по крестьянстому дѣлу, образованный изъ прежняго секретнаго, но такъ какъ большинство его членовъ принадлежало къ лицамъ, недоброжелательно относящимся къ реформѣ, то сторонники крестьянскаго освобожденія употребили всѣ усилия, чтобы дѣло объединенія проектовъ губернскихъ комитетовъ въ одинъ общій—передать въ надежныя руки. Такъ возникла идея образовать при главномъ комитетѣ „редакціонныя комиссіи“, на обязанности которыхъ лежала задача объединить всѣ проекты въ одинъ, который уже и передать въ главный комитетъ. Во главѣ редакціонныхъ комиссій стали люди, доброжелательно настроенные, а предсѣдателемъ государь назначилъ Ростовцева, который горячо занялся крестьянскимъ вопро-

сомъ и былъ сторонникомъ освобожденія крестьянъ на широкихъ началахъ. Ростовцеву было поручено по своему усмотрѣнію приглашать членовъ въ комиссіи, и онъ, воспользовавшись совѣтами Николая Алексѣевича Милютина, пригласилъ къ работѣ въ нихъ Юрія Самарина, кн. Черкасскаго и др., которые уже выдвинулись въ губернскихъ комитетахъ своимъ сочувствіемъ дѣлу освобожденія. Эти комиссіи должны были совершить исключительную редакціонную работу, т.-е. сводку въ одинъ всѣхъ разнообразныхъ губернскихъ проектовъ. Но произвести это чисто механическимъ путемъ не было возможности, такъ какъ губернскіе проекты представляли собою полную разноголосицу. Въ сущности, редакціоннымъ комиссіямъ предстояло выработать совершенно самостоятельно свой проектъ, предварительно поставить себѣ цѣлью защиту интересовъ крестьянской массы, потому, что въ губернскихъ комитетахъ представителей отъ крестьянъ не было. По мѣрѣ того, какъ работы комиссіи подходили къ концу, въ Петербургъ въ двѣ очереди были вызываемы депутаты отъ губернскихъ комитетовъ, для представленія своихъ критическихъ замѣчаній на работы редакціонныхъ комиссій. Диспуты между депутатами и членами редакц. комиссій представляли наиболѣе драматическій и живой моментъ въ исторіи реформы и закончились большими уступками комиссіи—дворянамъ. Изъ редакц. комиссій проектъ былъ внесенъ въ главный комитетъ, который урѣзалъ его еще больше, затѣмъ—Госуд. Совѣтъ здѣсь онъ былъ дополненъ статьей о дарственномъ надѣлѣ), наконецъ, 19 февраля 1861 года—утвержденъ государемъ и сталъ закономъ, а 5-го марта уже былъ обнародованъ. Такова внѣшняя исторія крестьянской реформы 19 февраля.

Законъ 19 февраля. То, что мы называемъ закономъ 19 февраля, представляетъ собою собраніе ряда законодательныхъ актовъ. Къ нимъ относится 1) общее положеніе о крестьянахъ, выходящихъ изъ крѣпостной зависимости, въ которомъ изложены основные принципы преобразованія; 2) сюда входитъ нѣсколько мѣстныхъ положеній, гдѣ этотъ общій принципъ получилъ подробную разработку, примѣнительно къ условіямъ отдѣль-

ныхъ мѣстностей. Такъ, первое мѣстное положеніе обнимаетъ Великороссію, второе—Малороссію (Полтавскую, Черниговскую и часть Харьковск. губ.) и третье—юго западныя губерніи (Подольскую, Волынскую, Кіевскую и Сѣв.—Западный край—литовскія губерніи): затѣмъ мы имѣемъ 3) особое положеніе о дворовыхъ и 4) особое—о выкупѣ земельныхъ надѣловъ въ собственность крестьянами.

Общее положеніе законовъ 19 февраля сводилось къ тому, что тотчасъ же послѣ изданія его крестьяне получали личную свободу и при этомъ безвозмездно. Личная зависимость уничтожалась, но личные права крестьянъ не были уравнены съ правами другихъ сословій. Затѣмъ являлся вопросъ о порядкѣ земельной обезпечности освобожденныхъ который складывался изъ двухъ слѣдующихъ періодовъ, тотчасъ послѣ освобожденія крестьяне получали земельный надѣлъ, но еще не въ собственность, а въ пользованіе за извѣстный оброкъ. Періодъ, который протекалъ между моментами освобожденія и выкупа надѣловъ назывался временно-обязаннымъ. Здѣсь помѣщикъ сохранялъ еще право собственности на всю землю, но часть ея поступала въ пользованіе крестьянъ за опредѣленный оброкъ. Наконецъ, послѣдніе могли приступить къ выкупу надѣловъ въ собственность, что и представляло собой завершительный моментъ всей реформы.

Разсмотримъ сначала положеніе крестьянъ въ теченіе временно-обязаннаго періода. Чтобы охарактеризовать его, надо знать, во-первыхъ, сколько земли получалъ крестьянинъ въ пользованіе въ теченіе этого періода, а, во-вторыхъ, сколько онъ платилъ за землю. Общія правила по этому вопросу въ законѣ 19 февраля заключались въ томъ, что крестьянинъ при освобожденіи получалъ въ собственность тотъ надѣлъ, которымъ онъ пользовался при освобожденіи. Составители положенія 19 февр. понимали правильно, что въ законѣ невозможно установить общую норму для всей Россіи, въ виду разнообразія мѣстныхъ хозяйств. условій, поэтому они предпочли власть на почву существующаго факта, т.-е. при освобожденіи за крестьяниномъ оставить тотъ надѣлъ и въ томъ же размѣрѣ, какой былъ у него при крѣ-

постномъ правѣ. Но эта норма была подвергнута ограниченію для тѣхъ случаевъ, когда прежній крѣпостной надѣлъ оказывался слишкомъ большимъ или слишкомъ малымъ. Чтобы отсѣчь эти крайности, былъ введенъ въ Великороссіи максикумъ и минимумъ. Для этого она была раздѣлена на нѣсколько полосъ—черноземную, нечерноземную и степную: полосы въ свою очередь дѣлились на нѣсколько мѣстностей, и уже для каждой изъ нихъ были установлены закономъ двѣ нормы—максимальная и минимальная, т.-е. сколько десятинъ должно войти въ надѣлъ наибольшій и наименьшій. Такъ, черноземная полоса была раздѣлена на 8 мѣстностей, и для каждой опредѣлили слѣдующія нормы: максикумъ—6 дес. минимумъ—2 дес. Нечерноземная полоса была раздѣлена на 9 мѣстностей: минимумъ—3 дес., максикумъ—7 дес. Наконецъ, степная-дѣлилась на 12 мѣстностей, для которыхъ норма была установлена въ Великороссіи отъ 6 до 12 дес., а въ Новороссіи отъ 3 до 6 дес. Если прежній надѣлъ теперь оказывался не больше максимума и не меньше минимума, то онъ оставался безъ всякаго измѣненія. Но если онъ былъ такъ великъ, что теперь оказывался больше максикума для данной мѣстности, то отъ него дѣлались отрѣзки въ пользу помѣщика. Если же прежній надѣлъ былъ такъ малъ, что не достигалъ установл. теперь минимума для данной мѣстности, то помѣщикъ долженъ былъ къ нему прирѣзать дополненіе отъ своей земли до установленной нормы. Так. обр., эти цифровыя нормы надѣловъ представляли собою только предѣльныя нормы, которыя показывали больше и меньше чего крестьянинъ не могъ получить. Изъ-за этихъ-то предѣльныхъ нормъ и происходила жаркая борьба въ губернскихъ комитетахъ, въ редакціонныхъ комиссіяхъ и въ др. инстанціяхъ. Отъ рѣшенія вопроса, какой для той или другой мѣстности будетъ установленъ максимумъ, зависѣло вотъ что: если предѣльнная норма будетъ установлена низкая, то помѣщикамъ не придется прирѣзать землю въ пользу крестьянъ, а, напротивъ, крестьянамъ придется отрѣзать участки земли въ пользу помѣщика и помѣщики старались, чтобы предѣльная норма была установлена возможно ниже, что имъ и удалось, поэтому въ большинствѣ

случаевъ крестьянамъ приходилось сокращать прежніе надѣлы и производить отъ нихъ отрѣзки. Въ степной полосѣ эти нормы, максимальная и минимальная, введены не были, а взамѣнъ того было закономъ опредѣлено точное количество десятинъ, которое каждый крестьянинъ тамъ получалъ въ надѣлъ. Теперь спрашивается, получили ли крестьяне достаточно земли на основаніи этихъ правилъ? Освобожденные крестьяне, получившіе по 2 дес. на душу, составляли 18,8% всей массы крестьянъ, отъ 2—4 дес. на душу получили 54,2%, отъ 4-6 дес. получили 22,3% и свыше 6-ти дес. получили 4,7% крестьянъ. Можно ли считать достаточнымъ это количество земли?

Изъ всей массы крестьянъ, получившихъ свободу 19 февраля, 13,9% получили земельные надѣлы больше, чѣмъ надѣлы крестьянъ государственныхъ, 43,5% получили такіе же и 42,6% получили меньшіе. Значитъ, немного менѣе половины крестьянъ 42,6%—были недѣлены совершенно недостаточно; земледѣльческое же населеніе съ тѣхъ поръ увеличилось, а надѣлы остались тѣ же, и потому малоземелье начинаетъ чувствоваться все острѣе. Съ 1861 по 1900 г. размѣры надѣловъ на душу сократились на 54,2% т.-е. болѣе, чѣмъ на половину. Слѣдов., еще въ самомъ началѣ надѣленія крестьянъ землей было заложено основаніе остраго малоземелья, и вслѣдствіе этого—переселенческаго движенія. Такимъ образомъ, былъ рѣшенъ вопросъ о предоставленіи земли крестьянамъ въ пользованіе. За право пользованія полученной землей крестьяне должны были вносить помѣщику оброчные платежи, при чемъ для 3-хъ полосъ Россіи (черноземной, нечерноземной и степной) было установлено 4 максимальныхъ нормы: за полный надѣлъ помѣщикъ получалъ по 12, 10, 9, 8 р. съ души. Если же надѣлъ былъ уменьшеннаго размѣра, то плата оброка исчислялась на основаніи особой „подесятинной градаціи“: за первую десятину надѣла крестьянинъ платилъ половину установленнаго для данной мѣстности максимальнаго оброка; напримѣръ, если въ данной мѣстности за максимальный надѣлъ надо было платить 12 р., то при уменьшенномъ—за первую десятину платилось 6 р., за вторую—1/4 оброка

а на остальныя десятины поровну разверстывалась остальная четверть максимальнаго оброка. Первая десятина цѣнилась дороже второй и всѣхъ остальныхъ вотъ почему: правило „подесятинной градацiи" было предложено помѣщиками нечерноземной полосы, въ которой главную цѣнность составляла не полевая земля, а промыслы. На первой же десятинѣ стояла усадьба съ угодьями и промыслами, она и цѣнилась дороже. Такой порядокъ, однако, былъ вовсе непригоденъ въ черноземной полосѣ, гдѣ полевая земля составляла главную цѣнность. А редакцiонная комиссiя сдѣлала ту важную ошибку, что распространила этотъ порядокъ и на черноземную полосу. Благодаря такому своеобразному исчисленiю размѣровъ оброка за надѣлъ, выходило, что чѣмъ надѣлъ больше, тѣмъ за каждую десятину приходилось платить меньше и наоборотъ. Возьмемъ схематическiй примѣръ: предположимъ, максимальный надѣлъ въ данной мѣстности—4 дес. на душу и платятъ за него максимальный оброкъ—12 рублей Но представимъ себѣ, что надѣлъ полученъ крестьяниномъ въ размѣрѣ меньше максимальнаго, 2 дес. вмѣсто 4-хъ. За первую десятину ему придется платить половину оброка, 6 рублей, за вторую—3 руб., всего 9 рублей, а каждая десятина будетъ ему стоить 4 р. 50 к. Но если бы онъ имѣлъ 4 десятины максимальнаго надѣла и платилъ за нихъ максимальный оброкъ въ 12 руб., то одна десятина обходилась бы ему въ 3 рубля. Вотъ, какiе несобразные результаты получились благодаря примѣненiю „подесятинной градацiи". Слѣдовательно, помѣщики получили двойное основанiе настаивать на уменьшенномъ надѣлѣ: во-первыхъ, давая меньше земли крестьянамъ, они, во- вторыхъ, получали за нее большiй оброкъ. Так. обр., экономическая сторона реформы—земельная обезпеченность и оброчные платежи—была разрѣшена въ законѣ 19 февраля въ въ высшей степени невыгодно для крестьянъ. Изложенныя правила касались только Великороссiи, что же касается Малороссiи, Юг.-Зап. и Сѣв.-Зап. края, то здѣсь общiя начала были тѣ же, но съ нѣкоторыми мѣстными измѣненiями. Для Малороссiи тоже были установлены предѣльныя нормы но только иныя. Для Юго-Западн. же и Сѣверо-Западн. края

были оставлены инвентари, введенные еще при Николаѣ I. Это были закономъ опредѣленные для каждаго имѣнія размѣры надѣловъ и оброковъ на нихъ, причемъ „подесятинная градація“ не примѣнялась.

Какія же формы землепользованія законъ установилъ на населенныхъ земляхъ? Уже въ то время въ различныхъ мѣстностяхъ Россіи существовали разныя формы его. Въ Великороссіи преобладало общинное землепользованіе, а въ Малороссіи и Юго-Зап. краѣ — подворное. Составители закона 1861 г. были сторонниками того, что законъ не долженъ ломать жизнь, а долженъ признать существующій фактъ. Вслѣдствіе этого въ Великороссіи землю надѣляли всему обществу, и отъ самого міра уже зависѣло какъ распредѣлить ее между отдѣльными дворами; въ Малороссіи же, въ Юго-Зап. и Сѣверо-Западномъ краѣ было оставлено прежнее участковое подворное владѣніе. Но и въ Великороссіи, признавъ общинное землепользованіе, законъ предоставилъ крестьянамъ право переходить къ подворному владѣнію землей. Для этого мірской сходъ долженъ былъ составить приговоръ $^2/_3$ голосовъ.

Ознакомившись съ основаніями о временно-обязанныхъ крестьянахъ въ „Положеніи“ мы должны разсмотрѣть порядокъ выкупа въ собственность надѣловъ освобожденными крестьянами. Здѣсь нужно различать два момента: 1) выкупъ усадьбы и 2) выкупъ полевого надѣла. Разница между правилами о выкупѣ усадьбы и надѣла заключалась въ слѣдующемъ: выкупъ усадьбы былъ для помѣщика обязательнымъ, разъ крестьянинъ заявлялъ желаніе выкупить ее, выкупъ же полевого надѣла былъ поставленъ въ зависимость отъ согласія помѣщика. Только въ 1883 г. выкупъ надѣла былъ сдѣланъ обязательнымъ для помѣщика.

Во-первыхъ разсмотримъ, какъ выкупалась усадьба. Желая ее выкупить, крестьянинъ вносилъ соотвѣтствующую сумму въ мѣстное уѣздное казначейство и заявлялъ объ этомъ помѣщику. Послѣдній могъ остановить выкупъ усадьбы выдачей письменнаго обязательства въ томъ, что онъ впослѣдствіи, вмѣстѣ съ усадьбой, отдастъ крестьянину въ соб-

ственность и полевой надѣлъ, чѣмъ эта операція и отсрочивалась.

Сумма же, которую приходилось платить крестьянину за пріобрѣтеніе усадьбы, опредѣлялась самимъ помѣщикомъ, указывавшимъ, какую долю получаемаго съ крестьянъ оброка онъ вноситъ на счетъ усадьбы. Однако, послѣдній не имѣлъ права отнести на счетъ усадьбы болѣе 1 р. 50 к. съ души въ обыкновенной усадьбѣ, 2 р. 50 к.—если усадьба отличалась промыслами, 3 р. 50 к., если при ней имѣлись особыя угодья, и, наконецъ, съ особаго разрѣшенія „Присутствія по крестьянскимъ дѣламъ“ помѣщикъ могъ относить на счетъ усадьбы и болѣе 3 р. 50 к. съ души. Когда, такимъ образомъ, была установлена доля оброка, которая относилась на счетъ усадьбы и которую крестьянинъ платилъ помѣщику во временно-обязан. періодъ, то она (доля оброка) капитализировалась изъ 6%, т.-е. выкупная сумма за усадьбу считалась за тотъ капиталъ, 6% съ котораго составлялъ вносимый за усадьбу оброкъ. И уже опредѣленный такимъ образомъ капиталъ составлялъ выкупную цѣну за усадьбу, которую крестьяне должны были внести, чтобы стать собственниками ея.

Во-вторыхъ, законъ открывалъ крестьянамъ возможность выкупать полевой надѣлъ съ согласія помѣщика. По „Закону 19 февраля“ выкупъ надѣла могъ быть начатъ въ двухъ случаяхъ: 1) по добровольному соглашенію между крестьянами и помѣщиками и 2) по одностороннему требованію помѣщика, независимо отъ желанія крестьянина, тогда какъ по требованію крестьянина безъ воли помѣщика выкупа нельзя было произвести. Хотя выкупъ надѣла и былъ поставленъ въ зависимость отъ согласія помѣщиковъ, однако, въ русской жизни тогда существовали условія, побуждавшія помѣщиковъ соглашаться на это, напр., 1) высота покупной оцѣнки надѣльной земли, которая превышала истинную ея стоимость, что для многихъ, особенно въ нечерноземной полосѣ, было чрезвычайно выгодно и; 2) то обстоятельство, что одновременно съ крестьянской реформой правительство приступило къ преобразованію кредитныхъ казенныхъ учрежденій, опе-

кунскихъ совѣтовъ,—изъ которыхъ помѣщики раньше подъ залогъ своихъ имѣній получали ссуды, въ теченіе I половины XIX вѣка они постоянно нуждались въ нихъ. Съ реформой этихъ учрежденій правительство временно пріостановило выдачу ссудъ и это обстоятельство въ особенности побудило помѣщиковъ итти на соглашеніе съ крестьянами по вопросу о выкупѣ надѣловъ. Но въ обоихъ случаяхъ—по обоюдному соглашенію и по одностороннему требованію помѣщика—выкупъ былъ не одинаковъ: во второмъ случаѣ на выкупъ предоставлялся весь тотъ надѣлъ, которымъ крестьянинъ пользовался въ теченіе временно-обязаннаго періода, и его нельзя было уменьшить, а въ первомъ случаѣ размѣръ надѣла могъ быть уменьшенъ сравнительно съ тѣмъ, который крестьянинъ получалъ во временно-обязанный періодъ. Итакъ, несмотря на то, что надѣлы во многихъ случаяхъ въ теченіе временно-обязаннаго періода были опредѣлены болѣе чѣмъ незначительные, теперь, при выкупѣ, они могли быть еще уменьшены. Наконецъ, положеніе 19 февраля 61 года установило еще 3-ю форму превращенія крестьянина въ собственника: путемъ полученія дарового надѣла. Во время послѣднихъ засѣданій Государственнаго Совѣта по обсужденію реформы, однимъ изъ его членовъ, кн. Гагаринымъ, было внесено предложеніе—включенное потомъ въ законъ—чтобы помѣщики по своей доброй волѣ могли предоставлять крестьянамъ надѣлы даромъ, съ согласія, конечно, крестьянъ, при чемъ помѣщикъ имѣлъ право уменьшить надѣлъ до $^1/_4$ максимальной нормы. Это и называлось дарственнымъ, или четвертнымъ, или такъ называемымъ нищенскимъ, или, наконецъ, гагаринскимъ надѣломъ. Правда, крестьяне, въ этомъ случаѣ не платили ничего за землю, но при этомъ надѣлѣ были вынуждены арендовать землю у тѣхъ же помѣщиковъ. И въ началѣ крестьяне пошли на эту приманку: во-первыхъ, имъ хотѣлось получить надѣлъ даромъ, и во-вторыхъ, они предполагали недостающую землю пріарендовать у помѣщика по сходной цѣнѣ, а арендныя цѣны при освобожденіи стояли очень низко. И крестьянинъ попадалъ въ экономическую кабалу къ своему бывшему владѣльцу. Это заблужденіе крестьянъ быстро было разсѣяно, послѣ освобожденія

цѣны значительно повысились. Вотъ почему крестьяне-дарственники оказались впослѣдствіи въ особенно плохихъ матеріальныхъ условіяхъ: они должны были или пріарендовать внѣнадѣльныя земли у помѣщика на тѣхъ условіяхъ, какія имъ продиктуетъ владѣлецъ, или итти къ нему въ батраки.

Посмотримъ, какъ проходили на дѣлѣ всѣ эти три формы выкупа: къ 1-му января 1877 г., черезъ 16 лѣтъ послѣ освобожденія, въ 39 губерніяхъ всего было заключено выкупныхъ сдѣлокъ 61784, въ томъ числѣ 65% (почти $^2/_3$) были заключены по одностороннему требованію помѣщика и 35%—по взаимному соглашенію между крестьянами и помѣщиками. Эти данныя приводятъ насъ къ интереснымъ выводамъ: почти $^2/_3$ выкупныхъ сдѣлокъ совершалось по требованію помѣщиковъ, которые, очевидно, условія выкупа находили очень выгодными. Значитъ, жалобы помѣщиковъ на то, что реформа являлась для нихъ грабежомъ, были совершенно неосновательны. Наибольшее количество выкупныхъ сдѣлокъ по обоюдному соглашенію (тогда, какъ извѣстно, надѣлъ могъ быть уменьшенъ), совершалось въ черноземной полосѣ, а по одностороннему требованію помѣщиковъ—въ нечерноземной. Что касается дарового надѣла, то къ 1 января 1878 года приняли даровой надѣлъ въ 37 губерніяхъ 9% бывшихъ крѣпостныхъ, т.-е. 640380 душъ. Изъ этого количества — $36^1/_4$% согласились получить даровой надѣлъ въ теченіе первыхъ двухъ лѣтъ послѣ введенія реформы, что указываетъ на неопытность крестьянъ вначалѣ въ распознаваніи сущности этой комбинаціи. Только впослѣдствіи, когда жизнь и практика показали имъ невыгоду ея, принятіе дарственныхъ надѣловъ стало быстро сокращаться.

Вотъ главнѣйшія условія, при которыхъ совершались выкупныя операціи.

Финансовая сторона выкупныхъ операцій.

Разсмотримъ теперь сущность выкупной операціи. Цѣна за землю, какъ намъ уже извѣстно, опредѣлялась такъ: брался

оброкъ, который крестьяне платили въ теченіе временно-обязаннаго періода, и капитализировался изъ 6%, т.-е. помножался на $16^2/_3$. Такимъ образомъ, выкупная сумма за полевой надѣлъ признавалась за тотъ капиталъ, 6% съ котораго составляли оброчные платежи во временно-обязанный періодъ. Въ общемъ, такая оцѣнка была очень высока, такъ какъ оброки исчислялись въ зависимости не только отъ стоимости земли, но и отъ ея доходности. Въ цѣну оброка входилъ также весь крестьянскій личный заработокъ; слѣдовательно, крестьяне вмѣстѣ съ землей выкупали и свою личность, хотя законъ предоставлялъ личную свободу безвозмездно. Статистическія данныя потомъ установили, что къ концу 70-хъ годовъ, крестьяне по выкупнымъ платежамъ переплачивали ежегодно въ казну до 5 милліоновъ рублей сравнительно съ банковой оцѣнкой земель.

Вслѣдствіе отсутствія у крестьянъ свободныхъ денегъ для выкупныхъ платежей была установлена особая кредитная операція съ участіемъ казны: лишь только совершалась выкупная сдѣлка, казна выдавала помѣщику % бумаги, такъ называемое *выкупное свидѣтельство*, по которому *первая* обязывалась выплатить *второму* %% до окончательнаго погашенія тиражемъ названнаго свидѣтельства. Съ момента выдачи казною помѣщику *облигацій*, непосредственныя сношенія помѣщиковъ съ крестьянами прекращались: послѣдніе имѣли дѣло только съ казною, иначе говоря,—тѣ суммы, которыя правительство выдавало помѣщику, крестьяне должны были платить казнѣ. Выкупная ссуда разсрочивалась крестьянамъ на 49 лѣтъ (съ момента заключенія выкупной сдѣлки), въ теченіе которыхъ крестьяне должны были вносить казнѣ такъ называемые выкупные платежи. Казна часть изъ нихъ выплачивала въ видѣ %% помѣщикамъ по выкупнымъ свидѣтельствамъ, часть ихъ шла на погашеніе послѣднихъ тиражомъ, остатокъ же откладывался въ *запасный фондъ*, впослѣдствіе настолько увеличившійся, что оказалось возможнымъ не только понизить выкупные платежи, но и вовсе отмѣнить ихъ въ 1906 г. задолго до того срока, 1932 г., когда назначено было окончательное погашеніе выкупной ссуды.

Послѣднія выкупныя сдѣлки были заключены въ 1883 г., въ которомъ выкупъ сдѣлался обязательнымъ для всѣхъ помѣщиковъ. Вообще вся выкупная операція прошла очень гладко.

Составителей проекта реформы 19 февраля особенно смущала финансовая ея сторона: у нихъ явилось опасеніе, что у государства не достанетъ средствъ произвести выкупныя операціи. Но задолженность помѣщиковъ казнѣ облегчила расчетъ послѣдней съ первыми: при выдачѣ помѣщикамъ выкупныхъ свидѣтельствъ казна прямо погашала весь ихъ прежній долгъ себѣ. Въ общемъ финансовая сторона реформы ложилась тяжкимъ бременемъ только на крестьянъ, такъ какъ имъ приходилось оплачивать землю по высокой оцѣнкѣ.

Къ концу 70-хъ годовъ, цѣны на землю значительно поднялись, и разница между банковской оцѣнкой и дѣйствительной стоимостью земли сгладилась, но вскорѣ послѣ освобожденія разница эта, когда цѣны на землю были ниже, а выкупные платежи выше—была очень значительна. Необходимо отмѣтить, что по закону 19 февраля въ каждой части Россійской Имперіи оставалась та форма землепользованія, которая тамъ была. Законъ предписывалъ въ мѣстахъ, гдѣ была община, не разрушать ее. Но мірскому сходу предоставлялась возможность передѣла земли въ общинѣ и право перехода отъ общиннаго землепользованія къ частному землевладѣнію и наоборотъ, при условіи большинства $^2/_3$ голосовъ всѣхъ членовъ даннаго мірского схода. Какъ извѣстно, въ Великороссіи было признано общинное землевладѣніе, надѣлы поступали на выкупъ тамъ сразу всей общины, и уплата выкупныхъ платежей производилась цѣлой общиной, при чемъ послѣдняя разверстывала платежи между своими членами, примѣнительно къ количеству надѣленной земли. Однако, въ положеніе о выкупѣ была введена 165 статья, которая предоставляла отдѣльнымъ крестьянамъ право—въ связи съ выкупными операціями — выйти изъ общины слѣдующимъ образомъ: отдѣльный крестьянинъ вносилъ сразу всю выкупную сумму за свой надѣлъ и могъ требовать, чтобы община выдѣлила въ одномъ мѣстѣ ту долю земли, которая причиталась на данный дворъ по послѣднему передѣлу. Въ началѣ

80-хъ годовъ, 165 статья еще болѣе облегчала выходъ изъ общины: прежде крестьянинъ, выходящій изъ нея, вносилъ всю выкупную сумму, не считая своего участія до этого времени въ мірскихъ выкупныхъ платежахъ, (т.-е. онъ дважды платилъ за свой участокъ); теперь же домохозяинъ, желая выкупиться, могъ вносить за свой надѣлъ сумму уже съ вычетомъ тѣхъ взносовъ, которыми онъ раньше участвовалъ въ мірскихъ платежахъ. Впослѣдствіи статья эта была уничтожена совсѣмъ, когда въ правительственныхъ сферахъ возобладало теченіе въ пользу поддержки общиннаго землепользованія; но въ настоящее время, когда это теченіе смѣнилось снова противоположнымъ, противо-общиннымъ,—правительство создало законъ 9-го ноября по землеустройству, разрушающій общину. Этимъ заканчивается обзоръ главнѣйшихъ основаній закона 19 февраля 61 года.

Къ этому надо добавить, что тотъ же законъ вводилъ сельское волостное самоуправленіе. Каждое селеніе составляло сельское общество, имѣвшее своимъ органомъ сельскій сходъ и выбиравшее сельскаго старосту. Нѣсколько сельскихъ обществъ составляли волость съ органомъ волостнымъ сходомъ, который избиралъ волостного старшину, урядника, волостное правленіе и волостной судъ. Это самоуправленіе имѣетъ сословный характеръ, т. к. только крестьянское населеніе волости участвуетъ въ немъ и несетъ соотвѣтствующія повинности. Лица другихъ общественныхъ состояній, хотя и живущія въ данной волости, въ волостномъ самоуправленіи участія не принимаютъ. Творцы закона 19 февраля 61 г. установили эту сословность только изъ опасенія ввести въ него помѣщиковъ, живущихъ въ волости, которые могли смотрѣть на прежнихъ своихъ крестьянъ по-господски. Однако, послѣдствія показали, что сословный характеръ самоуправленія для крестьянъ былъ невыгоденъ уже по одному тому, что волостныя повинности несли одни крестьяне, а пользовались выгодами волостной организаціи (почта, дороги) всѣ сословія. Съ теченіемъ времени была выдвинута идея мелкой земской единицы или всесословной крестьянской волости, но эта

мысль до сихъ поръ не получила осуществленія, такъ и оставшись въ проектѣ.

Крестьянская реформа не могла оставаться одинокой: крѣпостное право въ свое время было настолько всеобъемлющимъ фактомъ, что его отмѣна съ логической послѣдовательностью повлекла за собою рядъ другихъ преобразованій въ разныхъ областяхъ общественнаго строя. Вотъ почему за реформой 19 февраля 1861 года послѣдовали другія: земская реформа (земскія учрежденія), городская реформа, судебная и т. д.

Преобразованіе мѣстнаго самоуправленія по положенію 1864 г.

Отмѣна крѣпостного права повлекла прежде всего за собой преобразованіе въ области мѣстнаго управленія. Во время существованія крѣпостного права крестьяне не подлежали вѣдѣнію дореформенныхъ мѣстныхъ учрежденій, а управлялись своими помѣщиками. Теперь же предстояло распространить вліяніе мѣстныхъ учрежденій и на многомилліонное крестьянство, только что вышедшее изъ-подъ неволи. Уже это обстоятельство влекло за собою необходимость ихъ преобразованія. Помимо этого съ уничтоженіемъ крѣпостного права явилась возможность въ области мѣстнаго управленія установить совмѣстную дѣятельность представителей всѣхъ сословій, которыя теперь одинаково были свободными.

Эти соображенія показываютъ, насколько отмѣна крѣпостного права логически соединялась съ необходимостью реформы административной. Затѣмъ отмѣна крѣпостного права вызвала на новую дорогу жизнь русскаго города.

Какъ мы уже говорили, крѣпостное право служило большимъ тормазомъ для широкаго развитія торговаго обмѣна, т. к. значительная часть необходимыхъ предметовъ выдѣлывалась въ рамкахъ даннаго хозяйства. Такимъ образомъ, городъ влачилъ чахлое существованіе. Теперь же съ раскрѣпощеніемъ народнаго труда, городъ, какъ центръ торговли,

промышленности и умственной жизни, долженъ былъ развернуться въ ширь, и вопросъ о переустройствѣ городского самоуправленія всталъ самъ собою на очередь. Дѣло реформы судебныхъ учрежденій также стало неизбѣжнымъ съ отмѣной крѣпостного права. Судъ, созданный для охраны существующихъ законовъ, утвержденныхъ въ силу юридическихъ отношеній, всегда долженъ согласоваться съ дѣйствующимъ законодательствомъ. Разъ въ этомъ законодательствѣ происходитъ коренная перемѣна, перестраивается на новыхъ началахъ основа гражданственности, то и судъ, соотвѣтственно съ этимъ, долженъ измѣниться, чтобы не отстать отъ жизни. Дореформенный судъ весь былъ расчитанъ на крѣпостническую обстановку. Съ отмѣной же крѣпостного права и переработка судопроизводства встала на очередь.

Въ правящихъ сферахъ тотчасъ послѣ крестьянской такой крупной соціальной реформы быстро взяло силу настроеніе неблагопріятное для дальнѣйшихъ преобразованій, которое выразилось въ стремленіи сохранить прежній порядокъ и остановить дальнѣйшее развитіе преобразовательной дѣятельности. Но сдѣлать это было уже невозможно и волей-неволей приходилось дѣлать дальнѣйшіе логическіе выводы изъ крестьянской реформы.

Поэтому-то въ послѣдующихъ реформахъ: городской, земской и др. совершавшихся уже въ неблагопріятной для преобразованій атмосферѣ очень много компромиссовъ со стариной: въ нихъ на каждомъ шагу мы встрѣчаемъ отголоски предшествующаго стараго порядка.

(Подробности о земской реформѣ можно найти въ изданной года два тому назадъ брошюрѣ А. А. Кизеветтера „Мѣстное самоуправленіе въ Россіи“).

Необходимость преобразовать мѣстное управленіе въ смыслѣ созданія всесословнаго управленія на мѣстахъ, сознавалась уже дворянскими губернскими комитетами. Нѣкоторые изъ нихъ въ своихъ докладныхъ запискахъ прямо указывали, что при отсутствіи крѣпостного права невозможно остаться при прежнемъ мѣстномъ управленіи, и дальнѣйшіе шаги должны заключаться въ переработкѣ его основъ въ смыслѣ предоставленія мѣстнымъ сословіямъ возможностей самостоя-

тельно участвовать въ дѣлахъ мѣстнаго хозяйства. Особенно подробно эта мысль была развита въ запискѣ тверского дворянскаго комитета, во главѣ котораго стоялъ Унковскій. Послѣ отмѣны крѣпостной зависимости было приступлено къ проекту реформы мѣстнаго управленія, но, если выработку перваго проекта правительство произвело при содѣйствіи общества, то при подготовкѣ земской реформы 1864 г. участіе его было игнорировано. Для обсужденія вопроса о земской реформѣ была учреждена спеціальная комиссія, составленная изъ лицъ по назначенію отъ короны, безъ участія выборнаго элемента. Комиссія выработала законопроектъ о земскихъ учрежденіяхъ, который затѣмъ поступивъ на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта, получилъ санкцію Государя и сталъ закономъ. Первоначально, стоявшій во главѣ комиссіи Милютинъ, оставался на этомъ посту недолго и въ скоромъ времени ушелъ въ отставку вмѣстѣ съ Министромъ внутреннихъ дѣлъ Ланскимъ. Ихъ отставка не явилась случайностью, но имѣя политическое значеніе, знаменовала собою преобладаніе въ высшихъ сферахъ теченія, направленнаго противъ преобразовательныхъ тенденцій. Мѣсто Ланского занялъ Валуевъ, который началъ свою служебную карьеру въ моментъ подготовки крестьянской реформы въ качествѣ бойкаго редактора различныхъ контръ-проектовъ по крестьянскому дѣлу. Когда образовалась партія старыхъ крѣпостниковъ, которые желали всунуть палки въ колеса этой реформы, имъ понадобился человѣкъ, искусно владѣющій перомъ, — который бы могъ фомулировать стремленія этихъ сановниковъ, и они остановили свой выборъ на молодомъ чиновникѣ Валуевѣ.

Вотъ онъ-то и выступилъ теперь во главѣ министерства внутреннихъ дѣлъ какъ разъ въ тѣ годы, когда приходилось примѣнить на практикѣ положеніе о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости. Въ качествѣ же министра внутреннихъ дѣлъ Валуевъ сталъ во главѣ комиссіи, которая должна была подготовить земскую реформу.

Главнѣйшія основанія закона о земскихъ учрежденіяхъ, изданнаго въ 1864 г., сводились къ слѣдующему: наряду съ органами коронной администраціи и въ гу-

берніи, и въ уѣздахъ вводились органы выборные, въ которыхъ должны были участвовать выборные представители всѣхъ сословій мѣстнаго населенія для завѣдыванія дѣлами мѣстной жизни. Эти выборныя общественныя учрежденія и получили названіе земскихъ учрежденій. Земство получило слѣдующіе органы по закону 64 г., которые существуютъ и до настоящаго времени: 1) уѣздное земское собраніе изъ гласныхъ отъ всѣхъ сословій уѣзднаго населенія; это уѣздное земское собраніе выбираетъ изъ своей среды уѣздную земскую управу — свой исполнительный органъ. 2) Въ губерніи устанавливалось губернское земское собраніе, которое завѣдуетъ хозяйственными дѣлами всей губерніи; изъ своей среды оно выбираетъ губернскую земскую управу. Эти четыре учрежденія и вели дѣла, относящіяся къ компетенціи земскихъ учрежденій.

Земское уѣздное собраніе составляется изъ лицъ всѣхъ сословій уѣзднаго населенія.

Вотъ организація выборовъ въ уѣздное земское собраніе.

Избиратели, по положенію 64 г., сгруппированы въ три избирательныхъ куріи. Эти три избирательныя собранія назывались: 1) собраніе мѣстныхъ частныхъ землевладѣльцевъ или собраніе уѣздныхъ землевладѣльцевъ; 2), собраніе представителей городскихъ обществъ и 3) собраніе представителей сельскихъ обществъ. Хотя названіе этихъ избирательныхъ собраній какъ будто и указываютъ, что мы имѣемъ здѣсь дѣло не съ сословными группировками, (это не собранія дворянъ, купцовъ, крестьянъ такъ какъ на первый взглядъ въ основу дѣленія положено не сословное происхожденіе, а скорѣе профессіональное, классовое, но такой характеръ дѣленія выдержанъ только въ наименованіяхъ этихъ избирательныхъ курій. На самомъ же дѣлѣ эта группировка была чисто сословная: избирательныя собранія были организованы такъ, что напр. подъ именемъ уѣздныхъ землевладѣльцевъ въ первой избирательной куріи участвовали дворяне, владѣвшіе въ уѣздѣ недвижимостью. Во второй куріи — городскіе купцы и промышленники, а въ третьей — волостное кре-

стьянство. Значитъ въ основаніи дѣленія на три избирательныхъ куріи былъ положенъ чисто сословный принципъ. Такимъ образомъ, основная идея преобразованія, сводившаяся къ тому, чтобы въ земскихъ учрежденіяхъ объединить всѣ сословія въ одно цѣлое, не была осуществлена въ проведеніи реформы, и раздѣленіе гласныхъ на сословныхъ началахъ все-таки осталось въ силѣ.

Земскія учрежденія 1864 г. явились учрежденіями всесословными, а не безсословными. Всесословными же они явились потому, что въ нихъ приняли участіе представители всѣхъ сословій (подъ безсословными учрежденіями мы разумѣемъ не только тѣ, въ которыхъ участвуютъ всѣ сословія, но также и тѣ, гдѣ участники, не отличаясь другъ отъ друга ничѣмъ по своему сословному происхожденію, объединяются въ одно цѣлое, однородное, безъ всякаго различія). Вотъ первый слѣдъ того, что составителями земскаго Положенія 64-го года былъ допущенъ рядъ компромиссовъ со стариной.

Каждая изъ этихъ трехъ сословныхъ группъ должна была посылать въ уѣздное земское собраніе своихъ гласныхъ, которые являлись въ собраніи представителями своей группы, но не представителями всей совокупности мѣстнаго уѣзднаго населенія.

Для участія въ каждомъ изъ трехъ избирательныхъ собраній надо было имѣть имущественный цензъ, который долженъ былъ равняться: для участія въ первомъ избирательномъ собраніи или землѣ въ размѣрѣ 100 максимальныхъ душевыхъ надѣловъ, опредѣленныхъ для данной мѣстности Крестьянскимъ Положеніемъ 61 года, или капиталу не менѣе какъ въ 15,000 рублей; мелкіе землевладѣльцы должны были соединяться вмѣстѣ и тогда имѣли право голосовать на первомъ собраніи, сообразно съ вышеприведеннымъ цензомъ; для участія во второмъ собраніи городскихъ обществъ требовался имущественный цензъ нѣсколько пониженный; для участія же въ третьемъ избирательномъ собраніи—отъ представителей сельскихъ обществъ—имущественный цензъ былъ необязателенъ, выборы гласныхъ отъ крестьянъ были двухстепенные, а именно: на каждомъ волостномъ

сходѣ избирались выборщики, а затѣмъ уже собраніе послѣднихъ выбирало гласныхъ въ земское уѣздное собраніе, при чемъ крестьяне могли выбирать не только изъ своей среды, но и изъ среды другихъ сословій. Вотъ какъ были организованы выборы въ уѣздное земское собраніе отъ трехъ сословныхъ группъ.

Посмотримъ же въ какомъ количествѣ избирались гласные отъ каждой избирательной куріи. Къ закону 1864 года было приложено особое расписаніе того количества гласныхъ, которое должно было избираться отъ каждой изъ трехъ избирательныхъ курій. Изученіе этихъ цифръ показываетъ, что расписаніе было составлено съ расчетомъ дать численный перевѣсъ гласнымъ въ уѣздномъ земскомъ собраніи по всѣмъ губерніямъ дворянамъ такъ, число гласныхъ отъ первой куріи равнялось суммѣ другихъ курій, вмѣстѣ взятыхъ и такимъ образомъ, уже по Положенію 64 года земскія учрежденія были по своему составу дворянскими. Вотъ второе важное слѣдствіе тѣхъ компромиссовъ со стариной, на которые шли составители земскаго Положенія 64 года.

Этимъ путемъ дворянство стремилось возмѣстить свой ущербъ, который оно понесло съ отмѣной крѣпостного права.

Слѣдующія статистическія данныя устанавливаютъ, насколько имѣли перевѣсъ дворяне надъ представителями другихъ сословій въ земскихъ учрежденіяхъ.

Изъ всего количества земскихъ гласныхъ по всей Россіи на долю дворянскихъ представителей въ періодъ съ 64-го 67-й годъ приходилось 42,5% (немного менѣе половины), на долю гласныхъ отъ крестьянъ, 38,5%, на представителей духовенства—падалъ 1% и на долю остальныхъ разрядовъ населенія—18%. Если мы возьмемъ аналогичныя данныя, относящіяся къ серединѣ 80 гг., то тамъ на долю дворянъ приходилось 42,4%, крестьянамъ—38,4%, духовенству—2,3%, прочимъ сословіямъ—16,9%, въ общемъ наблюдается почти такое же соотношеніе.

Составъ губернскаго земскаго собранія, въ общемъ соотвѣтствуетъ уѣздному, такъ какъ губернское составляется изъ представителей, посылаемыхъ туда уѣздными земскими собраніями, а не выбираемыхъ непосредственно мѣстными жи-

телями. Предсѣдательствуетъ въ уѣздномъ земскомъ собраніи уѣздный, а въ губернскомъ—губернскій предводитель дворянства.

Уѣздное и губернское земскія собранія выбираютъ изъ своей среды исполнительные органы: уѣздную земскую управу и губернскую земскую управу, которыя должны въ промежутокъ между сессіями приводить въ исполненіе постановленія предшествующихъ земскихъ и того и другого собраній.

Перейдемъ теперь къ компетенціи ихъ. Творцы Земскаго Положенія 64 года выставили слѣдующія два основанія для опредѣленія компетенціи этихъ учрежденій; земскимъ учрежденіямъ вручаются для завѣдыванія: 1) дѣла мѣстныя, т.-е. касающіяся данной мѣстности; 2) дѣла хозяйственныя. Эти признаки, очерчивающіе кругъ дѣятельности земствъ, настолько слабо опредѣлены, что на основаніи ихъ можно для земскихъ учрежденій отмежевать какую угодно область дѣятельности. Въ самомъ дѣлѣ, какъ ограничить дѣла мѣстныя отъ дѣлъ государственныхъ въ кругѣ вопросовъ мѣстнаго значенія? Трудно изобрѣсти такой вопросъ мѣстнаго характера, который не затрагивалъ бы вопросовъ цѣлаго ряда сосѣднихъ мѣстъ, а, слѣдовательно, и всей страны. Развѣ напримѣръ вопросъ о продовольствіи населенія данной губерніи, (т.-е. о томъ, будетъ ли эта губернія сыта или голодна), такъ или иначе не задѣвалъ интересовъ сосѣдней губерніи и интересовъ общегосударственныхъ? Отъ вопроса, напримѣръ, о томъ, какъ расположатся дороги въ данномъ уѣздѣ, развѣ не зависятъ интересы населенія другой мѣстности, которое этими дорогами пользуется? Такое дѣленіе совершенно произвольно и на основаніи его можно любой вопросъ объявить дѣломъ исключительно мѣстнаго характера или общегосударственнаго значенія. Такою же неопредѣленностью отличается и второй признакъ—вопросы мѣстнаго хозяйства. Какъ выдѣлить хозяйственный вопросъ такъ, чтобы онъ не затрагивалъ другихъ, относящихся къ благосостоянію населенія? Вѣдь всякій хозяйственный вопросъ связанъ съ финансами, а, слѣдовательно, и со всею совокупностью государственныхъ интересовъ. Въ 60-хъ годахъ

въ наукѣ о государственномъ правѣ господствовала такъ называемая общественная теорія мѣстнаго самоуправленія, теперь оставленная, которая гласила, что выборные органы мѣстнаго самоуправленія не являются органами государственной власти, что на органы общественнаго самоуправленія устанавливается взглядъ, какъ на учрежденія, имѣющія какія-то свои внутреннія особыя задачи и потому эти учрежденія должны стоять самостоятельно отъ государственныхъ, коронныхъ учрежденій. Но изъ такого взгляда на органы самоуправленія, какъ на полу-частныя общественныя организаціи вытекало неблагопріятное для нихъ заключеніе, а именно: разъ эти земскія учрежденія являются не государственными, а какими-то частными, то они не могутъ имѣть авторитета равнаго учрежденіямъ государственнымъ. Пользуясь вотъ этою теоріей, составители Положенія 64 года и приняли въ общемъ такой взглядъ на земскія учрежденія: хотя они устанавливаются закономъ и имъ дается опредѣленная компетенція, но по степени своего авторитета они должны стоять ниже органовъ власти государственной.

Въ настоящее же время существуетъ совершенно другая теорія общественнаго самоуправленія, такъ называемая государственная, которая учрежденія мѣстныя, хотя и выборныя, разсматриваетъ какъ органы государственной власти, отличающіеся отъ нихъ только способомъ своего составленія и признаетъ степень авторитета за этими двумя родами учрежденій совершенно одинаковую, такъ какъ и тѣ и другія выражаютъ общегосударственные интересы всей страны. Кромѣ того Положеніе 64 года опредѣляетъ кругъ вопросовъ, подлежащихъ вѣдѣнію земскихъ учрежденій: дѣла по раскладкѣ земскихъ повинностей, по устройству дорогъ, больницъ, по организаціи почты, учебныхъ и благотворительныхъ заведеній, народнаго продовольствія и страхованія, которыми земства всецѣло и завѣдуютъ. Въ другой же категоріи дѣлъ, которыя также отнесены къ компетенціи земскихъ учрежденій, земство по Положенію 64 года только содѣйствуетъ правительству: напримѣръ въ дѣлахъ по охраненію народнаго здравія, по борьбѣ съ пожарами, скотскими падежами, по содѣйствію земледѣлію, промышленности и

торговлѣ въ предѣлахъ данной мѣстности. Но по тому же самому Положенію земство лишалось права издавать обязательныя для населенія постановленія, въ чемъ особенно отразилось вышеуказанное общее воззрѣніе комиссіи по составленію закона 1864 года на органы мѣстнаго выборнаго самоуправленія.

Вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ между земскими учрежденіями и коронной властью, въ Положеніи 64 года рѣшался такъ: въ видѣ общаго принципа проводилась мысль, что органъ мѣстной коронной власти въ лицѣ губернатора долженъ наблюдать за согласованіемъ дѣятельности земскихъ учрежденій съ существующими законами, при чемъ, если противорѣчія закону не наблюдается, то губернаторъ уже не долженъ вмѣшиваться въ самую сущность постановленій земскаго собранія. Но съ полной послѣдовательностью и это начало не было проведено въ Положеніи 64 года. Такъ напримѣръ губернатору предоставлялось право входить въ разсмотрѣніе составляемаго земствомъ бюджета земскихъ доходовъ и расходовъ, что уже является прямымъ вмѣшательствомъ въ ходъ земскихъ дѣлъ по существу. Только принципъ наблюденія губернатора за законностью постановленій земства и невмѣшательства былъ вполнѣ проведенъ въ этомъ Положеніи.

Итакъ, въ лицѣ земскихъ учрежденій создался новый органъ въ цѣпи административныхъ учрежденій, которому предоставлялась довольно разнообразная дѣятельность. Въ сущности всѣ дѣла, предоставленныя теперь земству, раньше входили въ компетенцію такъ называемыхъ приказовъ общественнаго призрѣнія, которые были учреждены еще Екатериной II-ой въ 1775 г. Но приказы были по своему составу учрежденіями чисто бюрократическими, и только съ учрежденіемъ земствъ въ уѣздной и губернской жизни стало развиваться народное образованіе и т. п., а наши сельскія школы, больницы являются вполнѣ сверстниками русскаго земства.

Если земскія учрежденія и являлись крупнымъ шагомъ впередъ въ смыслѣ развитія общественной самодѣятельности, то все же составители Положенія 64 года, какъ мы видѣли,

допустили рядъ компромиссовъ съ предыдущей эпохой, а именно: 1) подъ видомъ безсословнаго земства было введено земство всесословное, при чемъ значительный перевѣсъ былъ отданъ на долю дворянства и 2) несмотря на довольно разнообразныя функціи, степень ихъ авторитетности признана была менѣе высокой, чѣмъ учрежденій коронной администраціи. Однако эти сдѣлки съ предшествующей порой не только не были временными, какъ можно было надѣяться, но съ теченіемъ времени были переработаны вторично въ смыслѣ ихъ дальнѣйшаго усиленія, въ новомъ земскомъ Положеніи 1890 г., которое продолжаетъ дѣйствовать и до настоящаго времени.

Всѣ преобразованія 60-хъ годовъ имѣли впослѣдствіи двоякую судьбу: съ одной стороны постепенно было расширено примѣненіе этихъ реформъ на новыя части территоріи. Надо сказать, что реформы Александра II-го не были введены сразу во всемъ государствѣ, а были вводимы лишь въ нѣкоторыхъ губерніяхъ въ видѣ опыта, и это нужно помнить, когда мы говоримъ, что при Александрѣ II-мъ мѣстное управленіе было поставлено на новыя начала.

Процессъ постепеннаго расширенія реформы 60-хъ годовъ продолжается еще и до настоящаго времени. Но одновременно съ первымъ идетъ второй процессъ: перерабатываніе внутренняго устройства этихъ учрежденій при Александрѣ III въ духѣ реакціонномъ, при чемъ въ этомъ процессѣ можно наблюдать два оттѣнка: въ нѣкоторыхъ случаяхъ эти реакціонныя переработки примѣняются только въ мѣстностяхъ, въ которыхъ они вновь вводятся (напр., судебныя учрежденія безъ суда присяжныхъ въ Сибири); въ рядѣ же другихъ случаевъ эти учрежденія вообще перерабатываются для всей Россіи, даже для тѣхъ ея мѣстностей, гдѣ они дѣйствовали при Александрѣ II-мъ въ своемъ первоначальномъ видѣ.

Знакомясь съ каждой реформой отдѣльно, мы и посмотримъ, какія были сдѣланы внутреннія измѣненія въ этихъ преобразованіяхъ и что эти видоизмѣненія направлялись. Такъ земское Положеніе 64-го года при Александрѣ III въ 1890 г. было пересмотрѣно и еще сильнѣе былъ подчеркнутъ въ немъ сословный принципъ, т.-е. былъ данъ перевѣсъ пре-

обладанію дворянства надъ прочими сословіями. Во вновь пересмотрѣнномъ для всѣхъ губерній спискѣ гласныхъ отъ всѣхъ сословій было еще болѣе увеличено количество гласныхъ—дворянъ. Затѣмъ, были измѣнены условія выборовъ крестьянскихъ гласныхъ въ земскія учрежденія. По Положенію 64 года крестьяне выбирали своихъ гласныхъ путемъ двухстепенныхъ выборовъ, по Положенію же 90-го года сперва волостные сходы избирали кандидатовъ въ крестьянскіе гласные, а затѣмъ изъ этихъ кандидатовъ губернаторъ по своему усмотрѣнію назначалъ тѣхъ или иныхъ лицъ. Такимъ образомъ, выборы гласныхъ отъ крестьянъ самими крестьянами были отмѣнены и замѣнены назначеніемъ гласныхъ губернаторомъ изъ состава волостныхъ кандидатовъ. Этимъ роль крестьянскихъ представителей въ земствѣ была значительно понижена и поставлена въ зависимость отъ коронной администраціи въ то время, какъ дворянство получило еще большій перевѣсъ въ земскомъ собраніи. Наконецъ, въ Положеніи 90 года была устранена условная терминологія при обозначеніи трехъ избирательныхъ группъ: въ Положеніи 64-го года эти группы, сословныя по существу, были названы именами, которыя затушевали ихъ сословный характеръ, теперь же прямо было сказано, что избиратели раздѣляются на два избирательныя собранія, дворянское и городское. Что же касается крестьянъ, то ихъ участіе въ выборахъ гласныхъ было замѣнено выборомъ кандидатовъ, изъ которыхъ губернаторъ назначалъ гласныхъ по своему усмотрѣнію.

Другое измѣненіе въ Положеніи 90 года сравнительно съ Положеніемъ 64-го года, заключалось въ томъ, что въ немъ еще болѣе была усилена зависимость земскихъ учрежденій отъ коронной администраціи, примѣромъ чему можетъ служить вмѣшательство губернаторовъ въ назначеніе гласныхъ отъ крестьянъ. Вообще, губернаторъ получилъ право еще большаго вмѣшательства во внутреннюю жизнь земскихъ учрежденій, при чемъ принципъ наблюденія за законностью земскихъ постановленій, по Положенію 90-го года, которое дѣйствуетъ и по-сейчасъ, былъ замѣненъ правомъ кассаціи постановленій земскихъ собраній съ точки зрѣнія

ихъ нецѣлесообразности. Т.-е. губернаторъ получилъ теперь возможность даже въ случаѣ согласованія постановленія земскаго собранія съ закономъ входить въ разсмотрѣніе того, полезно ли оно или не полезно для нуждъ населенія, и если постановленіе вполнѣ законно, но губернатору покажется нецѣлесообразнымъ, то онъ можетъ его кассировать. Но земство, несогласное съ мнѣніемъ губернатора могло по Положенію 64-го года этотъ вопросъ внести на слѣдующее собраніе, а потомъ и въ Сенатъ, по новому же Положенію 90-го года для рѣшенія этихъ спорныхъ вопросовъ было создано особое учрежденіе, которое называлось „Особымъ губернскимъ по земскимъ дѣламъ Присутствіемъ“. Послѣднее и должно было рѣшить, кто правъ—губернаторъ или земское собраніе. Однако въ этомъ Присутствіи предсѣдателемъ являлся все тотъ же губернаторъ, и на него возлагалась обязанность обсуждать подъ своимъ предсѣдательствомъ вопросъ о томъ, кто правъ въ этомъ столкновеніи, онъ самъ или земство? Составъ этого Присутствія былъ таковъ: предсѣдатель—губернаторъ, члены: губернскій предводитель дворянства, вице-губернаторъ, управляющій палатой государственныхъ имуществъ, прокуроръ Окружнаго суда, предсѣдатель губернской земской управы и одинъ членъ—выборный отъ губернскаго собранія. Если земское собраніе не соглашалось съ постановленіемъ Губернскаго по земскимъ дѣламъ Присутствія, то разрѣшеніе вопроса могло быть направлено въ высшія центральныя учрежденія: въ Сенатъ, если губернаторъ опротестовывалъ земское постановленіе съ точки зрѣнія его незаконности, или въ Комитетъ Министровъ, если земское постановленіе опротестовано губернаторомъ съ точки зрѣнія нецѣлесообразности, или, наконецъ, въ Государственный Совѣтъ, если вопросъ касается земскаго бюджета. Такова громоздкая и сложная процедура разсмотрѣнія недоразумѣній между губернаторомъ и земскимъ собраніемъ по Положенію 90-го года; при томъ же она далеко не обезпечиваетъ защиты интересовъ земскаго собранія, такъ какъ во всѣхъ этихъ инстанціяхъ царитъ бюрократическій элементъ.

Итакъ, въ Положеніе 90-го года было введено: 1) усиле-

ніе сословнаго элемента, и 2) усиленіе зависимости и подчиненія земскихъ учрежденій коронной администраціи. По Положенію 64-го года земская управа была исполнительнымъ органомъ при земскомъ собраніи, теперь же, по Положенію 90-го года, въ цѣломъ рядѣ случаевъ она была поставлена въ зависимость отъ губернатора.

Перейдемъ теперь къ городской реформѣ, осуществленной въ 1870-мъ году. По характеру своей разработки она заняла промежуточное положеніе между крестьянской и земской реформами. Крестьянская, какъ мы знаемъ, подвергалась гласному обсужденію на мѣстахъ, земская же реформа была выработана исключительно въ бюрократическихъ кругахъ, реформа же городская была направлена по среднему пути: съ одной стороны, правительство предложило разработку этой реформы комиссіямъ, образованнымъ изъ мѣстнаго населенія въ городахъ, чѣмъ было, слѣдовательно, сдѣлано обращеніе къ обществу. Поступившія заявленія этихъ комиссій во вниманіе приняты не были, а правительство, игнорируя ихъ, составило законопроектъ въ бюрократическомъ духѣ. Эти городскія комиссіи высказывали часто очень интересныя пожеланія, показывавшія, какъ общественная мысль шла въ намѣчаніи основъ реформы гораздо дальше правительственной программы. Такъ въ нѣкоторыхъ комиссіяхъ были высказаны пожеланія: 1) чтобы могли участвовать въ городскихъ выборахъ бѣдные классы городского населенія, 2) чтобы первое мѣсто принадлежало образовательному, а неимущественному цензу, 3) чтобы помимо домовладѣльцевъ къ участію въ выборахъ были допущены и квартиронаниматели. Затѣмъ были высказаны пожеланія въ смыслѣ расширенія компетенціи городскихъ учрежденій. Напримѣръ, нѣкоторыя комиссіи предлагали, чтобы городскіе выборы въ члены производились независимо отъ Городской Думы. Но всѣ эти заявленія не были приняты въ вниманіе въ Петербургѣ.

Положеніе о Городскихъ Думахъ 1870 г. было въ 1892 г. пересмотрѣно и такъ же, какъ земское Положеніе представляетъ собою рядъ компромиссовъ новыхъ началъ со старыми.

Еще Екатерина II въ 1785 г. ввела Городовое Положеніе

Жалованной Грамотой городамъ, которое дѣлало попытку установить такіе принципы городского общественнаго самоуправленія, во-первыхъ: объединить всѣ элементы городского населенія въ Городскихъ Думахъ посредствомъ общей работы по мѣстному самоуправленію. До Екатерины II, въ теченіе всего 18-го вѣка въ городахъ были выборныя учрежденія изъ представителей купцовъ и ремесленниковъ, которыя управляли мѣстными городскими дѣлами. Это были такъ наз. городскіе магистраты, гдѣ засѣдали выборные ратманы и бургомистры, выбираемые такъ наз. людьми посадскими. А дворяне, духовенство, городское крестьянство въ выборахъ въ магистраты не участвовало, слѣдовательно, до Екатерины II-ой у насъ не было единой самоуправляющей корпораціи.

Екатерина II въ Городовомъ Положеніи 1785 г. дѣлаетъ въ этомъ направленіи первый шагъ—вводитъ Городскую Думу, какъ учрежденіе, въ которомъ совмѣстно засѣдали и завѣдывали мѣстными дѣлами представители отъ всѣхъ элементовъ городского населенія безъ различія ихъ сословнаго происхожденія. Достаточно было имѣть въ городѣ домъ или участокъ земли, чтобы получить право участвовать въ городскихъ выборахъ. Другая особенность Городового Положенія 1785 г. заключалась въ предоставленіи Городской Думѣ извѣстной самостоятельности въ завѣдываніи дѣлами городской жизни. Такъ Дума должна была завѣдывать всѣми дѣлами городского хозяйства, благоустройства и благосостоянія. Но эти новые принципы Городового положенія Екатерины II такъ и остались на бумагѣ, не получивъ реальнаго осуществленія. Съ одной стороны, это объясняется общими условіями тогдашняго народнаго хозяйства, съ другой—непослѣдовательностью самой Законодательницы. Общія условія тогдашней жизни не были благопріятны, благодаря существованію крѣпостного права, которое держало въ деревнѣ значительную часть населенія. Непослѣдовательность же Императрицы Екатерины заключалась въ томъ, что въ этомъ Положеніи она предоставила одновременно завѣдываніе рядомъ дѣлъ мѣстнаго хозяйства Городской Думѣ и тѣ же самыя дѣла, не проведя никакой опредѣленной черты между

компетенціями двухъ учрежденій, она предоставила Управѣ Благочинія,—этому чисто полицейскому учрежденію. Выходило такъ, что Управа Благочинія можетъ распоряжаться въ городѣ всѣмъ тѣмъ, чѣмъ распоряжалась Городская Дума. На дѣлѣ получилась такая картина: Городская Дума собирала подати и налоги, а завѣдываніе ими захватила въ свои руки Управа Благочинія. Что же касается начала всесословности, то и оно не прошло въ жизнь, такъ какъ дворяне сторонились купцовъ и ремесленниковъ, а эти послѣдніе, привыкшіе раньше управлять, косо смотрѣли на включеніе въ ихъ среду представителей дворянства. Такимъ образомъ, составъ Городской Думы былъ окрашенъ въ прежній сословный цвѣтъ. Фактически тамъ преобладалъ купеческій и ремесленный элементъ, хотя по закону—въ Думѣ имѣли право участвовать всѣ сословія города. Мы видимъ, что Положеніе 1870 г. и было направлено на то, чтобы оставшіяся не выполненными при Екатеринѣ II начала всесословности и автономіи Городской Думы, дѣйствительно ввести въ жизнь.

Реформа городского самоуправленія.

Теперь прослѣдимъ, насколько тѣ задачи, которыя ставила себѣ Екатерина, были разрѣшены въ Городовомъ Положеніи 1870 года, и какія измѣненія были сдѣланы въ немъ въ 1892 г. при Александрѣ III, когда было издано новое Городовое Положеніе, дѣйствующее и до сихъ поръ? Городская Дума, поставленная во главѣ управленія городомъ, является выборнымъ собраніемъ представителей городского населенія. Дума избрала изъ своей среды Городскую Управу—свой исполнительный органъ. Какъ же составлялась сама Городская Дума по Городовому Положенію 70-го года? Участіе въ выборахъ было обусловлено имущественнымъ цензомъ: надо было имѣть домъ въ чертѣ городской осѣдлости или участокъ земли, или торговопромышленное предпріятіе, дающее опредѣленный доходъ. Всѣ, удовлетворявшіе этому цензу, во время выборовъ группиро-

вались въ три избирательныя собранія, по особой, такъ называемой, трехъ-классной системѣ, заимствованной изъ Пруссіи, въ которой по ней производятся выборы въ ландтагъ и о которой Бисмаркъ выразился, какъ о „самой нелѣпой системѣ выборовъ“. Система эта была изобрѣтена съ опредѣленной цѣлью—дать перевѣсъ болѣе состоятельнымъ и консервативнымъ элементамъ населенія. По этой системѣ всѣ городскіе избиратели, удовлетворяющіе имущественному цензу, подаютъ свой голосъ по тремъ куріямъ. Каждая изъ курій составляется съ такимъ расчетомъ, чтобы сумма имущественныхъ цензовъ всѣхъ членовъ данной куріи составляла $^1/_3$ всѣхъ платимыхъ городомъ налоговъ. Въ первомъ разрядѣ принимаютъ участіе избирателя наиболѣе состоятельные съ высокимъ цензомъ и поэтому достаточно очень небольшого ихъ количества, чтобы ихъ цензы, будучи сложены, составили $^1/_3$ всѣхъ платимыхъ городомъ налоговъ. Во второй разрядъ входили избиратели съ меньшимъ цензомъ и для того, чтобы сумма цензовъ всѣхъ членовъ данной куріи составила $^1/_3$ городскихъ налоговъ, надо было включить въ разрядъ уже большее количество членовъ. Наконецъ, къ третьему разряду принадлежали цензовики еще болѣе низшаго размѣра, а потому ихъ должно было быть еще больше. чтобы составилась сумма, равная $^1/_3$ всѣхъ налоговъ. Такимъ образомъ, первый разрядъ, включающій наиболѣе крупныхъ цензовиковъ, состоялъ изъ очень небольшого количества членовъ, второй—былъ уже многочисленнѣе и, наконецъ, третій былъ самый многочисленный.

Однако, несмотря на количественное различіе, каждый изъ трехъ разрядовъ при выборахъ въ Городскую Думу имѣетъ одинаковое количество гласныхъ. Въ результатѣ и получалось крайне неравномѣрное распредѣленіе представительства въ Думѣ. Небольшая группа богатыхъ цензовиковъ имѣла столько же голосовъ, сколько и многочисленный разрядъ мелкихъ цензовиковъ. Жители же города, у которыхъ не было ни дома, ни другой какой либо недвижимости, живущіе въ наемныхъ квартирахъ и совсѣмъ не получили участія въ выборахъ гласныхъ въ Городскую Думу.

Ясно, что хотя Городовое Положеніе имѣло въ виду объединить всю совокупность городского населенія, но на дѣлѣ этого не произошло. Доступъ къ городскому самоуправленію такимъ образомъ получили только наиболѣе состоятельные классы.

По нынѣ дѣйствующему Городовому Положенію 1892 г. прежняя система выборовъ была измѣнена къ лучшему: три разряда были уничтожены. Теперь всѣ избиратели, обладающіе имущественнымъ цензомъ, при выборахъ дѣлятся по территоріальнымъ участкамъ, на которые раздѣляется городъ, черезъ что представительство отъ разныхъ разрядовъ избирателей теперь стало гораздо равномѣрнѣе. Но и въ настоящее время въ дѣйствующей системѣ выборовъ есть тотъ недостатокъ, что каждый избиратель, голосующій въ опредѣленномъ участкѣ, имѣетъ право подать свой голосъ только за такого гласнаго, который живетъ въ его участкѣ, но не можетъ выбирать кандидата, живущаго на другой территоріи, хотя это пребываніе въ той или другой части города представляетъ совершенную случайность; кромѣ того Положеніе 92 года такъ же, какъ и Положеніе 70-го отъ участія въ городскихъ выборахъ устраняетъ квартиронанимателей, за исключеніемъ Петербурга, имѣющаго особое Городовое Положеніе, по которому квартиронаниматели, платящіе наиболѣе высокую квартирную плату и квартирный налогъ, допущены къ участію въ выборахъ, но количество ихъ очень невелико. Количество гласныхъ, избираемыхъ въ Городскую Думу, по Положенію 70-го года для Москвы было установлено въ 180 человѣкъ, для Петербурга 250, а для провинціальныхъ городовъ отъ 30—72, съ такимъ расчетомъ, что въ городахъ съ 300 избирателей выбиралось 30 гласныхъ, на каждыхъ же 150 лишнихъ избирателей по 6 дополнительныхъ гласныхъ, пока ихъ не составится 72.

По Положенію 92 г. для Москвы и Петербурга было устоновлено количество гласныхъ въ 160 человѣкъ, для Одессы и др. городовъ, съ болѣе чѣмъ 100,000 населеніемъ, по 80 гласныхъ, а во всѣхъ остальныхъ провинціальныхъ городахъ отъ 30 до 60, съ такимъ расчетомъ, что на 100 избирателей выбирается 20 гласныхъ, а на каждыхъ 50 лиш-

нихъ избирателей приходится 3 дополнительныхъ, пока ихъ не составится 60.

Мы видимъ, что по Городовому Положенію 92-го г. количество гласныхъ во всѣхъ городахъ было уменьшено сравнительно съ количествомъ ихъ по Городовому Положенію 70-го г. Компетенція Городскихъ Думъ была аналогична компетенціи земскихъ собраній и управъ: то, что земство должно было дѣлать въ провинціи, то Городская Дума дѣлала въ городѣ. Ей были предоставлены для рѣшенія дѣла мѣстнаго городского хозяйства: матеріальное благоустройство, распредѣленіе сборовъ, народное просвѣщеніе, лѣченіе и т. д. Въ общемъ Городовое Положеніе являлось повтореніемъ статей Земскаго Положенія. Отношеніе Городской Думы къ представителямъ коронной администраціи напоминаетъ отношенія къ ней земскаго собранія, а именно: губернаторъ имѣетъ право опротестовывать постановленія Городской Думы не только съ точки зрѣнія ихъ незаконности, но и нецѣлесообразности. Разрѣшеніе спорнаго вопроса между Думой и мѣстной коронной властью принадлежитъ „Особому по городскимъ дѣламъ Присутствію", гдѣ преобладаютъ представители коронной администраціи. Затѣмъ вопросъ могъ быть направляемъ выше, въ Сенатъ, если постановленіе опротестовано губернаторомъ съ точки зрѣнія незаконности его, и въ министерство внутреннихъ дѣлъ, если оно опротестовано съ точки зрѣнія нецѣлесообразности, въ нѣкоторыхъ же случаяхъ онъ передается въ Совѣтъ министровъ.

Судебная реформа.

Теперь перейдемъ къ реформѣ суда, осуществленной въ 1864 г. Судъ есть аппаратъ, который установленъ для охраны дѣйствующаго законодательства. Разъ самый порядокъ жизни измѣняется, то необходимо долженъ измѣняться и самый судъ и приспособляться къ тому порядку, который онъ призванъ охранять. Вотъ почему послѣ отмѣны крѣпостного права судебная реформа была неизбѣжна. Реформу

64-го г. можно считать преобразованіемъ самымъ удачнымъ, въ которомъ было сдѣлано всего меньше уступокъ старинѣ. Объясняется это тѣмъ, что 1) судебная реформа не задѣвала междусословныхъ счетовъ, въ противоположность другимъ преобразованіямъ, такъ какъ эта реформа отвѣчала одинаково всѣмъ сословіямъ, и что 2) выработка реформы суда сразу попала въ хорошія руки. Разработка ея начала была поручена кружку молодыхъ талантливыхъ юристовъ (Зарудный, Равинскій, Буцковскій, Замятинъ, Побѣдоносцевъ, впослѣдстіи проявившій себя на поприщѣ реакціи, а въ то время—крупная сила). Прежде всего они выработали Основныя Положенія судебной реформы и провели ихъ въ законодательномъ порядкѣ черезъ Государственный Совѣтъ, а затѣмъ Положенія поступили на утвержденіе Государя, получивъ, такимъ образомъ, силу закона. Оставалось только детально развить эти начала, примѣнительно къ отдѣльнымъ сторонамъ реформы, безо всякаго опасенія за вмѣшательство въ дальнѣйшій ходъ работъ какого-нибудь посторонняго вліянія. Чтобы понять, какое важное значеніе въ русской жизни имѣла судебная реформа, достаточно взглянуть на прежній дореформенный русскій судъ. Люди, собственными глазами наблюдавшіе дореформенный судъ, рисуютъ намъ ужасныя картины порядковъ въ немъ. Такъ Иванъ Аксаковъ, далеко не отличавшійся радикализмомъ воззрѣній, говоря о дореформенномъ судѣ, который онъ близко наблюдалъ, пишетъ: „когда вспомнишь его—морозъ деретъ по кожѣ и волосы встаютъ дыбомъ“. Это былъ притонъ всевозможныхъ злоупотребленій, которыя дѣлали изъ суда западню для свѣжаго человѣка. Все дореформенное судопроизводство и судоустройство было организовано на совершенно противоположныхъ началахъ, необходимыхъ для отправленія правосудія. Особенность дореформеннаго суда заключалась въ громадномъ количествѣ судебныхъ инстанцій, черезъ которыя дѣло должно было пройти, и это страшно увеличивало судебную волокиту, такъ что нѣкоторые процессы тянулись десятилѣтіями. Кромѣ того, судъ былъ тѣсно переплетенъ съ администраціей. Чтобы яснѣе представить себѣ неблагопріятныя послѣдствія отсюда для

правосудія, нужно прослѣдить ходъ судебнаго процесса. Каждый судебный процессъ начинался съ предварительнаго слѣдствія, которое должно было выяснить вопросъ, есть ли основаніе предать даннаго человѣка суду или нѣтъ. Въ пореформенномъ судѣ предварительное слѣдствіе ведется судебнымъ слѣдователемъ, полиція же производитъ только предварительное дознаніе, т. е. наводитъ самыя первоначальныя справки, а затѣмъ уже судебный слѣдователь, которому дѣло передается, на основаніи этихъ данныхъ, дѣлаетъ заключеніе, имѣется ли здѣсь составъ преступленія или нѣтъ. Въ дореформенной же Россіи все предварительное слѣдствіе производилось полиціей. Нижній земскій судъ—полицейское учрежденіе Екатерины II-ой—во главѣ съ капитанъ исправникомъ—производилъ это слѣдствіе и рѣшалъ вопросъ о наличности состава преступленія. Такимъ образомъ, въ самомъ началѣ процесса наблюдалось вторженіе административной власти въ сущность отправленія правосудія. Затѣмъ, если Нижній Земскій Судъ признавалъ составъ преступленія, то дѣло передавалось въ первую судебную инстанцію—въ уѣздный судъ, если дѣло касалось дворянина, или въ Магистратъ, если дѣло касалось купца, или въ Нижнюю Расправу, если дѣло касалось свободнаго крестьянина. Въ пореформенномъ судѣ за предварительнымъ идетъ такъ называемое судебное слѣдствіе, которое происходитъ во время самаго слушанія дѣла въ судѣ. Здѣсь выясняется степень наказанія или оправданіе обвиняемаго. Судебное же слѣдствіе въ дореформенное время производилось не судьями, а канцеляріей суда, при чемъ все велось исключительно въ письменной формѣ, безъ вызова обвиняемыхъ и свидѣтелей, такъ что судебная канцелярія не руководствовалась никакими личными впечатлѣніями. Отъ подсудимыхъ и свидѣтелей требовались только письменныя показанія, на основаніи которыхъ составлялась „Записка по дѣлу“, въ которой матеріалъ иногда увеличивался въ теченіе цѣлыхъ десятилѣтій. И въ это время совершались всевозможныя злоупотребленія: вымогательство, взяточничество, лицепріятіе и т. д., такъ все дѣлопроизводство совершалось втайнѣ. Вотъ, слѣдовательно, характерныя черты

тогдашняго процесса: онъ не былъ гласнымъ, но келейнымъ, письменнымъ, а не устнымъ. Въ „Запискѣ по дѣлу“ содержался обвинительный актъ, т. е. сущность дѣла, показанія сторонъ и свидѣтелей, описаніе вещественныхъ доказательствъ, и прилагалась выписка изъ статей закона, приличествующихъ случаю. Послѣ долгой волокиты канцелярія заканчивала составленіе „Записки по дѣлу“, которая поступала въ судъ. Судьи собирались только тогда, когда все судебное слѣдствіе по данному дѣлу заканчивалось. На основаніи этой „Записки“ судьи и должны были рѣшить дѣло, при чемъ на рѣшеніе каждаго полагалось не болѣе 3-хъ часовъ. Такимъ образомъ, дѣло, которое часто тянулось десятки лѣтъ въ канцеляріи, въ теченіе трехъ часовъ должно было быть рѣшено судьями, не видѣвшими при этомъ ни обвиняемаго, ни свидѣтелей, ни потерпѣвшаго, а имѣвшими передъ собой только эту самую „Записку“, на основаніи которой они должны были построить свой приговоръ. Затѣмъ слѣдовала самая постановка приговора, при чемъ судьи были связаны по рукамъ и ногамъ особой системой доказательствъ, которая называлась формальной. Прежде всего судья не долженъ былъ входить во внутреннюю оцѣнку каждаго доказательства и долженъ былъ избѣгать руководства голосомъ своей совѣсти. Передъ нимъ были точно установленныя въ законѣ правила, которыя оставалось только механически примѣнять. Доказательства дѣлились на совершенныя и несовершенныя. Напр., собственное признаніе подсудимаго считалось совершеннымъ доказательствомъ, а показанія свидѣтелей—несовершенными. Но затѣмъ въ законѣ устанавливалось, какъ будто на аптекарскихъ вѣсахъ вычисленное, соотношеніе между этими двумя родами доказательствъ. Напр., одно свидѣтельское показаніе считалось несовершеннымъ, но если два свидѣтеля покажутъ одно и то же, то соединеніе двухъ несовершенныхъ доказательствъ даетъ одно совершенное. Судьямъ оставалось только примѣнять этотъ ариѳметическій расчетъ. Судья, какъ юристъ, какъ живое лицо, исчезалъ и превращался только въ часть судебнаго механизма, механически показывавшаго ту или другую степень наказуемости въ за-

висимости отъ тѣхъ лицъ, которыя завѣдывали судебной канцеляріей, выставляя въ своей запискѣ тѣ или другія совершенныя или несовершенныя доказательства. Затѣмъ дѣло поступало въ слѣдующую инстанцію и тамъ все начиналось сначала: снова канцелярія составляла „Записку по дѣлу", вновь давались письменныя показанія и т. д. Самой послѣдней инстанціей была губернская Палата гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ, но если дѣло должно было перейти въ Сенатъ, то оно предварительно поступало на разсмотрѣніе губернатора. Это другой примѣръ вторженія администраціи въ самую сущность правосудія. Затѣмъ изъ Сената дѣло иногда переходило въ Государственный Совѣтъ, и сперва попадало въ отдѣльный департаментъ, а затѣмъ уже въ общее Собраніе Совѣта. Чтобы судебное дѣло прошло всѣ эти инстанціи, какъ мы видимъ, требовалось безконечное количество времени. Дѣйствительно теперь эти подробности возбуждаютъ въ насъ только юмористическое настроеніе, но совершенно иначе относились къ нимъ люди, поставленные въ необходимость испытать на себѣ отрицательныя стороны той судебной процедуры.

Теперь разсмотримъ содержаніе Судебныхъ Уставовъ Александра II-го, обнародованныхъ въ 1864 г. Они были построены на принципахъ прямо противоположныхъ основаніямъ дореформеннаго судоустройства и судопроизводства. Что касается судоустройства, то въ Судебныхъ Уставахъ было опредѣлено самое минимальное количество судебныхъ инстанцій. Для каждаго процесса было установлено только двѣ инстанціи, при чемъ онѣ были расположены по двумъ параллельнымъ линіямъ для дѣлъ различныхъ категорій. Наряду съ судами общими была введена мировая юстиція для болѣе мелкихъ, но важныхъ въ общежитіи дѣлъ, при чемъ мировой судъ имѣлъ упрощенную форму, чтобы быть доступнѣе населенію, а самъ судья былъ бы менѣе ограниченъ въ своихъ разборахъ дѣлъ разными формальными требованіями. Для дѣлъ, разбиравшихся мировымъ порядкомъ были учреждены двѣ инстанціи: 1) мировой судъ и 2) съѣздъ мировыхъ судей, а для дѣлъ общихъ: 1) Окружный судъ и 2) Судебная

палата. Надъ этими двумя параллельными инстанціями въ видѣ вѣнчающаго ихъ купола былъ поставленъ Сенатъ, но въ Сенатъ дѣла поступали уже не для пересмотра ихъ по существу, а только для провѣрки правильности судебной процедуры, т. е. не совершили предшествующія инстанціи какого либо правонарушенія. Переносъ дѣла изъ одной инстанціи въ другую для пересмотра по существу называется апелляціей. Такимъ образомъ, можно было апеллировать на рѣшеніе мирового суда въ Съѣздъ мировыхъ судей, а на приговоръ Окружнаго Суда—въ Судебную Палату; въ Сенатъ же изъ Съѣзда мировыхъ судей и Судебной Палаты дѣла поступаютъ не по апелляціи, а по кассаціи, т. е. Сенатъ, не пересматривая дѣла по существу, только провѣряетъ правильность рѣшенія дѣла въ предшествующей инстанціи, и если находитъ здѣсь неправильность или уклоненіе, то снова возвращаетъ дѣло въ предыдущую инстанцію, указывая при этомъ на сдѣланныя упущенія въ отношеніи судебной процедуры. Судебныхъ апелляціонныхъ инстанцій было установлено двѣ, Сенатъ же былъ кассаціонной инстанціей, единиственной для всякаго рода дѣлъ, какъ для мировыхъ, такъ и для общихъ. Такъ несложно былъ устроенъ механизмъ судоустройства.

Кромѣ упрощенія, въ судоустройствѣ былъ введенъ чрезвычайно важный принципъ: отдѣленіе суда отъ администраціи. Признано было необходимымъ сдѣлать изъ суда вѣдомство административно независимое, самостоятельно разбирающее дѣла, уже по одному тому, что ему, т.-е. суду, иногда приходится разбирать столкновенія съ той же администраціей, которая поэтому и должна стоять совершенно въ сторонѣ. Въ Суд. Уставахъ 1864 г. отдѣленіе суда отъ администраціи устанавливалось въ нѣсколькихъ формахъ: изъ самаго процесса устранялись случаи прежняго вмѣшательства администраціи въ отправленіе правосудія. Взамѣнъ ея для производства судебнаго слѣдствія былъ поставленъ судебный слѣдователь, чиновникъ судебный, а не административный. Затѣмъ, изъ рукъ полиціи было взято приведеніе въ исполненіе приговора, для чего теперь учре-

жденъ институтъ судебныхъ приставовъ. И, наконецъ, въ Судебныхъ Уставахъ былъ проведенъ весьма важный принципъ несмѣняемости судей, т.-е. отстраненіе судьи отъ должности не иначе, какъ по суду, но не по распоряженію администраціи. Это начало считается необходимымъ для независимости и самостоятельности судьи при постановкѣ приговора, только на основаніи сущности дѣла, а не подъ какимъ-либо постороннимъ вліяніемъ. Таковы новыя начала, относящіяся къ судоустройству.

Что касается судопроизводства, то Суд. Уставы Александра II-го вводили совершенно новыя начала въ судъ: во-первыхъ, онъ былъ сдѣланъ устнымъ и гласнымъ, вмѣсто прежняго, письменнаго и келейнаго; въ гражданскомъ процессѣ былъ установленъ состязательный процессъ (вмѣсто прежняго—инквизиціоннаго), т.-е. при разборѣ гражданскаго спора оба лица должны были сами участвовать въ доказательствѣ. Судъ, слѣдовательно, входитъ въ разсмотрѣніе спорнаго правоотношенія въ томъ размѣрѣ, въ какомъ сами стороны представятъ его суду. Самимъ сторонамъ предоставлялась активная роль въ собираніи доказательствъ, какія онѣ найдутъ необходимыми для дѣла. Въ уголовномъ процессѣ кромѣ того былъ введенъ процессъ обвинительный, т.-е. на судѣ участвуютъ обѣ стороны: и обвинитель и обвиняемый, которыя здѣсь же лично представляютъ суду свои соображенія и доказательства. При этомъ было введено состязаніе между представителемъ обвиненія — правительственнымъ прокуроромъ — и защиты, которая была допущена въ судъ въ лицѣ присяжныхъ повѣренныхъ, чтобы путемъ живого спора можно было полнѣе раскрыть передъ судьями всѣ стороны дѣла. Кореннымъ и особенно важнымъ нововведеніемъ, поставившимъ дѣло уголовнаго правосудія на новыя основанія, явилось участіе въ уголовномъ процессѣ суда присяжныхъ засѣдателей, представителей общественной совѣсти. Присяжными засѣдателями являются лица изъ представителей мѣстнаго населенія, которыя по жребію отбываютъ въ теченіе двухъ недѣль свои обязанности. Они рѣшаютъ вопросъ только о томъ, есть вина или нѣтъ, вопросъ

же о степени наказанія, если виновность признана, рѣшаетъ профессіональный судъ. Для того, чтобы рѣшить вопросъ, есть вина или нѣтъ, призываются изъ жизни свѣжіе люди, у которыхъ постоянное участіе въ судебныхъ процессахъ не притупило нравственнаго чувства, не выработало извѣстной профессіональности. Такимъ образомъ, сужденіе о фактѣ виновности отдѣлялось отъ сужденія о степени наказуемости. Итакъ, устность, гласность, состязательный характеръ, участіе представителей общественной совѣсти въ процессѣ—вотъ рядъ совершенно новыхъ принциповъ, которые были введены Судебными Уставами Александра II-го и которые совершенно измѣнили характеръ отправленія правосудія. Теперь трудно вполнѣ ясно представить тотъ глубочайшій переворотъ, который былъ въ 1864 г. произведенъ въ дѣлѣ судопроизводства.

Какъ выше было указано, Судебная реформа Александра II-го явилась самой удачной изъ преобразованій 60-хъ годовъ, благодаря тому, что при ея проведеніи совершенно отсутствовала междусословная борьба, осложнявшая ходъ другихъ преобразованій, и что составленіе проекта Устава было поручено опредѣленной группѣ лицъ, но въ 80-хъ и 90-хъ годахъ 19 столѣтія, хотя Судебные Уставы и не были подвергнуты пересмотру въ полномъ объемѣ и не были замѣнены новыми уставами, тѣмъ не менѣе рядомъ сепаративныхъ указовъ, такъ называемыхъ новеллъ, былъ постепенно внесенъ въ нихъ духъ противоположныхъ началъ. Въ совокупности эти новеллы представляли собой контръ-реформу, и многіе компетентные дѣятели нашего суда совершенно вѣрно считаютъ, что въ настоящее время отъ Судебныхъ Уставовъ Александра II-го остался одинъ только переплетъ. Правда, въ Судебныхъ Уставахъ по прежнему остались такіе институты, какъ, напримѣръ, судъ присяжныхъ, устность и гласность процесса, но въ своемъ примѣненіи они были существенно ограничены, такъ принципъ отдѣленія суда отъ администраціи въ теченіе 80-хъ и 90-хъ годовъ претерпѣлъ значительныя ограниченія: съ одной стороы, его на практикѣ просто обходили, не покушаясь на него прямо, съ другой—онъ былъ подвергнутъ искаженію путемъ позднѣйшихъ законодатель-

ныхъ постановленій. Обходъ этого принципа на практикѣ выразился напримѣръ въ томъ, что судебные слѣдователи, производящіе предварительное слѣдствіе и долженствующіе быть несмѣняемыми иначе, какъ по суду, были замѣнены исполняющими должность судебнаго слѣдователя, для того, чтобы министръ юстиціи имѣлъ возможность распоряжаться лицами, вполнѣ отъ него зависящими, которые не являлись судебными слѣдователями и могли быть отставляемы въ административномъ порядкѣ. Поэтому въ настоящее время у насъ осталось очень мало настоящихъ судебныхъ слѣдователей, въ большинствѣ же случаевъ это и. д. судебнаго слѣдователя.

Затѣмъ опредѣленіе состава судебнаго персонала было поставлено въ тѣсную зависимость отъ усмотрѣнія министра юстиціи. Кромѣ ослабленія принципа отдѣленія суда отъ администраціи, подверглись ограниченію и другія стороны Судебныхъ Уставовъ, была ограничена гласность процесса. Судебные Уставы Александра II-го тоже знали закрытіе дверей судебнаго засѣданія для публики, но слушаніе дѣла при закрытыхъ дверяхъ было установлено для очень ограниченнаго и точно опредѣленнаго въ законѣ числа случаевъ, напримѣръ, если судебное разбирательство могло оскорбить общественную нравственность, или когда на судѣ могли быть оглашены государственныя тайны. Теперь же закрытіе дверей судебнаго засѣданія предоставлено усмотрѣнію министра юстиціи, такъ что достаточно его телеграммы, чтобы двери были закрыты и публика удалена. Такъ нарушился принципъ гласности процесса. Кромѣ того, участіе въ судѣ присяжныхъ, хотя и не было отмѣнено, но рядомъ новеллъ была весьма существенно ограничена прежняя компетенція суда присяжныхъ. Очень многія дѣла, которыя раньше разбирались при ихъ участіи, теперь были изъяты изъ ихъ компетенціи и переданы особому суду сословныхъ представителей. Правда, и Судебные Уставы предусматривали судъ съ участіемъ сословныхъ представителей, но въ самомъ ограниченномъ числѣ случаевъ. Подъ сословными представителями разумѣются не присяжные засѣдатели, которые берутся по жребію, хотя и на основаніи нѣкотораго имущественнаго

ценза, а лица, являющіяся на судъ по своему служебному положенію независимо, отъ своего участія въ данномъ процессѣ. Это — предводитель дворянства, какъ представитель своего сословія, городской голова, какъ представитель города, и одинъ изъ волостныхъ старшинъ, какъ представитель крестьянъ. Эти лица являются въ судъ лишь по оффиціальному положенію во главѣ сословій, для разбора вмѣстѣ съ судьями тѣхъ дѣлъ, которыя не подлежатъ компетенціи суда присяжныхъ, напр. всѣхъ дѣлъ политическаго характера. По Судебнымъ Уставамъ 1864 г. судъ сословныхъ представителей разбиралъ только нѣкоторыя политическія дѣла, въ которыхъ разсматривались напр. вопросы, касающіеся политической борьбы, направленной противъ верховной власти, теперь же суду сословныхъ представителей подлежатъ всякія дѣла, соприкасающіяся съ вопросами политическими, а также всѣ дѣла, касающіяся служебныхъ лицъ и нѣкоторыя другія, къ политикѣ не имѣющія никакого отношенія.

Ограниченіе суда присяжныхъ быстрымъ урѣзываніемъ ихъ компетенціи на счетъ увеличенія суда сословныхъ представителей, началось еще въ царствованіе Александра II-го, послѣ того, какъ судъ съ участіемъ присяжныхъ оправдалъ Вѣру Засуличъ, стрѣлявшую въ петербургскаго губернатора Трепова. Въ такихъ разнообразныхъ направленіяхъ шла позднѣйшая переработка Судебныхъ Уставовъ Александра II-го, которая, если и не упразднила совсѣмъ основы судебной реформы 64 г., то совершенно исказила ее. Одновременно, какъ намъ уже извѣстно, съ этой переработкой реформъ 60-хъ годовъ—въ 80-хъ годахъ шелъ и другой процессъ—распространенія сферы дѣйствій этихъ учрежденій на новыя части государственной территоріи. Мы знаемъ, что при Александрѣ II-мъ всѣ учрежденія, земское, городское и судебное, не были введены сразу по всей имперіи, а вводились по частямъ.

Позднѣе эти учрежденія, распространяясь количественно перерабатывались качественно, и не въ направленіи дальнѣйшаго развитія преобразовательныхъ началъ 60-хъ годовъ, а наоборотъ въ смыслѣ искаженія и стѣсненія ихъ. Послѣ непродолжительнаго періода преобразовательнаго творчества

въ 60-хъ годахъ—въ 80-хъ и 90-хъ годахъ начался продолжительный періодъ реакціоннаго теченія.

Реформа воинской повинности.

До 1 января 1874 г., когда при содѣйствіи военнаго министра А. Д. Милютина былъ проведенъ новый воинскій уставъ, армія пополнялась путемъ рекрутскихъ наборовъ, при чемъ эта система, одна изъ самыхъ обременительныхъ государственныхъ повинностей, всей тяжестью почти исключительно ложилась на мѣщанъ и крестьянъ. Новый же уставъ дѣлалъ исполненіе воинской повинности обязательной для всѣхъ сословій „безъ различія состояній“

По уставу 1874 г. ежегодно призывалось все мужское населеніе, достигшее 20—21 лѣтняго возраста, и по жребію часть его, признанная годной, вступала въ военную службу въ числѣ, которое каждый годъ назначалось, для пополненія постоянныхъ сухопутныхъ и морскихъ войскъ, другая же часть зачислялась въ ратники ополченія, созываемаго въ особыхъ случаяхъ военнаго времени. Къ послѣднимъ причисляется все, способное носить оружіе, мужское населеніе отъ призывного до 40 лѣтняго возраста, не находящееся на дѣйствительной службѣ. По окончаніи срока дѣйствительной службы, выслужившіе ее, зачисляются въ запасъ, который призывается на службу только въ военное время. Срокъ дѣйствительной службы устанавливался въ 6 лѣтъ, а запасной—9 лѣтъ, во флотѣ же—первый въ 7, а—второй въ 3 г. Всякіе откупы отъ военной службы, а также и замѣщенія, новый законъ совершенно запрещалъ, зато допускалъ отсрочки въ отбываніи повинности и давалъ всевозможныя льготы по слѣдующимъ причинамъ: по неспособности къ военной службѣ, по семейному или имущественному положенію, по званію или особому роду занятій и, наконецъ, по образованію, которыя давали право освободиться отъ воинской повинности или отъ дѣйствительной службы въ мирное время. Эти льготы новымъ уставомъ давались: священнослужителямъ всѣхъ христіанскихъ вѣроиспо-

вѣданій, православнымъ псаломщикамъ, а также каждому единственному способному къ труду сыну при неспособномъ къ труду отцѣ или при вдовѣ матери, преподавателямъ правительственныхъ и частныхъ съ утвержденнымъ правительствомъ уставомъ среднихъ учебныхъ заведеній. По степени полученнаго образованія сокращаются сроки дѣйствительной службы въ арміи по жребію—до 4-хъ лѣтъ, если данное лицо окончило начальную школу, до 6 мѣс., если оно получило высшее образованіе, съ увеличеніемъ на соотвѣтствующее число лѣтъ срока состоянія въ запасѣ. Кромѣ того, лицамъ, получившимъ извѣстное среднее или высшее образованіе, новый уставъ предоставлялъ право отбывать воинскую повинность въ арміи безъ жребія, вольноопредѣляющимися.

Такимъ образомъ, широкими льготами по образованію военная реформа весьма много способствовала распространенію народнаго просвѣщенія. Мысль закона 1874 г. въ томъ и состоитъ, что по современнымъ условіямъ войны только та армія, можетъ расчитывать на боевой успѣхъ, въ которой грамотными, развитыми и находчивыми солдатами командуютъ офицеры съ основательнымъ образованіемъ не только спеціальнымъ, но и общимъ.

При дѣйствіи устава 1874 г. европейская армія Россіи по составу обученныхъ людей не превышала въ военное время 1.270,000 человѣкъ, когда Германія могла выставить армію въ 3.734,000, а Австро-Венгрія въ 1.821,000. Между тѣмъ явились поводы опасаться вооруженнаго столкновенія съ ближайшими сосѣдями на Западѣ. Чтобы увеличить боевыя силы, не обременяя населенія чрезмѣрно личной повинностью, а казны непосильными расходами, правила 14 іюня 1888 г., сокративъ дѣйствительную службу на одинъ годъ, увеличили срокъ состоянія въ запасѣ на 3 года. По тому же закону срокъ состоянія въ ополченіи продолженъ до 43-лѣтняго возраста. Съ цѣлью пополнить въ арміи составъ офицерскихъ чиновъ образованными людьми и побудить послѣднихъ поступать въ ряды войскъ добровольно, закономъ 1886 г. трехмѣсячный и полугодовой срокъ дѣйствительной службы вольноопредѣляющихся замѣненъ годовымъ, а полугодовой

и полуторагодовой срокъ льготныхъ по образованію жребьевыхъ—двухлѣтнимъ.

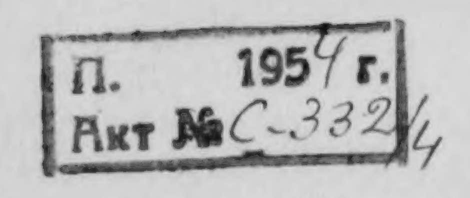
Одновременно съ этимъ, благодаря раскрѣпощенію труда, во второй половинѣ 19-го столѣтія внутренній строй общежитія въ Россіи быстро осложнялся и получалъ новыя очертанія. Если законодательство, начиная съ 60-хъ годовъ, содѣйствовало до извѣстной степени уравненію сословій, то благодаря осложненію экономическихъ отношеній въ странѣ, шло углубленіе классовыхъ различій. (Подъ сословіями подразумѣваются группы, которыя отличаются другъ отъ друга совокупностью юридическихъ правъ и обязанностей. Подъ классами же разумѣются такія общественныя группы, которыя отличаются другъ отъ друга совокупностью интересовъ жизни и профессіональныхъ занятій и всего ихъ культурнаго облика). Въ этомъ отношеніи въ теченіе 2-й половины 19-го вѣка шла быстрая дифференціація, которая явилась результатомъ развивающихся экономическихъ отношеній. Лишь только было отмѣнено крѣпостное право, ростъ капитализма въ Россіи пошелъ быстрыми шагами, развивался торговый обмѣнъ и обрабатывающая промышленность, а въ зависимости отъ этого увеличивался ростъ рабочаго фабрично-заводскаго населенія.

Съ другой стороны классъ землевладѣльческаго дворянства сталъ все болѣе замыкаться въ себѣ и выражать рѣзкую оппозицію обновляющимъ теченіямъ жизни. Наряду же съ этимъ все болѣе давало себя знать крестьянское малоземелье, основаніе которому было, какъ мы видѣли, положено еще реформой 61 года, рѣшившей неудовлетворительно вопросъ о земельномъ обезпеченіи крестьянства. Недостатокъ въ землѣ давалъ себя знать все острѣе и острѣе и жизнь все чаще стала создавать соціальные конфликты. Для управленія такимъ сложнымъ общественнымъ организмомъ стало необходимо преобразованіе государственнаго управленія на новыхъ началахъ. Самодержавная бюрократическая монархія, которая до извѣстной степени отвѣчала своему назначенію при существованіи крѣпостного права, съ осложненіемъ общественныхъ отношеній внутри страны, съ обостреніемъ соціальнаго неравенства, оказалась непригодной для урегули-

рованія жизненныхъ теченій въ этихъ новыхъ формахъ. Поэтому выдвинулся на очередь вопросъ о реформѣ политической, о введеніи учрежденій конституціонныхъ, которыя во всѣхъ странахъ соотвѣтствовали росту соціальной борьбы въ странѣ и которыя даютъ имъ спокойный выходъ, самъ собою, независимо отъ революціоннаго протеста. Но несмотря на это осложненіе жизненныхъ отношеній, выдвигавшихъ на очередь выработку государственнаго управленія, курсъ правительственной политики въ 80-хъ и 90-хъ годахъ пріобрѣталъ характеръ все болѣе и болѣе реакціонный.

Это и подготовило тотъ глубокій политическій кризисъ, который разыгрался на глазахъ нашего поколѣнія и изъ котораго мы не вышли и до сихъ поръ.

ОГЛАВЛЕНІЕ II части.

Цѣна за двѣ части [illegible] р. 8[illegible] к.